

Народныя традыцыі Беларусі

Этнакультурная спадчына Пастаўшчыны

*АЛЮНІНА Ірына Уладзіміраўна
МІХАЙЛЕЦ Міхаіл Анатольевіч*

МІНСК 2025

Аўтары-укладальнікі:

кандыдат гістарычных навук, дацэнт БДУ Алюніна Ірына Уладзіміраўна,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт БДУ Міхайлец Міхаіл Анатольевіч.

Ідэя, канцэпцыя, агульная рэдакцыя:

доктар гістарычных навук, прафесар БДУ Навагродскі Тадэвуш Антонавіч

Рэцэнзенты:

кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра
даследаванняў беларускай культуры мовы і літаратуры НАН Беларусі
Кухаронак Таццяна Іванаўна,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт БДУ Бачыла Ірына Генадзьеўна.

Алюніна І. У., Міхайлец М. А. Этнакультурная спадчына
Пастаўшчыны. – Мн.: БДУ, 2025. – 139 с.

У зборніку змешчаны матэрыялы палявых этнаграфічных
даследаванняў па этнакультурнай спадчыне беларусаў, сабраных падчас
этнаграфічнай экспедыцыі ў Пастаўскі раён Віцебскай вобласці Рэспублікі
Беларусь. Яны могуць быць запатрабаваны спецыялістамі турыстычнай
індустрыі у сваёй практычнай рабоце, а таксама даследчыкамі – этнолагамі,
гісторыкамі, антрапологамі, фалькларыстамі, лінгвістамі, краязнаўцамі ў
навукавай працы і інш.

© Алюніна І. У. , Міхайлец М. А.

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА	4
ЧАЛАВЕК НА ВАЙНЕ	7
ПРОДКІ.....	13
ПРАЦА	26
РАМЯСТВО	37
СВЯТЫ.....	58
ВЕРА / РЭЛІГІЯ	63
ГРАМАДСКІЯ СТАСУНКІ.....	71
НАРОДНАЯ КУХНЯ.....	87
ГАСПАДАРКА.....	100
СЯМ'Я / КАХАННЕ	111
ЖЫЦЦЁВАЯ ФІЛАСОФІЯ	117
РАДЗІМА	120
СПАДЧЫНА	123

ПРАДМОВА

Важнейшай часткай спадчыны народа з’яўляецца яго этнакультурная спадчына. Менавіта ў ёй найбольш яскрава і выразна захоўваюцца этнічныя асаблівасці народа. Каб грунтоўней пазнаёміцца з этнакультурнымі традыцыямі беларусаў, вельмі важна сабраць усю інфармацыю аб іх ад мясцовых жыхароў ва ўсіх рэгіёнах Беларусі. Многія традыцыі мінулага могуць быць выкарыстаны ў сучасным жыцці.

Гэты зборнік з’яўляецца працягам шматгадовага праекта кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Аўтарам ідэі праекта з’яўляецца вядомы беларускі этнолаг Тадэвуш Наваградскі. Пад яго кіраўніцтвам і па распрацаванай ім методыцы штогод праводзіліся этнаграфічныя экспедыцыі ў розныя куткі Беларусі – Мір, Моталь, Тышкавічы, Гервяты, Семежава, Глыбокае, Лепель, Слабодка, Лунінец, Мсціж, Ваверка і інш. Частка палявых этнаграфічных матэрыялаў, сабраных падчас экспедыцый, была апублікавана¹. Аднак большасць матэрыялаў яшчэ чакае свайго шчаслівага моманту, каб стаць даступнымі для чытача.

З 24 чэрвеня па 8 ліпеня 2024 года была арганізавана этнаграфічная экспедыцыя ў горад Паставы Віцебскай вобласці. На працягу двух тыдняў па спецыяльна падрыхтаваных апытальніках праводзіўся збор палявога этнаграфічнага матэрыялу ў Паставах і вёсках Пастаўскага раёну – Апідамы, Гута, Галбея, Варапаева, Камаі, Лынтупы, Дунілавічы, Лучай і інш. Было апытана звыш пяцідзiesiąці чалавек рознага ўзросту, якія паведамілі вельмі многа цікавай інфармацыі аб самых розных аспектах гістарычнай і этнакультурнай спадчыны рэгіёна: паходжанні назваў некаторых населеных пунктаў, іх гісторыі, паўсядзённым жыццём мясцовага насельніцтва, асаблівасцях матэрыяльнай, духоўнай і сацыяльнай культуры жыхароў, этнічных груп і міжэтнічных адносін на Пастаўшчыне.

Размова з нашымі інфармантамі часта выходзіла за межы адной якой-небудзь важнай праблемы, яны расказвалі нам пра ўсё сваё жыццё. Таму публікацыі матэрыялаў мы вырашылі даць назву “Этнакультурная спадчына Пастаўшчыны”. У час палявой

¹ Народная кухня маталян / Наваградскі Т.А., Алёніна І.У., Захаркевіч С.А. – Мінск, 2009. – 100 с.; Народная кухня тышкаўцоў / Наваградскі Т.А., Алёніна І.У., Захаркевіч С.А. – Мінск, 2010. – 198 с.; Народная кухня Гервятаў / Наваградскі Т.А., Алёніна І.У. – Мінск, 2011. – 134 с.; Народная кухня Семежава / Наваградскі Т.А., Алёніна І.У., Захаркевіч С.А. – Мінск, 2012. – 248 с.; Народная кухня Лепельшчыны / Т.А. Наваградскі, С.А. Захаркевіч, І.У. Алёніна. – Мінск, «Колорград», 2017. – 528 с. Наваградскі Т.А., Алёніна І.У., Бачыла І.Г. Этнакультурная спадчына Зэльвеншчыны. – Гродна: ЮрСаПрынт, 2019. – 545 с.

работы праводзілася фотаздымка, вынікі якой толькі часткова змешчаны ў дадзенай працы. Матэрыялы, сабраныя у этнаграфічнай экспедыцыі, уяўляюць важную крыніцу для далейшага вывучэння і выкарыстання этнакультурных традыцый беларусаў. Яны могуць быць запатрабаваны спецыялістамі турыстычнай індустрыі ў сваёй практычнай рабоце, а таксама даследчыкамі – этнолагамі, антрапологамі, гісторыкамі, фалькларыстамі, лінгвістамі, краязнаўцамі у навуковай працы і інш.

У дадзенай працы змешчаны матэрыялы гутарак аб этнакультурнай спадчыне рэгіёна з мясцовымі жыхарамі. Пры падрыхтоўцы матэрыялаў да выдання аўтары імкнуліся захаваць усе асаблівасці іх гаворкі. Хочацца выказаць самыя шчырыя словы ўдзячнасці ўсім прыветлівым і гасцінным жыхарам Пастаўшчыны, якія знайшлі магчымасць падзяліцца з намі сваім адметным досведам.

Асаблівая наша ўдзячнасць кіраўніцтву Пастаўскага раёна, супрацоўнікам Пастаўскага ТЦСАН, выпускніку гістарычнага факультэта Зміцеру Андрэеву і адміністрацыі Пастаўскай гімназіі, якія садзейнічалі нашай палявой рабоце.

Выказваем шчырую ўдзячнасць студэнтам гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта за дапамогу ў зборы этнаграфічнага матэрыялу падчас экспедыцыі:

Аўчарук Мікіта, Вяршыцкая Ева, Гадзішэўскі Ўладзімір, Голуб Ангеліна, Грышчанка Максім, Гугнюк Анастасія, Дабравольская Ганна, Дашкевіч Паліна, Доўнер Марыя, Жэлезоўскі Алег, Кавалёва Паліна, Каласоўскі Мікіта, Коўшар Дар'я, Маслёная Арына, Плюшчай Мікіта, Поклад Яўген, Рабецкі Іван, Раманенка Юлія, Чыгілінскі Ягор, Якута Раман.

Ірына Алёніна, Міхаіл Міхайлец

Размова студэнтаў з жыхаркай г. Паставы

* * *

*За кожным пагоркам – возера,
Мільгае ўдалечыні...
У кожнай вёсцы - гісторыя,
Якую вы нам аддалі.*

*Дзяліліся сваёй радасцю
І спадчынай, што збераглі,
Цяплом свайго сэрца шчырага
І памяццю аб сям'і.*

*Мы хочам вам усім падзякаваць,
Імкнемся вас усіх абняць.
Жадаем цудоўнай Пастаўшчыне
У міры і шчасці трываць!*

*07.07.2024
Міхаіл Міхайлеў*

ЧАЛАВЕК НА ВАЙНЕ

Фотаздымак з архіва жыхаркі г. Паставы

* * *

У Чэцверці, мусіць, дзе былі баі яшчэ, вот это нямецкі дот. Кагда атступалі немцы, мы тагда ў гэтым окопе, жыло там нас, можа, чалавек 20 дзяцей і мы там усе хаваліся ў гэтым окопе. Ну тот окоп быў ён нямножка.. тут уже разрушыўся сільно, потому что он сдзелан у 1917 гаду ў Первую нямецкую вайну. Ну там дот этат, не окоп, а дот. Ну такі, ў серадзіне жалезны был акутаны, а зверху дзеравам такі, трава была, усё. Там скаціна патом стаяла калхозная (*смяецца*). Кагда ўже асвабодзілі ат немцаў, сільна грывела ўсюды і мы ў гэтым доце сядзелі, мы паехалі з гэтага доміка, у гэтым доце сядзелі, баяліся тут, у дзярэўне баяліся, што спалят, что та.. але ж не спалілі дзярэўню, яна сама разрушылася. А патом мы сядзелі тут пака война не прайшла, пака ат немцаў не асвабодзілі. А он і есць і да сёх пор там. На берегу, палучаецца, озера Чэцверць. Недалекавата ад Пастав, кіламетраў 10. Там даехаць цяпер неважможна, сільна зараслі ўсе дарогі. Чэцверць была озерам, а кругом озера былі хутары, а хутары былі очэнь редка. Ды і хутароў скоро не стала, у калхозное врэмя іх разрушылі і сказалі ў дзярэўні пераехаць.

У годы вайны ў нас тут мала немцаў было, но прыляталі партызаны, інагда немцы, но не было такога, што грамілі сільна. Нашу Пастаўшчыну сільна не грамілі так, не грамілі... Некаторыя дзярэўні цэлымі палілі, но каб з людзьмі, у нас такога не было. Палілі, наватнае, за парцізан, патаму што парцізаны ўхадзілі, дзевенямі ўхадзілі, і ані сабіралі сведенія. Былі связныя, где-та паймают – за эта і наказывалі. У дзярэўне ўсе былі ваенныя, усе хадзілі, у Кашыцах ухадзілі на вайну і многія не вярнуліся з вайны, пагіблі на войне і вярталіся раненыя, прабітыя. Быстра поўміралі, тыя, каторыя з вайны прыйшлі. У папы сястру расстралялі, калі з хутара пайшла ў Паставы, еду шукала. Яўрэяў было много ў Паставах. Расказывалі, что ў Кашыцкім лесе закапалі многа яўрэяў разам з цыганамі. Немцы па Паставах шасталі, і многа там было дзяцей, чалавек сорок, дзяцей расстралялі ў лесу. Там зараз лес, можа калі раскапаюць...

Яўрэі жа тут запраўлялі ўсім. Яны добрыя мелі работы... Чоскі былі ў іх, у габрэя, ён таксама прымаў, людзі насілі часаць шэрсць. Чоскі такія ручныя былі. Ну, яны займаліся чым-небудзь. Потым быў гэты габрэй... Гофман. Ён суддзя быў або хто тут, пракурорам быў у нас тут у Паставах. Ён памёр ужо, яго няма. Больш-менш вучоныя,

габрэі былі, вучоныя. Жыў у нас тут калісьці, мы ў народзе называлі яго “Куба”. Ён памёр ужо. Там, за базарам, у яго дом быў, вось ён заговорваў. Ён сам, як гэта, мусульманін, і ён... У яго кніга вось гэта вялікая, іменна там малітвы ўсе, толькі малітвы. Ёе больша жа нічога не меў. І малітвы ён выпісываў на гэтай мове, на сваёй і даваў людзям, вось. Я ведаю, што мы звярталіся да яго. Ён зяцю загаварыў ангіну толькі так.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Жылі на хутары. Мама ў плен папала! Во. Забралі яе і павялі ў Літву. А тут блізка зусім. І там яны дзе-та на балоце сядзелі, іх далжны былі перапраўляць у Германію. А там адзін літовец ж... да, літовец, упадабаў маю маму, вот, і ноччу вывеў яе, дзе яны там сядзелі. Вывеў і ноччу раніцай прыйшла дамоў, вот так. Усе плачуць, дома сядзяць, што ўсё ўжэ, Палінку атправілі ў Германію, а яна раніцай прыходзіць дамоў.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Вот у мяне анец быў, он у арміі быў, паваяваў, у плен папаў, інвалідам вярнуўся! І расказваў яшчэ: “Вось скажы, сыноч, як так можна: у мяне на вінтоўку маю пяць патронаў – а немец на мяне ідзе, у яго весь пояс в ражках, ён адстраляў адзін, адразу другі сье ў аўтамат – і па нас б’е – нос высунуць з акапа нельзя. Вось яму нада 100 метраў прайці – у яго на ўсе 100 метраў ражкі ё. Высунуцца ж нямажна. В лучшэм случае: слышу дыханіе немца прыбліжаюшчага – гранату метнуць магу”.

Бабушка расказывала, як яна ўвідела першага немца. Гаваріт: “Гляджу, а немцы ідуць, ідуць, ідуць, ідуць па ўліцы”, яна так эта доўга гаварыла “ідуць”, а патам падытожваіць: “чатыры”. Я думал там татара-мангольскае іга, а “чатыры”. Ешчо расказывал эпізод. Будем браць водны рубеж, он называл эці места, жалка я іх проста не помню. Вот, гаваріт, прыблізілісь мы там... рэку какую-та будем фарсіраваць, там ужэ тылавікі якіе-та платы падвозят, лодкі, гатовят, сродства пераправы, а радам плачэт салдат. Рэдка кагда ўвідіш, што б салдат в слезах был, а чаго ты, гавару, гаварыт: я плаваць не ўмею. Бацька гаваріт: я ж тожэ не знаю, якіе там глыбіны. Гаваріт: так ты пасяді, пасяді ціханька тут, ну не бягі ты ў первых радах эціх. Чэраз 15 мінут рэку эту трупамі запоўнім і пяшком пройдеш па нашых яшчэ цёплых байцах. Ён жа ш і ў плену быў. Гэта ўсё случылася на церыторыі Польшы і яны адступалі. І он не был ранен, нет, папал, што называецца в талпе эціх салдат, кагда ўжэ проста немцы акружылі іх. Нас, гаваріт, атвялі на нейкае поле то лі была эта агарожэна, на ўглу паставілі вышкі, вот калючай провалкай, вось мы там на ўглу і сяделі. Усё было нармальна, толька карміць не кармілі (*смяецца*), савершэнна не кармілі. Можэ з няделю якую, можэт большэ, я ўжэ не помню, гаваріт. Я толька помню, гаваріт, што поле очэнь быстра прэўрацілася у такое пятно чыстае, не травінкі, не карэшка, нічога не асталась – усё была з’едена. Ну вот прывяззут унутрынасці, пару раз была, прывазілі ўнутранасці с убойнай плашчаткі такой, таму што відна, што собрана. І выкінут, а люді тут жэ падбегают і начынают пробаваць эта кушаць. Ну аказываецца: зубы чалавека, яны не могуць перакусіць эта ўсё, а заглатнуць могуць.

А далышэ і не знаю, што на этам поле была, таму шта прыехалі баўэры, крэсцыяне-немцы, і сталі набіраць себе на этам полі. І яго забраў немец, он тожэ хаділ с перэводчыкам і яны спрашвалі, хто вот сельскі жыцель. І немец узяў яго, паскольку он вясковы, значыць ён знаіць эту работу і не нада яму надта нічога. “Я там работал ў него ў хазяйстве” і не нада было ніякай яму дапалніцельнай інфармацыі і што і як нада рабіць,

проста знаў эту работу, сельскую. Ён у яго пабыў, но ня многа. “Вот я утрам сабіраю яйца на курятніке, я ж магу яйцо выпіць эта, ніхто ш не пашчытаіць, не скажыт, главнае скрыць следы прэступленья”. І вот он там пабыл какое-та время, ну эта ўжэ была к канцу вайны. І патом іх как-та рэпарціравалі ілі мянялі, гаваріт, “но нас адпусцілі, нас атпускарлі ціпа как в отпуск, но я як вырваўся аттуда, то я і пагнаў у сваю эту самую дамой” І он вернуўся как бы с плена, і на этам у яго вайна кончылася.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

Не трогалі касцёл, не трогалі. У нас не такія ўжэ былі, не такія страшныя немцы, как-та более менее ані абрашчалісь с людзьмі нармальна так. Вот і в нашэй дзеве стаяла іхная кухня, ані там в доміках, все хазяева былі, жылі такія, як раньшэ былі такія акопы, там картошку хранілі, жылі все людзі, а тут немцы в эціх дамах жылі, іх кухня была. Тут яны варылі есці ў эціх дамах, ну ані как-та... Тут как-то некатарыя гаварылі па нямецкі, немцы некатарыя па-польскі гаварылі. Более абрашчаліся ў нас харашо, ніхто нікаго не трогал, не ўбівал, страшнага не была такога.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Як мама раскажывала, як вайна началася так тожэ многіе с вёскі пашлі ў парцізаны, і гаваріт, ну іх дажэ парцізанамі не называлі, іх называлі самаховамі, проста самі сябе хавалі ў лесе і ўсё. А тады закончылася вайны, яны парцізаны, іх начальнікамі паназначалі, ну і ўсё, а тады, помню гэта проціў рэлігіі перыяд быў такі, што вот нада, што б іконаў не было ў хаце і ўсё. Ну, мае бацькі не пазнімалі іконаў, хаділі па хатах этые брыгадзіры са сваім памошнікам, хаділі, парційныя яны былі, ну і тут і ўсё пазнімалі. Тады зрэзалі крэст, што на перакростку стаяў там у нас недалёка і ў ваду ўпусцілі, яго кінулі, а тады, праўда не сразу, а праз гадоў, можа дзесяць, гэтат чэлавек, што зрэзаў крэст, вобшэм паехаў на рыбалку і ўтапіўся. І доўга ён плаваў, яго пакуль выцянулі, вобшчэм, як усе людзі казалі - як крэст пусціў у ваду, так сам.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1952 г. н.

* * *

Ну ў вайну, да вайны ў нас тут многа жылі яўрэяў. Вот па улiцэ Ленiнскай магазiнаў было многа, апец расказваў, я ж та не помню... Таргавалi аны яўрэi ўсiм. Млын быў, Мамаiнаў млын, Мамаiнаў яўрэi. Во вайна як началася, началi страляць, убiваць iх пагалоўна i дзяцей, не глядзя, там гдзе-та ў канцы Ленiнскай магiла есць. У Даўнiлавiчах, эта наш раён, там в аснaвном былі аднi еврей, усiх пастралiлi, пагалоўна.

Адзiнакава, усiх стралялi палякаў табе яны, вот, палякi... У нас случай был, мне была, можа годзiк-паўтара, ну дзецi, дзецi ёсць дзецi. Прахадзiла жалезная дарога ў Паставы i на Лiтву, на Вiльнус, на Гадуцiшкi. I хлопчык пасвiў кароў i надумаў ножык яму, ну дзе ножык, дзе купiш, вайна, нiшчэта. Ён найшоў провалачку, взяў рэльсу, абматаў провалкай i як пройдзе састаў, расплёскаецца яна, а ён тады точыць ножычак будзець. Замецiлi немцы, ён як увiдзеў немцаў, ён удраў. I кароў кiнуў, яму было можа гадоў дзесяць. А ўсю дзярэўню сагналi, амбар быў, всех паставiлi на каленi с аўтаматамi. Падавайце эта, узыраўнiка... I вот средзi немцаў былі лiтоўцы, панiмаецце, эта спасло, адна баба, яна знала лiтоўскi язык, адкуда знала, Лiтва ў нас радам тут, рукой падаць. Яна

служыла ў літоўцаў, яна стала аб'ясняць па літоўскі, што гэты мальчык ніякі... Аб'ясніла, што ён хацеў сдзелаць, што мы жывём, што мы людзі мірныя, што мы ніякага атнашэння не імеем, ні к аднім, ні к другім. Прыгналі на калені паставілі, а тады баба адна, ана ў яўрэйскай служыла, знала троху нямецкі. Гаварыць, а яўрэйскі, нямецкі чуць схожы, так яна сказала, атпусцілі тагда.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1942 г. н.

* * *

Там страшна было. І какой-то учитель был, так, говорит не раздевался, когда у дяди на квартире был. Так не раздевался, потому что могут прийти партизаны. Так надо же отвечать то, что надо. А могут прийти и немцы. Вот, потому что мой муж с 1933 года, уже хлопчик такой, настоящий был. И там лес, лесная местность, Петраги – деревня его. Попросит мама его насобирать ягод, вот и пойдёт в лес, кошечек возьмёт и насобирает ягод. Выйдет из леса, а там партизан на коне к нему подъезжает. Он спросил, есть ли в деревне немцы. Коля ответил, что, когда уезжал, не было. Партизан ему сказал, чтобы он не шёл в деревню и вернулся в лес. Завернули, чтобы не предупредил там кого-то или что. Пойдёт он в лес, а потом приходит и рассказывает матери. Она ему сказала, что больше не пустит в лес. Страшно же было, страшно. И когда немцы и жгли эти деревни, я и то немножечко помню ещё. Так выйдешь вечером, посмотришь – в одной стороне зарево, в другой стороне зарево. Даже слышно, как там крики такие и плач где-то там. Похожу, погляжу туда-сюда так. Ну, вот такая вот была жизнь. У моего мужа ещё двое братьев было. И однажды немцы так налетели там и этих жителей стали убивать, и там рожь такая, и Коля сказал бросать их в смысле том, что во ржи не увидят самолёты. А после они так, ни то в шутку, ни то всерьёз, сказали, что он говорил, чтобы мама их кинула. И тогда они уже спрятались в этой ржи.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Мы былі пагарэўшы, саўсем плоха жылі пасле таго, як нас асвабодзілі ад немцаў, Беларусь нашу на год раней. Вайна скончылася ў 1945, а Беларусь і нашу вёсачку ў 1944 гаду асвабодзілі, на год раней. Мы ў лесе пасядзелі, покуль гэтыя немцы адступілі. І нас не тронулі, нашу вёску, не спалілі нікога, не ўбілі. Усе паварочыліся. І потым, калі прыйшлі нашы, мы ж ужо давольныя, дзе было пахавана, дзе што закапана... А у нас бабка неасцярожна разліла бензін, банку, і загарэлася гэта хатка, і яна сама абгарэла, і вёсачка наша ўся загарэла. Дык мы ўсе засталіся як стогі. Толька ў нас был ток такі, дзе складалі ўсё. Адзіналічна жылі, дык быў ток такі. Вось жыта сажнуць, так сена вязуць, складываюць там. І гэты тачок у нас застаўся там, не згарэў. Далёка так быў ад вёскі. Дык мы яшчэ не надта галадалі, што ў нас не згарэла зярно. А так толькі звязлі, было зярно. У каго пагарэлі такі, зярно пагарэла – і голад быў, тады галадалі очань. У нас вёска была, помню, не мелі чаго есці. Траву нейкую сушылі і дабаўлялі ў хлеб. А мы трохі не галадалі, што ў нас ток не згарэў. Мы бедненька жылі. Пры немцах хто там што нажываў! Жылі толькі, каб пражыць. Немцы ў нас стаялі 2 ці 3 гады, потым ўжо асвабодзілі нашы. Школы ў нас не было. Мне якраз нада было. Можа пры немцах я і пайшла ў які первы клас трошкі, потому што блізнячка. Можа вадзілі нашы. Помню, што хадзілі, быў бункер з немцамі радам. У нас очень цяжка было, у нашай вёсцы, у Касцянях. За Касцянямі былі парцізаны, а тут у нас Перавознікі ў гэты бок, пад Паставы, Перавознікі і бункер, немцы стаялі. А тутак, да Чартоў, кілометры тожа можа 3-4 і парцізаны былі, ужо там немцы не заходзілі ў гэту вёску.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1933 г. н.

* * *

Ацц мой тожэ быў на войне, но она скоро очень кончытсѧ, 1939, польская, не знаю, як было, ён 2 нядзелі паехаў, разбілі іх там і ён вярнуўся скоро дамоў. Ужо тады до 1941 ж. А уже ж ужо ўсё калацілі, дзе мы только не былі. І ў Літве, і за Літвой, і ў нейкім гетто былі загнаўшы. З бацькамі мы ж былі дзеці, але помню ж усё, побілі ж і дзядоў моіх усіх, і цёткаў, і дзядзькаў там, усіх. Могілки зрылі там у одну яму, цяпер могілки ёсць там у нашай дярэўне. Ужо ж цяпер не сярніць жыццё, але людзі яшчэ кажуць дрэнна ім, некаторыя. Но оні не знаюць горшага, а як мы гэта зналі ўсё. Ну парцізаны ўсе там былі, і дзядзькі моі, усе былі пайшоўшы на парцізан. Ну яны што, яны ж бяссьільныя былі проців іх, гэныя явяцца з аружзем, орудзі і ўсё, а гэтыя што там вятовачку нейкую мелі. Но але ж троху ані рабілі врэд ім, тожэ памагалі, дзе-небудзь нейкую, взарвуць нешта, дарогу жалезную якую. Былі парцізаны, прыходзілі яны там, былі. А што яны там ім – я не знаю. Што яны ім там маглі зрабіць? После ж уже як звярнуліся, як ужэ сілу мелі, з арміі сышліся, тады ж ужо пагналі, як ужэ вайна гэта кончылася. А так... Дзе яны аружыя возьмуць каго? Са свёй ішлі, з хатаў бралі хлопцы ды і ўсё.

Як стралялі тады ж білі, тады ж білі, тады стралялі, мы ўцякалі – яны стралялі, нас даганялі, мы ў лес уцякалі, а яны аружыя ззаду і снарады, но але не папалі ні ў каго, а тады, эта ў 1942, а ў 1943 яны прыехалі ўжо нас вывесці адсюль, спаліць нашы хаты, каб мы туды не вярнуліся, яны прыехалі, но ня білі нас ужо. Мы сядзелі ў акопе, схаваўшыся, выкапаны ў зямлі такі. Падвал такі. Помню, топчацца яны над намі наварху: “Вылязайце, – кажуць, мы вас біць ня будзем ужо, мы не парцізаны, мы немцы”. Ну немцы, як немцы. Ну выцянулі нас за кашулёнкі гэтыя адтуль. Ну мы вылезлі. Яны казалі “Мы цяпер страляць ні ў каго не будзем, спалім ваше ўсё гэта, усю парцізаншчыну гэту ўсю, а мы вас павязём у Германію”. Ну, аставілі. Дарога ў нас такая да лесу, ну якія вазы былі, коні, там дзетак... Ніхто нічога мы не ўзялі, суканёшкі адныя тыя былі ў хаце, на воз дзетак пасадзілі, кажуць: “Глядзіце”. А дзярэўню ўсю запалілі, дзярэўня пылае, усё пры гэтам на вачах у ўсіх, а каб мы відзелі ўжо. І чыста голыя, гэта усё нажытнае. І павязлі нас, а гэта ўсё спалілі, казалі: “Вы сюда болей не вернецеся”. Ну павязлі нас тады ў Літву, закрылі ў касцёл, ну немцы па баках, з сабакамі. А ў касцэле плітка гэта, гімна ж, палажылі нас на пол гэты, тады нехта саломы нейкай прынёс, паклалі, а на заўтра нас павязлі і зноў пагналі, у Відзы пагналі, туды ўжо далей па Літве. А Літву яны не чапалі, ня білі нікога. Нам людзі нейкія троху кусочак хлеба прыносілі, бабы там старыя, якія сядзелі, каля хатаў сваіх. І павязлі ў Відзы, закрылі нас тожа ў такую загарадзь, а тады павязлі зноў у Літву у Дукштас павязлі. Дык цяпер Дукштас гэты, як там цяпер, ці знаеце гэнае? Там тады закрылі ў нешта тожа і мы там яшчэ былі. Мы дома былі, а бацькі нашы хадзілі на нейкую работу там. Малацілі, можа, лён мялі, мне тады не да гэтага. А тады бадзяліся ўсюды ўсю вайну... Было неяк... Адтуль, нас уже выпусцілі. Чаго яны нас да Германіі не давязлі, я не знаю, ці ім там позна ўжо было, 1943 год был. У 1944 ужо ж нас і асвабодзілі ўжо. Але мы прыехалі на гэнае гарышча ўсё роўна. Прыехалі, там зямлянку эту выкапалі і жылі там пад зямлёй гэтай. Тады далі лес і хату сталі строіць.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1934 г. н.

* * *

І вайна была, і бежанцаў прынімалі яны. А з папінай стараны хутар там рядом быў, тожа Малчаны, ну немцы былі, і туды, і абратна шлі, ну не сільна іх там патрапалі. Прасілі, культурна прасілі: «Матка, млека, матка, яйка» – хацелі яны. Ну а дзе ж дзенешся? Яны давалі шакалад, давалі сахар. Ну а патом, там жа Мядзельскае возера, там с ётай стараны там балота былі, астраўкі. Вот ані туды бегалі, і скаціну туды вадзілі ад вайны праталісь,

там у нас горы такія высокія былі, яшчо з Первай міравой пастроены былі акопы, вышкі, і там вот засядалі, то рускія, то немцы..

А вот свёкар мой расказваў: ён быў у парцізанах, тры дні не дайшоў да Берліна, яго раніла, і вот сабіралі іх там у калхозе на 9 мая. А ён жа такі чэсны чалавек быў, у яго ж былі і льготы, ён ніколі білет дзяшэўле не пакупаў. «Ай, што я, не заплачу эці капейкі» – казаў. Очэнь харошы чалавек быў, ваяваў па-чэснаму, у Вілейскіх лясах ён ваяваў. І вот, там дзе-та ў Германіі бой паследні, помню пулямётчыкам быў, і во кажа: «Чэраз мост, пруся я, тут усе “УРА!” крычаць, ідзём у атаку, я страляю, слышу мне нешта ў плячо стуканула, я пруся, тут камандзір радам мне гаварыт: “Ты ж ранены” – “Дзе ранены?” Ну ён памог перабінтаваць плячо. Гаварыт: “Аддай пулямёт, а сам, еслі можаш, ідзі ў санчасць”. Я і пайшоў, чую капчоным пахне, захажу на ўзгорачак – нашы разграмілі капцільню нямецкую, захажу, а там... каўбас мора, поўны рукзак налажыў, сколькі мог, і пайшоў. Скора санчасць знайшоў, мяне там перавязалі, пулю выцягівалі, абезбаліваюшчых не было, 100 грам спірта далі, гавраць: “Цярпі, толькі закусываць нечым”. Я гавару: «Ёсць у мяне чым» і адкрываю свой рукзак. Тады нас на падводу... Ведаеце, што такое падвода? Павозка...Ну на падводу нас пасадзілі і ў госпіталь павезлі». А патом вылячылі яго, і ён стаяў... не помню горад які, ну пэўна год стаяў ён у Германіі. А так ён яшчэ ў авіапалку служыў. Гаварыт, што самалёты рэманціраваў. Так я ў яго пытаю: «Як вы рэманціравалі самалёты?» – “Прабоіны задзельваў” – “Дык а чым вы задзельвалі” - “Ну пайду, дзірку пагляжу, прымеруся, кусок фанеры адрэжу, гваздзямі дзе, провалкай прыкручу”. Там у Германіі, як быў, дзевачка адна, лет 5, прыбегала ў часць. Яны ж галодныя, немцы, а ў ніх часць лётніцкая, хлеба было многа і можна было з сабой узяць. Гаворыць: ”Я ў карманы набяру хлеба, ну і тады дзевачцы гэтай, бываіць і болей мне дадуць хлеба, браціка яна прывяла, тады завяла дамой, а дома была мама, бабушка, брат яены і яна. Вот я прыхадзіў да іх, чаю дадуць мне выпіць, наскі вязалі, рукавіцы вязалі, мне давалі. Ну а я ім хлеб даваў”.

Голад быў, мёрзлую картошку сабіралі, лебяду елі, талакно, я дык і не знаю тое талакно, усё бабка гаварыла, талакняныя бліны елі. Што-та садзілі, агарод і карову дзяржалі. Вот з мамкінай стараны наўерна ж дзяржалі карову, таму што з папінай то точна карова і свінні, карову вадзілі з сабой да возера, праталі, штобы немцы ня з’елі. І помню, калі малая была, бабка казалі: “Немцы ж ішлі цугам-цугам”. Гэта цэп’ю значыт. Каб сказаць, што ад голада ўмерлі – не ўмерлі. Лес, рэчка, озера, рыбу лавілі, у лесе там ягады, арэхі, грыбы... Вот так вот і жылі.

Была очэнь цяжка, ва-первых паадбіраўшы ва ўсіх каней, кароў, як раз перад вайной, у каго выжылі этыя каровы, у каго не, тожа памагалі адзін аднаму. Ліпу заварвалі, пілі, як кісель палучалася, голадна-голадна. Каласкі сабіралі, за гэтыя каласкі так штрафавалі, калі дзе найдуць у каго ў кармане. Сільна власць прыжымала, дажа дзе не разрашалі браць эту мёрзлую картошку па палях. А яна такая перамёрзлая, кашыца такая, але нейкі крахмал быў яшчэ. Но нас выручала, што возера і рака, людзі лавілі рыбу.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

ПРОДКИ

Фотаздымак з архіва жыхаркі г. Паставы

* * *

Родители простые люди были. Папа животновод, мама в молодости работала продавцом, мама 1923 года рождения, у нее 7 классов образования, потом в совхозе, такие простые рабочие люди, на хуторе жили, там и построили дом рядом. Мама ж, она в 39 лет только меня родила. Первый муж у нее на войне погиб и она 17 лет жила с его родителями и всё верила, что он придет с войны. Не верила, потому что похоронки не было... Он в польской армии служил. А потом кто-то там переехал, где-то может ездили, и сказали, что в Познани якобы-то ягоную могилку нашли. Может и не его, но по крайней мере уже она тогда поверила. И тоже ж вот, по вере как... Родители ее, свекор со свекровью – чтобы имшу заказать за памерлага, а она не давала всё. Всё никак-никак. А потом она говорит (мама мне рассказывала): “Иду с костёла...”. “Снится сон”, - говорит, - иду с костёла и стала просто “Анёл Паньски” мувиць – за умершего. Просто, это самое, не знает почему так это всё... Ночью снится сон, как будто ее муж ведет корову. “Я ясно вижу его, а я впереди иду – как раньше фонари такие вот были ручные (*показывает большой переносной фонарь*), - свячу яму, куды исци, ну, цямно”. И ён гаворыць: “Во, кали ты мне стала добра свяциць!” Это значит, что она поняла, что она Анёл Пански змувила, за душу, получается, и всё, после этого заказали имшу, и она поверила. И тогда, она говорит: “Я стала думать, что ж мне пры их жыць?” Она стала свое счастье искать тоже где-то, и нашла майго бацьку, который на 7 лет моложе ее. Ему 33, наверное тогда было, а его дядька был еще старше – старый холостяк был. И мой бацька привел этого своего дядьку, своей мамы брата, свататься до моей мамы. В то время это такое ж было это всё... И сваты не получились, а яны стали встречаться. Вот так вот. И всё. Мама тогда работала в магазине, и сразу стала доверять ему. Это ж копейки – сумками копейки на почту носили. Она ему грузила – тяжка ж нести это всё. На ровар там, туды это всё. И всё, вот они поженились, повенчались и вот еще родилось трое детей – у 39, 41 и 43 года рожала мама. А от первого мужа мальчик, мы так даже имя не спросили, теперь так с сестрой жалеем,

что не спросили имени мальчика. Мы могилка знаем где. Он умер новорожденным, его мама даже в руках не держала. Маму спасали отдельно, получается. Муж его покрестил, ребеночка, и он умер. И он ушел на войну, и не вернулся. Вот такая вот судьба мамы моей. Она семнадцать лет жила с родителями и ждала, что он вернется с войны. Мама умерла в 83 года у меня.

А папа, ему 74 только было, он раньше даже за 2 года за маму умер. С характером немножечко такой вот. Ну не, добрый, конечно, но своенравный очень. Мама всю жизнь, наверное, так потурала что ли. Не то что потурала, но как то мудро умела жить с ним. Я так не умею.

Это в 2005 году мама. А отец в 2003 умер. Всё дома. Отец еще в деревне, там, умер, а маму потом забрали к нам уже, потому что мама одна не могла уже. У мамы полиартрит, она она вообще сама... У вёсках пороги – она через порог не могла переступить. У нее жизнь такая, пальцы такие вот скрюченные (*показывает*). Мы маму сразу забрали, два года мама у нас жила. Вот, мой муж, говорю, памятник при жизни надо ставить. Вот она еще ничего, сама... Я с работы приезжаю, мне там 15 минут с работы приехать, а она от кровати своей до стола, чтоб вместе пообедать дошла. Вот такая вот. А год она практически, ну, посадишь – сидит, положишь – лежит. Память всё была, всё. І ногі, што ў мяне – ёсць ногі, а ісці не магла. Да, не двигалась практически. Хорошая, оптимистка была такая, не капризная, ничего. И доглядали и дети мои, и муж, все. Я работу не кинула. Муж помогал. Очень помогал! Я как сама работаю, я всё, буду маму глядзець. “А что потом?” - говорит, - работу потеряешь, кто тебя потом возьмет?” И всё, и вот мы по очереди глядели.

Я помню, маме так несуду букет... У нее такой закатулок был. Когда привезли, муж говорит – ей комнату старшего сына, который ушел уже и живет своей семьей. Она села, поглядела: “Дзякуй!, але гэта для маладых. “Мама, ідзі, - гавару, - я цябе завяду, куда я табе хачу места прывясці”. Я такі закатулачак. “О, гэта маё места!” - гаварыт. И всё. Я ей букет прынясу, она: “Дзетка маё, ішчо ж гэты ёсць”. “Не”, - гавару. “Ты мне прынясеш на магілку”. Я гавару: “Ты тады відзець не будзеш! А цяпер глядзі, любуйся цвятамі”. А уколола она меня была, я помню это и теперь. Приезжала редко у вёску и цветы... Приезжаю, а цветы в букете эти завяли вот так (*показывает*). Я так глянула, а она говорит: “Во, як ты часта прыязжаеш!” Букет этот поменяла, и как она уже тут была, я так сразу, так уже, чтобы букетик ей менять, чтоб свеженький был букетик...

Сразу нет, а так потом снилась, снилась. И мама всегда снилась хорошо, как-то хорошо, с улыбкой. А отец очень часто снится мне – и по этому плечу (*хлопает себя по правому плечу*), как он меня по жизни хлопал по плечу и очень часто... Я его особо не помню, но я знаю, что это он, и это вот прикосновение руки... Кажется, чувствую эту тяжелую такую мужскую руку, так по плечу: “Глядзі, дочка, только”. Часто снится так вот. Теперь уже как то особо нет, а вот поначалу так. А мама всегда хорошо, всегда с улыбкой, всегда свой этот фартушок... Один раз даже с тяткой в огороде приснилась, такую прям, вообще! Она такая была уже больше согнутая, а тут такая ровненькая!

Гэлена – бабка наша была, отца мать. я очень на нее похожа. И у нее улыбка точно такая же. Тоненькие губки, и такая вот улыбка (*улыбается*). Я была уже в 7 классе, когда она умерла. Помню, когда приезжали в гости... Она полная, конечно, была такая. Такие добрые были... Дед был такой вот (*расставляет руки нешироко*), а бабуля была такая вот крупненькая (*расставляет руки широко*). У них стол такой, там ни скатерти, ничего. Стол такой чисто вымытый, аж соскобленный. Нож этот вот так вот... И колбасой этой, угощали, такой сухой-сухой. Прямо вот стукнешь ей. Теперь такой нет, это точно. Это помню хорошо. А когда она умерла, она лежала в такой вот улыбке... А я еще 7 класс. Я ж могла понимать. Я помню это хорошо. Я да таты гавару: “Тата, можа яна проста спіць?” Я не верила, что она умерла. Это, наверное, первая моя такая вот смерть была осознанная близкого человека. Очень хорошо помню. Деда, я уже не была на похоронах, потому что сын маленький был. Я уже в Риге была. Тата уже потом возил на могилку, где

похоронили. А бабушку помню. Это весна, наверное была... Да, мы ездили... Да, седьмой класс. Мы съездили, нас в комсомол в Поставах приняли, а потом приехала и тут бабушка умерла, и мы поехали туда. А глина такая, весна, а там на коне вывозили...

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Отец прыйшоў с вайны паранены, у меня і дакументы ўсе ёсць, кое-што я сдала ў музей. Ён прыйшоў паранены, левай рукі пальцаў не было і штыкамі ўсё, і кантузія галавы, ай... паранены сільна, горла было перабіта, ён дзе-та ва Львове ляжаў у госпітале тада. Ну, у іх быў кусок зямлі, хазяйства. А ў мамы ў Первую вайну отец забалеў ціфам, ён сапожнікам быў, і вот ён шыў людзям там, абшываў... немцы ўзналі, нада там сапог пачыніць было, ну месныя казалі, што ідзіце туды, прыйшлі да нас, а ён з ціфам ляжыць... Усё, прыехалі, забралі ціфозных, дзе пахранілі, дзе што, ніхто не знаў, вывезлі, закапалі і ўсё. І бабауля прыехала, 8 дзяцей, і як жыць, зямлянку нейкую выкапалі. Дык вот, мая мама нанімалась у майго отца работаць - жаць, і дзядуля прыглядзеў, што нічога такая дзяўчына і сказаў: "Пойдзем у сваты ", і бабуля гаворыць, каб яна шла, а яна не любіла, а быў парэнь, нада было пасагі даць, а нічога нет, галата. Ну, пашла і вот 60 гадоў пражылі, трое дзяцей нас.

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1942 г. н.

* * *

Когда-то папа был конюхом, и луг такой большой. И деревня была большая, так тот луг делили на несколько частей, на несколько хозяев. А теперь там никому не надо, всё заросла быльём, а деревня вообще так заросла, хотя там была брукованая, камнями выложенные дорога по деревне, теперь деревья так сросли, что проехать машины невозможно.

Ну хутор колхозы давали, а до того ну папа в основном зарабатывал шитьём. А так, когда только начались колхозы, тогда выделено было непосредственно сколько там... 40 соток, больше... у нас у папы был очень большой сад, ни у кого такого не было сначала, теперь так у каждого сады, а там папа очень любил сады, он вообще так на все руки мастер, он и сапоги шил, и одежду шил, он и строил, и сады выращивал...

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1946 г. н.

* * *

Мама жила в Витебске, работала на ликероводочном заводе бухгалтером, была комсомолка активная, даже потом секретарём местной организации, её избрали, поэтому её вызвали и послали сюда в Паставы. 8-9 политруков прошло, красная армия шла и за ней девять политработников, восемь парней и одна девушка – это была моя мама, красная армия пошла дальше, а они остались здесь в Поставах, и чем они занимались - надо было ездить по деревням, проводить собрания и агитировать народ, чтобы они голосовали за советскую власть, они рассказывали, как живут здесь люди, что, ну местные удивляли, что медицина бесплатная, что, например, если муж жену бросил, то алименты после с него берут, но всего этого не было, тут паны были - паны, помещики, крестьяне жили бедно и мама в том числе это всё растолковывала, объясняла и они проводили собрания, ну и потом в конце-концов устанавливались, и советскую власть, и комсомольские организации, в общем время было очень тяжёлое потому что тут было много... Эти, панские, ну паны были против, конечно, и бандитов было много по лесам пряталось, это

был тридцать девятый год, одним словом, тока; но эта жизнь не так долго продлилась, скоро началась война, 1941 год, только начало всё как-бы нормально, всё устроилось и мама к этому времени работала паспортисткой в паспортном столе, и её послали эвакуировать архив, поэтому в войне не участвовала. После войны её снова отправили в Поставы и она работала в КГБ, знаете, комитет госбезопасности, секретарём-машинисткой, делопроизводителем и всю свою жизнь, сколько она жила, она проработала на этой работе, даже будучи на пенсии, и она как ветеран, в общем про неё тут много, что написано: в газетах пишут, вот 60 лет СССР, участнику районного местного собрания, в общем везде её приглашали: в собрания, в школы, везде она приходила к детям на пионерские собрания, рассказывала про свою эту часть жизни боевую, в музее районном её тоже была. Она очень скромным человеком была, она всю жизнь никаких никогда не добивалась этих роста карьеры, ничего, по совести просто. В общем была честная, очень скромная была, она в КГБ работала, там в основном все мужчины, а она одна женщина, они часто прям к ней, со своими дома неприятность там или что, она подскажет, за советом обращались, в общем она такая была женщина, добрая, справедливая и честная и очень справедливая. Уж давно её нету, 25 лет как умерла. И могу про неё знаете, что сказать: в 1939 году, когда она приехала работала здесь, познакомилась с парнем, солдат. Тогда в 1939 году ещё эта началась финская война ведь началась, они полюбили друг друга, но его отправили на эту войну финскую, и он пропал без вести, родители его списались с ней, с мамой моей переписывались, но его так любила, она вот такую стопку писем хранила. Только когда ей было 70 лет сожгла: “Зачем? Может скоро умру, зачем чтобы кто-то читал?” Так, что она всю жизнь была ему верна, любила его, я на свет появилась потому-что, наверное, очень хотела она иметь ребёнка, так замуж она и не выходила никогда. Отец был чекистом молодым, прислали после войны, они сошлись, а он её сказал, что у него пропала семья, жена, трое детей, а когда моя мама была уже мною беременна, объявилась уже, нашлась эта семья, она сказала ему, у тебя там дети. И всё, и он продолжал в Молодечно (тут недалеко город есть), он там служил, тоже в КГБ работал всю жизнь, они поддерживали дружеские отношения, но она не мешала его семье, меня она сама вырастила, никогда никаких мужчин дом; в общем вот так, всю себя посвятила мне.

По маминой линии дедушка, бабушка жили в Витебске, там где моя мама родилась, у них всего было пятеро детей. Маленький, два годика, умер от дизентерии давным-давно, один солдатом заболел туберкулёзом, очень сильно болел, бабушка над ним сидела, молилась Бог: «Спаси!», а он умер. Сказала: «Больше в церковь не пойду!» Ещё один сын Анатолий в тридцать девятом году был военным, но секретная была у него миссия, вот он тоже пропал, исчез. Ходили слухи, что его завербовали, что-то где-то, даже к званию героя Советского Союза вроде как были документы что он... Ну не стало - и всё, как бы ни искали, пропал человек. Остались, вот, моя мама, ещё один брат, они потом маму сюда прислали, в конце-концов. И бабушку и дедушку, всех сюда переслали, все тут жили вместе. При царе бабушка работала на табачной фабрике в Витебске, а дедушка был маляром, простым рабочим, но такой был период и он был коммунистом, такой был период тогда, что из простых людей выдвигали на государственные должности и его назначили директором хлебного магазина, и однажды у него пропала одна буханка хлеба, его на два года посадили, вот такая была история.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1946 г. н.

* * *

Дзед дзеда майго, 97 гадоў жыў, у 1957 г. памёр. Дык, вот я помню, як гэта, - яшчэ ў іх мы жылі – прыязджалі перад выбарамі агіціраваць. Прыйшлі з Пастаў, пасле ўжо гэтай Польшчы, кажуць: “Ну, як? За каго галасавалі?” “А хто болей паставіць!”, - кажуць.

Дык у дзеда было, значыць, тата раз (*загінае пальцы*), дзядзька Сяргей два, Коля тры, Валодзя чатыры, Фёдар пяць; (*загінае пальцы на другой руцэ*) Наталля, Елена, Анця і яшчэ. Дзевяць дзяцей. І вот, гэта было перад рэвалюцыяй, яны едзілі ў Сібір. На конях, перакладнымі дабіраліся туды, і дагаварыліся, што зямля там будзе, усё, і прыедуць, паедуць туды ўжо, на Сібір на гэтую. Но рэвалюцыя якраз у дзевяцьсот сямнацатым годзе, вот і ўсё прапала. А так тожа служыў, служыў у Савіцкага ў Сворах, многа гдзе. Ён пастроіў 26 дамоў. Пальцы вот гэтыя (*паказвае на пальцы*), таўсцейшыя як мой (*вялікі палец*), такія во рукі, прадстаўляеце. Папробуй ты, дык гэта ж не тапаром, а склюд быў, ён жа ж такі, во як гэта, паказвалі даўней, як у салдат, эты вот, адбіваць... А колькі ж апілоўлівалі лес! Тата быў плотнік, дзядзька Коля – сапожнік, дзядзька Сяргей прыехаў з Германіі, нагі не было во так вот (*паказвае*) правай ці левай – кузнец. А дзядзька Валодзя любіў выпіць. Гавару: “Вова, ты зайшоў на прымакі...”. Расказвалі, Валодзя Чырванец, брат тожа мой дваюрадны, старэйшы ж намнога: “Пайдзём, - кажа, - у партызаны, у Каз’яны. Это тут на север. Ну што, пайшоў, чэраз неделю вернуся: “А што мне там рабіць у іх, у лесе гэтым?” Вот такі быў.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1943 г. н.

* * *

Мама из многодетной семьи, работала всю жизнь. Бабушка осталась в 36 лет вдовой, 7 детей было у неё. Тяжело они работали, кто-то обшивал семью, старшая сестра, та, что в Глубоком, на всю семью шила одежду. Вторая была мужского телосложения, косила и всю самую страшную работу делала. Моя мама была по хозяйству: корову, коня, накормить, напоить. Мама такая труженица. Папа болел, а мама всю эту тяжесть на себя взяла. В колхозе пахала, на лошади плугом поле колхозное! У меня аж сердце сжимается. Думаю, как в той песне – «натрудились на 10 жизней руки твои». Инсульт у неё случился, тяжело вспоминать. Папа был кузнецом, на всю округу. Там и лошадей ковал и партизанам. Тоже такой, была травма ноги и из-за этого не был на фронте. Я даже не знаю, можа по нынешним временам там какая онкология была. Потом работал на льнозаводе. Очень молодой умер в 67, можа, лет. Мама попозже. Хата эта, вясковая, осталась на моей малой радзime. Так вот, когда мой муж умер, дочка говорит, что б я не плакала, сделали там музей такой, в этой хате. Всё так по старинке, там обстановка такая и ковры. Один ковёр вязаный крючком из чёрных ниток, там голубки, орнамент. Всё старинное, дываны. Мама была большая мастерица, умела всё ткать. Там был такой дыван... Уток двух цветов, а у неё 8! И оранжевый, фиолетовый, зелёный, жёлтый. Сначала он был у нас в музее, а потом я попросила его как память о маме забрать и я забрала. У нас кровать заслана этим дываном, падузорники такие там. На кровать стлалась такая простыня и тут вот, по-белорусски «карунки» называется - кружева. Надо, чтобы эти кружева были видны, а потом уже дыван тот застилался на кровать. Там вышивки всякие мамины, всё, сделанное своими собственными руками, (*показывает вышитые дорожки*) это я вышивала всякие дорожки. Там много чего интересного, там всё старинное, вам было бы интересно. Там лампа есть, куфры, что бабушки наши выходили замуж, у мамы там такой красивый шкаф дубовый, с резьбой. Мы всё туда свезли, дочка моя старалась. И половики такие мама ткала, и такие постилки полосатые и ещё, после войны, беднота ж такая была, так были такие ковры, маляванки назывались. Вот у меня такая маляванка в спальне над кроватью. Там все предметы того времени, там ничего современного. И калауроты там стоят, и витушки такие, иконы с полотенцем, иконы Троицы и апостолы Пётр и Павел, круглый стол на ножках. Я всего и не вспомню, что там есть. Вышивки, я же училась вышивать, там целый букет анютиных глазок крестиком, всё зашито. А теперь вот зато, дорогу только бы видеть, боюсь, чтобы совсем не отказало моё зрение. Это жилой дом, я так дорожу им. Всё проходило в этом доме: я там родилась и в школу ходила, и в педучилище. Там же автобусов не было, ходила пешком в Поставы, где

колледж теперь. А потом, когда уже дядя купил велосипед, пригнал из Риги, так это уже была вершина счастья, что на велосипеде ездили.

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Бацька памёр у 1947 гаду, воспаленіе было. Ён прышоў с арміі, тады ж лошадзі былі, і паехаў каня каваць, прапацеў, халоднай вады з калодца зімой, а тады ж не было ніякага лячэння, кажуць і з сабакі жыр, і нічога не памагло. А бацька ўночы ў Шаркаўшчыну пяхом вазіў данныя, связным, а тады ўжо забралі ў армію, а тады нядоўга быў, некалькі месяцаў, а тады ужэ і пабеда. А мама партніха была, сама ад сябе шыла, і кажухі шыла, а машынка была – хромавыя сапагі шылі, дык работы было – ой, ой, а нам нада было шэрсць з аўчыны садраць, усе рабяты лётаюць, гуляюць, купаюцца, а нам нема калі, нам нада шкурачкі паскабліць. Адзін раз матка адправіла таранту сена прывязці, а нам захацелася пакупацца – усе купаюцца – і пайшлі з братам, Геронцій, яшчэ живець у Асіповічах, ён маладзейшы на тры гады. А матка прыйшла – няма нас, яна да ракі, і крапівай, трусы узялі і паляцелі ўдоль ракі (*смяецца*), але ўсе раўно ўзялі таранту гэту, прывязлі сена. Мама ня крэпка то не, яна такая была мілая мама, замуж не пашла, сватаўся багаты чалавек, і ён браў нас (*плача*), не пашла, ўсё... Бацька он тожэ рабацяга был, бацька харошы быў, матка казалася, вот васкрасенне ці святы якія. Ну мужыкі ж сабіраюцца і вып'юць. Сказала. Прыйшла – пайдзём дамоў – ўсё, слушаў, жалеў ён яе.

Мы малыя ўсё рабілі, у мяне брат быў з 1931 года, ну а конь Лялюсь, балбесы такі харошы, сееш, жара ж, авады, конь гэты паляціць, запутаецца, а брат не каня, а мяне лупіць. Мы ўсё ўмелі, памагалі, цяпер во... Балбесы. Не знаюць што рабіць, бродзяць усюды. А тады ж работаць нада было. А конь гэты Лялюсь, што забралі ў калхоз, не было чым карміць – стрэхі здзіралі кармілі, дык паміраць прышоў да іх дамоў, на дворку здох, відзіш як пазнала скаціна, куды нада ісці паміраць.

Записана 03. 07. 2024 у в. Галбея ад мужчыны 1937 г. н. і жанчыны 1948 г. н.

* * *

Она с Кировской области, моя мама. Я знаю, что они жили зажиточно и вот когда этот голод начался, у меня мама с 1918 года, они все уехали на Украину. Так она говорила, что все забили, заколотили все свои дома, а моей бабушки брат скомандовал, чтобы продали всё это. Так они побыли там. Там тоже ничего нету, так они назад и вернулись. У них была переправа своя. Помню вот что через этот, Казань и туда выше, Вятка река. Потом она уехала. Уехала в Свердловск, там же и папу встретила. Папа как раз в военном госпитале лежал. Военный был. После войны он приехал, домой вернулся, приехал с Поволжья. Папа офицер пехоты был, ну как-то он не очень любил рассказывать - ранение было. Я знаю, что он очень во многих странах был. В Европе он почти везде был: в Париже был — рассказывал - в Венгрии. Видел Эйфелеву башню, рассказывал, видел Мадонну - картину. У меня папа рисовал хорошо, он говорил, когда смотрел на неё, вот тут (*показывает на шею*), вена начинала пульсировать. Вот, вот это я помню. Не очень он любил про войну рассказывать. Вот, от Финского был раненый на Халхин-Голе, там был раненый, у него было, так, ранение (*проводит рукой по лицу, от виска до нижней челюсти*). Он даже когда фотографировался, всегда фотографировался так, что б лица не было видно. Потом он простым гражданским был. Тоже так, хорошо занимался плотницким делом, мама шила.

Помню, мама говорила, что, так, вот когда она осталась с бабушкой и с дедушкой и умерли её, мамини, тётя с дядей, и ихние дети, то все говорили, что «у вас денег много, у вас золото зажитое, мы вам помогать не будем». Скотину не берут, самовар заберут, вот мы потом деньги отдадим. А так, вообще, не разговаривали. Ну, жили крепко почему?

Потому что сами все делали. Как говорится, кто делал, тот и жил крепко (*ухмыляется*), а кто не хотел и гулял и все такое, тот ничего не имел (*смеется*).

Репрессий у нас никаких не было. А вообще-то... У меня у папы брат в плен попал, а после сидел 10 лет после плена. Единственное, что они поменяли, они жили где-то в деревне, так зажиточно, папины родители. Пришлось сразу все продать и уехать. А так, не было такого, чтобы ни брату ничего никакого не выставляли. Папа даже когда брат учился в военном училище, на втором, наверное, курсе, даже орден нашелся. Помню, в дом офицеров вызывали. Не, ничего не было такого. Нормально всё. Всё как-то ровно было. Не выделяли никого, ничего.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954 г. н.

* * *

Ані прыехалі, не савецкая власць была, ані прыехалі сюды пасле вайны. У нас жа была Западная. У нас была тут Польшча. Вот граніца па Пастаўскім раёне. Вот Докшыца ўжо там, ужо там было не заходнікі, патаму ў нас і католікаў многа. Мой дзед усё казаў: “Хрыстапрадаўцы. За зямлю прадаваліся”. Ну католікі ж сюды прыйшлі, паны, ну дык вот, ім лепшыя землі давалі, хто ўжо ў каталічаскую веру пераходзіў.

Усё было. І карова было, і ток быў, і лес быў, усё было, што нада, яны са свайго і жылі. Была студня. Але студню патом як усё зруйнавалі, як яны перайшлі ў саўхоз, закапалі. Мама жалела студню, казала: “А нашто ж студню закапалі”. Мы пераехалі ў саўхоз. Саўхоз Пастаўскі. Там недалёка ад нашага хутара. Саўхоз быў харошы очань і на сваё дзяцінства я не жалуюся. Усё ў нас было, нармальна жылі, як і ўсе ў саўхозе. І работа была, і людзей многа, і школа, і садзік, і гасцініца, і ўсё ў нас было ў саўхозе.

Там жыло тры паны. Вот было Цешылово, Мечыслово, Доброволле. Тры вёскі. Ну а тады ўжо стала адно Цешылово. Ужо гэты маентак ад маёй хаты праз дом быў. Но яго ў вайну спалілі. Ну паны ўцяклі ж ужо атсюда, а маёнтак спалілі.

Мама ў паляводчасце рабіла, а тата на трактары. Ну і падрабатываў яшчэ электрыкам, вечарам. І вечарам вот ужо, еслі свет мігнуў, значыць ён прыдупрыждаць, што ўжо ўсё, чэрэз пяць мінут адключыцца, мама тады ўжо вячэру строіла быстрой. А тады плацілі па лампачках, якая лампачка скока ў ёй там: соткі, саракоўкі; стараліся меншыя лампачкі каб былі, тады меней плацілі.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Родітелі моі былі горкія, як казаць, хлебаробы. Ну, на хutoryы жлі, ну не на хutoryы, там рэдка былі хutoryы, мы жылі толькі на зямлі. Отец мой безграмотны. По польску амаль не чітаў, мама чітала, а ён не. А якое там дзетство было, як нас многа было. Я была 2 ребёнкам і нас было 8. Самі прадстаўце: надо было помогать (*смеётся*). Труд, толькі труд. Я ўсё ўмела. У 4 класс ходіла, я вязала сваім братыям носочки і прасці умела. Мама прала. У то врэмя былі лён, своя зямля яшчэ была до 1950 года, мы самі всё это делали толькі на зямле. І я умела і прасці, і ткаць, і умела жаць! Умела даке касіць. Папа мяне касіць застаўляў – я ўмела і касіць. Усе былі на зямлі толькі.

Ну з младашымі канечна, я двух братоў выгадавала. Я 1937-го года, а меншыя браты самыя былі 1948 года і 1950-го. Дык я іх і пеленала, тады ж не было ні памперсаў, нічога не было. Всё надо было помогать. І стірала, я помогала маме. Цяпер садзімся есць, я часто говорю: “Вось не помню сваяго дзетства, что мы елі, чем мы піталіся”. Ну бліны ж былі, потому что было многа зямлі ў дзеда, 30 гектараў было зямлі.. гектараў, не сотак! А цяпер 30 сотак счытаецца многа, а тогды гектары і мой отец дзяржаў всё время коней, пара всегда была. Сваі. І карова была, хозяйство было і родітелям было хозяйство, а мы, старэйшыя

дзеці, з дзяццмі работалі, то ім надо покушать, то надо прыбраць за німі, такое вот было. Не было ні халадільніка, не было ні радыё, нічога у нас тогда не было. Вот так жылі. Это такое детство было до 1957-го года, я ўжо ў 1957-м году, як вышла замуж, тут ужо радыё было.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

А мае радзіцелі ўсю жызн у дзярэўні былі. Самі строілі дом, работалі... папа на трактары, мама даяркай у дзярэўні, хазяйства дзяржалі: утак, гусей, кароў. І мы ж у дзетстве малыя былі, кароў пераймалі, заганялі, пасвілі, самі, мама ж на рабоце. Карова сама захадзіла ў сарай, ну знала ж, а тады ж там возле дома возера, утачкі як на кладбішча заплывуць... а тады ходзім, шукаем. Штук 10 іх, ну нямнога крэпка. Яны ж дзе ўвідзяць што смачное, дзе рыбу какую яны клевалі, лавілі, а тады пойдзем шукаць іх, ды гонім домоў, ужо ж вечарам. Детства было такое вот, інцяраснейшае, чым тут. Тут вон ляжыць у мабільніку і ўсё. Кажу: “Ідзі на вуліцу!”

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1956 г. н.

* * *

Тры браты, мама, бацька. Ну былі ж, бабуля была, дзядуля быў, вядома, не без гэтага. Компактна жылі, две хаты, дзе дедушка, дзе бабушка - це дама былі, зараз няма іх ужо. А дом наш, дзе наша детство прашло, ну ён згарэў. Згарэў не ў ваеннае врэмя, згарэў проста кагда ўжо паявілася электраабеспеченіе, вот с этава палучілся пажар і дом сгарел. Мы перешлі ў другой дом потым, проста ево купілі, атрэманціравалі, гэта ўжо мы, дзеці, бацькам дапамагалі, як падраслі. Не надта даўно гэта было, можа гадоў 10 назад. Гэта ж абычны ўклад жызні, тады ўсе з бацькамі жылі, падрасталі, абразовывалі сем'і і атдзяляліся, строілі якіе-та новыя будынкі ілі быў астаўшыся ад каго-та - куплялі. У каго было сіл дастатчна, эта ж было трудаёмка, лес, заготовка дрэвесіны, вывезці, ды і спецыяліст трэба каб быў, зрабіў талкова, ну як у каго складвалася.

Давленія друг на друга не было, ніхто ў сям'е вобшчэм та за власць ту не ваеваў, за прызнаніе лідерам, каждый у сваім напраўленіі. Мама камандывала канкретна ў доме, што трэба рабіць, каб накарміць сям'ю, бацька сваю работу рабіў. Но есть же такой перыяд ў дзярэўне, калі трэба пераключацца і савмесна рабіць, там скажам касьба, уборка ўражаев і т. д. і т. п. Добра была, ніякіх сямейных непрыятнасцей у нас не было, роўная, нармальная сям'я. Бацька ў мяне быў спакойны, ён вапшчэ не ругаўся, кажуць, бранным словам.

Бацька на трактары работаў, дамоў прыязджаў пастаянна, дык як развернецца на ўліцы. А ў горад папаздеш, паглядзіш: лучшэ. Асобенна кагда студентам стаў. Ну канешна, це блага, каторыя прадастаўляў горад, перавешывалі то, што ў дзярэўні. Вот эта мы яшчэ тады не ацэньвалі, што мы тут дышым воздухам, што мы тут савершенна свабодны, нам не нада глядзець на светафоры і прочае. Захватывала і гарадская жызн, на мыслі жа ловіш, што вот у іх і суха, і чіста, і аўтобусы. А ты тут давай пешком, в лучшэм случае веласіпеды. І то, якія мы самі друг у друга абменьвалі, усё скручвалі самі, наразалі разьбу. Но знаеце як я зараз гляджу на гэта? Гэта што та! Эта неверятна! Лес, река, луга, это нада так ценіць! Сегодня на рынак прыхажу, прыеду - чарніку прадают. І хвастаюцца жэншчыны, што яна там сабрала там 2 літра, 3 літра. І я тагда ўспамінаю сваё безоблачнае децтва, бацька кажыць: “Ну, сыны, тут нікуды не разбягайцеся, вы тут застаецеся адны ў хаце, што б тут у нас парадак быў”. Могучь даць заданіе нейкае, травы набраць, па картошке прайсцісь, прапалывая гэта ўсё. А мама пойдзець у лес брусніцы сабіраць. А брусніцы мама заўсёды сабірала позна восенню. А позна восенню значыць, што брусніка класная, красівая, ана сазревшая, её гатовілі всегда ў дзярэўне многа, патаму шта яе проста сварыў і ўсё. І вынес куда-та, каб яна не замерзала, на чардак, напрыклад, у сенцах.

А сахар дабавлялі толькі пры патрэбленні, ну эта пры ўсловіі, што ён яшчэ ёсць у хазяіна. Бацька прыязджаіць з работы за мамай і яны прывозяць мяшок брусніцы. Мяшок красны, патаму шта брусніку на раму гэту перавесяць і прывязуць. І я гавару аб тым бесканечным багацтве, які дарыў лес. Грыбоў бесканечна многа. Рыба тожа большое падспор’е былі ў дзярэўне, агароды заканчваюцца і рэчка небольшая, но рыбы та сколька. Угры дажа вадзіліся ў нашай рэчке. Немнога, но была. Вадаёмаў многа было. Так што, еслі рыбкі захацеў, бярош такую небольшую сетку метр на метр на палке, у рэчку апусціл ёё, еслі памошнік ешчо шуганёт эту рыбку, там пашуміт дзе-та чуць-чуць, паходіт вышэ па цячэнню, то ўсё падняў і ідзі дамой, рыбы дастатчна. Ёё і впрок ніхто не лавіл. Я ўдзіваюся, кагда зараз кажуць, што мешок рыбы налавіў. Для майго разумення не сумясціма. Зачэм?

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

Мать – учительница, отец – председатель колхоза. Они поженились в 1951-м. Она приехала с Россонского района учительницей в нашу Западную Беларусь. А он местный. Ну и поженились. Отец воевал. В 1943 году в партизаны, в 1944 году на фронт. Ну и поскольку молодой, до 1949 года в армии служил. На фронте освобождали они Кёнигсберг. Всех в этих до Берлина дошли, а он до Кенигсберга дошел. Была контузия, благодаря которой он с 1969 по 1990 год пролежал, не видел ничего и ходить не мог. Ну это последствия все-таки этой контузии, войны.

У меня золотое детство, потому что я был ребенком. Мне хотелось есть, например, в 1958 году. Мать давала мне немножко сахара на столе и кусок хлеба. Черного, кстати, сами пекли хлеб, черный хлеб. Вот это считалось едой. Ну щи без мяса, это считалось едой, нормальной, для меня это прекрасно.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1949 г. н.

* * *

Мой бацька вучыўся ў рамесным вучылішчы ў Вільнюсе, і каб перадаць яго дакументы ў Вільню, ужо мой дзядуля, бацька бацькі, пешшу хадзіў у Вільнюс. А гэта каля 140 кіламетраў. Гэта як да Полацка дайсці. Гэта ён насіў дакументы, таму што, каб ён паехаў пездам, то ён бы ўвесь сабраны ўраджай заплаціў бы на білет на цягнік на гэты. І гэта б ён праехаў на дарогу тое, што зарабілі, што выгадалі яны ў сваім агародзе. А гэтак ўсё дорага было. Пагэтаму цешыцца польскай уладзе, ніхто тут не цешыўся. Усё было дорага. Працавалі. І толькі працай сваёй усё здабывалі.

Маці уражэнка Літвы, прыйшла сюды, у Беларусь, замуж. Яна не ўмела размаўляць на беларускай мове, канешне. А прыйшла з Літвы і мова яе была польская. І брат мой нарадзіўся ў 1943 годзе. Да брата яна гаварыла па-польску. Ён спачатку навучыўся на польскай мове, а пасля перавучаліся абое на беларускую. І вы ведаеце, пасля мая матуля так гаварыла па-беларуску, што вот хто пазвоніць па тэлефоне, і я падымаю трубку: “Сямёнаўна?” Ну ўжо матулю называюць Сіманаўна, Сямёнаўна. Кажу, не, гэта Рэгіна. На мамусю мяне называлі. Нашы галасы не разрознівалі. Але яна так добра навучылася гаварыць па-беларуску. Яна такі палітык добры была. Яна была звеннявой па ільну. У калгасе яна працавала. Каб можна было вучыцца. Яна батрачыла. Там, у Літве, яна і старэйшы брат, яны батрачылі. І перад вайной казалі, што так на пана працавалі. І вайна. І столькі яны працавалі, а ім ніхто не заплаціў. І вот так патрэбны былі грошы. Таму што восем дзяцей у сям’і было. У татуса сем, а ў мамусі восем было ў сям’і дзяцей. І вот такія вялікія сем’і. Вядома, што не кожны раз у дастатку жылі.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1948 г. н.

* * *

Цесць мой, чалавек 1921 года нараджэння. Для мяне, як мы жаніліся, 50 яму там дзе-та гадоў было, для мяне гэта ўжо стары быў. А мне было 24, ну пашці. Для мяне гэта быў стары чалавек, ну вот і ўсе паводзіны таго веку, даўнейшага веку, усе размовы: ён быў у Аўстрыі, ён быў селянін, ён быў разумны. Я заўсёды кажу, што нашы бацькі былі больш разумнейшыя, чым мы, яны многа больш, чым мы ўмелі. Так, я не знаю целефон, камп'ютар. Я імі амаль не карыстаюся, толькі тое, што мне патрэбна, што мне паказалі. А яго кругазор ну незраўніма большы для жыцця, не для таго, штоб... Ну ўсё яны ўмелі, вот яны хадзілі па гэтых самых, па вёсцы, як якое-небудзь народнае свята, у ніх кожнае свята было, ці то Вяліканне, ці то Бож'е нараджэнне. Яны ж хадзілі і піялі, гэта ў іх было, ну рытуалы такія, святачныя. Хадзілі, піялі, весяліліся, бутылкі ім давалі. Ну не дзеля бутылак яны хадзілі, яны хадзілі за тое, што яны жылі так, яны па-другому не ўмелі. Для іх гэта было цікава, як раз, як я дапусцім гляджу футбол і не магу без яго, так ён у гэтым міры жыў, натуральна ўсё было. Ён быў умелы, цікавы чалавек. Ён і расказваець пра сваё жыццё. Бедна, да было, крепка бедна яны жылі тады. У яго быў брат старэйшы, з братам яны хадзілі, эта яшчэ перад вайной. 1921 года ў яго, ў 1941 годзе не ўспелі, як адступалі рускія войскі, яшчэ забраць у армію. І гэту акупацыю ён быў тут. А да вайны, а можа і ў ваенны час, яны хадзілі з братам, брат быў крышку старэйшы, яны хадзілі, ну зараблялі: каму хату пастроіць, зруб зрубіць, каму можа хлёванькі зрубіць. Ну, гэтымі справамі займаўся. Акрамя таго, што селяне і гадавалі ж нейкую і скацінку, пэўна і там бульбу. Ён умеў усё. Еслі па парадку трошку, тады забіралі гэтыя немцы маладзёж і вывазілі на работы, вот яго і яго сястру, іншых людзей з вёскі вывезлі, ён папаў у Аўстрыю, ён быў там у Аўстрыі, я ўжо гаварыў па-мойму. І ён яшчэ 9 мая атрабатаў, прыйшлі амерыканцы, асвабодзілі і ўсім прадлагалі застацца ў Еўропе, ці ў Амерыку, але яму хацелася дамоў. Тады яны ішлі пешым, дзе можа падвазілі іх, з гэтай Аўстрыі ўжо на радзіму. Дык ён быў, ну і бацька мой быў гэтакі, ну тут мы пачалі пра цесця і я кажу, што вот людзі ўмелі і жылі ў прыродзе, у тым часе яны ўсё павінны былі ўмець. І я ўжо тады жаніўся, ён быў у той час ужо трактарыстам, быў ён пасля вайны ўсім, чым у калгасе гэтым можна быць, усім занімаўся: і там сані рабіў, і конюхам быў; а тады ўжо пачалася гэтая механізацыя сельскай гаспадаркі, ён ездзіў у Глыбокае, там пэўна ж на кватэры быў, кілометраў 30 ад той вёскі, дзе ён жыў. Там вывучыўся на трактарыста і гэта ўмеў! За што ён ні браўся - ўсё ўмеў. І вот такія адкосы, ну такія ж адкосы, што я на матацыкле зверху можа б пабаяўся; ён гэтым трактарам едзе на гэты адкос бокам, як яго там не куляла трактарам ТЗ-52, бо ў яго быў, за сенам ездзілі заўсёды. Ну гэта проста як прыклад. Рыбу лавіў, на паляванне хадзіў, дужа трапна страляў. Ну, адзін раз у яго выпадак быў, што ён пашоў за ружжом, ну я ўжо быў жанаты, ну ў гэты мамент не прысутнічаў; ён пашоў з ружжом на паляванне і там мужакі ўжо аблаву рабілі на гэтых самых, на дзікіх кабаноў. І кажуць яму таксама станавіцца. Ён стаў і прэць на яго дзік, вот. І ён па ім страляець раз, другі, а страляе ён трапна. А дзік хоць бы што! І ён тады заскочыў за дрэва. Дзік прыпёрся і яго хто-та другі застраліў. А тады ён агледзеўся дома, ён ім маўчаў не казаў, што не з таго кармана браў патроны: там была дробь, а нада была карцель, а то і пулю лепей. Ну, усё бывае, далі яму таксама кусок мяса, прычасны жа быў к гэтаму дзелу.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

Папа памёр, калі мне было пяць гадоў. Асталася нас чэцвера дзяцей у мамы. У 1948 годзе пасля вайны ён памёр. Папе было сорок восем гадоў, маме трыццаць восем, вдаввой асталася. Патом у 1950 годзе абразаваліся калхозы, бяднотсва было. Усё забралі: зямлю,

коні, зярно якое было, патаму што калхоз – нада сеяць, а где зярно браць? У людзей бралі. Ай, бедна жылі, не дай Бог. У калхоз хадзілі... Я ж яшчэ малая была. Помню, мама хадзіла, трудадзень заробіць – палачку паставяць. За год трыста палачак, трыста трудадней. Што на гэтыя трудадні давалі? Дваццаць капеек могуць выдзяліць у канцы года. А вот, год жылі – нічога не плацілі. Жыві, як хочаш. Ну, бывало, нейкае яйко, зерне і нясём у Паставы. Прадасце, тады булачку хлеба якую купіш. Карова была свая, свінні, авечкі, зарэжэш авечку якую. Тады я пайшла на ферму, а хто на ферме рабіў, таму грошы плацілі, а не трудадні гэтыя. Падрасла і пайшла, бо нада адзецца, нада убрацца, а няма за што. Мама сукенку мела некую чорную, кажыць: “Перашы сабе на сарафан”. Перашыла на сарафан гэтую сукенку. Вот такія ўборы, і дак купіла нейкага матэрыялу, кофтакку пашыла і дажэ фатакартачка ёсць (*смяецца*), дзе я ў уборы. Нейкая штапельная была сукенка, мама памыла яе, падхіліла, ну і другая ў мяне была сукенка. Две такія вешчы, уборы былі ў мяне. На танцыначала хадзіць. А тады мама з суседкай дамовіліся вазіць у Мінск яблкі, і вот прыедзець у калону, суседка (яна маладзейша была) дагаворыцца. Кудамашыны ідуць? Яны ідуць пустыя, набірае тавар і ў Паставы прывозіць, ну і ябалкі завязуць, мама з суседкай прададуць яблкі і тады купіць сукенку. Ужо яначала ўбірацца, дзеўкай стала. Тады світра нікога не было, а ў канторы дзяўчаты рабілі, яны ў Вільнюсе былі, пакуплялі світры. Хочацца ж мне світра, а дзе яго купіць? Дзядзька ў Мінску жыві – мамін брат. Мама гаварыць: “Напішы ты Казіку пісьмо, можа там у Мінску світру дастаць”. Цётка пайшла на фабрыку, дзе гэтыя світры вяжуць, у вочарадзі ў ноч пайшла, очарадзь займала, ну і звязалі мне зялёны світар. Звязалі, дык гузікаў не было, толькі дыркі былі, но гузікаў мы найшлі дома.

У нас было тры хаты. Вараноўшчына. Даўнейшыя казалі, што гэта ксяндзавая зямля была, а тады мой папа бедны быў, і служыў у Літве. Зарабіў грошы і тады вярнуўся з Літвы, ажаніўся. Мама была багатая, сорок гектараў зямлі было, бацькі яе далі пасагу, карову, грошы, злоты і купілі ў Вараноўшчыне зямлю – дзесяць гектараў. І добра жылі. На раду было шэсцера дзяцей. І казала мама, дзеўкай яна была, прыйшла да яе цыганка, просіцца пераначаваць. Не хацелі пускаць, патаму што цыганы ёсць цыганы, каб не абваравалі. “Ай, пусціце хазяева” – ну і пусцілі. Тады яна гаварыць: “Давай я цябе, дзяўчынка, пагадаю”. Разлажыла нейкія карты і кажыць: “Выйдзеш замуж на ўсход сонца, – гэтак і палучылася. – Будзеш на раду імець шасцёра дзяцей, напалавіну з Богам падзеліш”. А так і случылася: дзяцей было шасцёра, адзін мальчык памёр, было два года, васпаленне было. Дзевачка... Мама была бярэменная і кросны ткала. Шылі кашулі. І яна жыватом націскала і замучала дзевачку, і дзевачка радзілася нежывая. І брат памёр у дваццаць дзевяць гадоў. І асталася нас трое: я, сястра і старшы брат.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1941 г. н.

* * *

Ну вобшчэм, вот мая бабушка з Нарачанскага края, там ёсць дзярэўня Чараўкі, Сіманы, з Сіманаў яна. А дзедушка з Чараўкоў быў, эта па папінай лініі. А па мамінай лініі тожа Мядзельскі район, бабушка і дзедушка, Малчаны дзярэўня. І вот, мамінаму дзеду было 17 лет, а бабушке было 19, і вот у дзедавай сям’е ўмерла мама. А ў ніх там было 6 дзяцей, ну і нада была хазяйка ў сям’ю. І вот, была дзеду 17, а бабушке 19 лет, і іх пажэнілі. І вот субота, там жа дзярэўні былі бальшыя, не то што цяпер, маленькія. Субота, маладзёж з гармошкамі, песнямі ідуць на танцы, а дзед мой стаіць і плачыць, і такімі горкімі слязамі плачыць... На танцы ж нада, а ў яго сем’я ўжо, нада дзяцей сматрэць, і жану, і хазяйства весці, а табе на танцы хочацца, паплясаць, пагуляць хочацца. Ну і бабушка ўжотая расказывала, што стаіць і ўжо такімі горкімі слязамі плачыць. Ну вот, так вот яны і жылі ўсё.

Маі, што адна бабка, што втарая, расказывала: “Ой, пры панах добра жылося”. Адна была бедная, з стараны атца – бедныя былі, а са стараны мамы яны багатыя былі. Ну

вот, і бедная яна хадзіла, батрачылі, гаварыла: “Прыходзіш да пана, а пан Сапега быў, наўерае, у нас, і пан зразу садзіць за стол, даець усякай яды, чтоб мы харашо наеліся, хто добра есць – таго астаўляець, хто слаба пыц-мыц – той да свідання.. І гаварыт, і мы работалі, і цяжка было работаць, ну ён усягды нас добра карміў і расчытаваўся добра. Ну а з другой стараны былі багатыя, яны сад мелі балышы, яблакі прадавалі, за яблакі, помню, дзедушка і бабушка расказывалі, што міску золата за сад узялі, ня помню якая там мера міскі была. Ну тады золата было ў хаду большэ, там жа власці мяняліся, дзеньгі гэтыя мяняліся. І калі прыйшла ўжо савецкая власць, после таго як фронт прайшоў, бралі ў армію, забіралі, таму што перад вайной яшчэ не ўспелі, 1939, 1941 год - яшчэ не ўспела ўсё слажыцца, проста ўсё канфіскавалі ў людзей, што было, ці ў бедных, ці ў багатых, усё канфіскавалі і сталі ўсе бедныя. Вот адзін дзед мой быў багаты і яму велена было, што вот чэраз 5 дней на Салаўкі вас, мы ўжо падводу сабралі ўсё на Салаўкі. А за што? За тое, што дзед быў пячнік, хадзіў па дзеряўням, бабушка дома спраўлялася сваімі сіламі і батракоў нанімаў, дзед хадзіў па дзеряўням і печкі дзелаў, ён быў очэнь харашым печніком. Ну вот, у іх усё канфіскавалі, патаму што і лошадзь была, можа там і не адна лошадзь была. Вот.

Ну, была школа польская ў дзярэўне Малчаны, 4 класы там былі. І папа, і мама хадзілі ў адну школу. І як начнуць ужо ругацца: “А я цябе з 4 класа любіў! А помніш, як той у цябе стул забраў, ты садзілася, у цябе стул забралі і ты на пол бухнулася? Мне яшчэ тады тваю попу жалка было”. Ну вот, хадзілі яны туды, вучыліся на польскім языку, ну, я считаю, што і правільна. Ну польскае правіцельства, значыць яны на польскім языку і вучылі на сваіх землях. Но ў то жэ врэмя абразаванне было даступна ўсім: хто хацеў, той і хадзіў у гэту школу. Што б запрэшчалі на беларускім языку гаварыць, я такога не чула, усе яны гаварылі на беларускім языку.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Мой бацька мне расказваў, што ягоны бацька нарадзіўся ў 1904 годзе, Аляксандр. А ягоны ўжо бацька — Макар. Аляксандр Макаравіч. У 1904 годзе, як нарадзіўся гэты Аляксандр, з’ехаў у Расію на зарабаткі і прапаў, усё. І з гэтай версіяй я жыў, колькі жыў – столькі жыў. Ну, паехаў у Расію, прапаў з канцамі, ніхто не ведае і мой бацька не ведае, гэта, атрымліваецца, ягоны дзед. Пачаў шукаць, не ведаў. Дзеда звалі Макар, а жонку і так называлі, Алена з Калодзіна. Калодзіна - гэта каля Занарачы, вот. Я думаў, што каля Княгініна: расказвалі мне, я жа распытваў радню. Ладна, значыць, яны пабраліся шлюбам, мне прыслалі метрыкі... Яны пабраліся шлюбам, тады нарадзіўся гэты Аляксандр, нарадзіўся, хрысцілі ў царкве, таксама метрыкі ёсць - у Занарацкай царкве, усё. Як прапаў гэты дзед, дзед з’ехаў у Расію — значыць, ўсё. А мне гэта знаёмая прысылае з архіва метрыку: у 1905 годзе гэты Макар, аказваецца, жэніцца другі раз у вёсцы Калінаўка на дзяўчыне, дзяўчыне было 19 гадоў, яму было 27. Я ашалеў, думаў: “Ну, як гэта так?” Бацька ня ведаў, што дзед так было і што здарылася, чаму гэта Аляксандра пакінулі ў дзеда з бабай, ён не жыў з гэтым бацькам. Не панятна, куды дзелася маці. А потым яшчэ цікавей мне прысылае: праз год у гэтых маладых нарадзілася дачка Марыя, ў Калінаўцы. Я потым ездзіў у Мінск у архіў, мне паказалі гэта і там прыпіска: гэта 1966 год і нешта яшчэ, дык я кажу: «Гэта што такое?», не разумею. Гавораць, што гэты чалавек звяртаўся ў архіў, каб выбраць метрыкі. У 1966 годзе гэта Марыя жыла, а бацька пра яе нічога не ведаў і атрымліваецца, як зводная цётка, получаецца. А нічога не вядома было. Новая галіна радні. Вот такі сюжэт нечакана закруціўся.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1960 г. н.

* * *

Отец мой, кстати, я даже не знал об этом, он достаточно скромный человек, он играл на гармошке. Гармошка была знаете какая? Немецкого строя, или венский строй. В одну сторону - один звук, в другую - другой. Я на такой гармошке ничего не могу сыграть. Ну, подобрал бы там какую-нибудь ёлочку-палочку, но с большим трудом и у меня рефлекса там даже нет. А он очень мастеровито там играл, какие-то польки, то какие-то танцы. Естественно, это после войны уже было. И дома эта была гармонь, с такими перламутровыми вставками. Вот мне сейчас в ремонт такая попала гармошка примерно. И он играл на ней. А потом выяснилось, что он и на скрипке умеет играть, и на цимбалах умеет играть. Я скрипку привёз на продажу однажды, здесь человек хотел продать скрипку. Мой друг в Полоцке заинтересовался, говорит: «Привези». Я и привёз скрипку эту, ну, просто там домой с поезда пришёл. Он говорит: «Ну-ка давай сюда» - и тут же что-то - такие пальцы у него были шоферские, огромные - и тут же и с вибрацией что-то такое играл, какие-то “Коробейники”. То есть в деревнях музыканты, они когда собирались, то видимо друг другу что-то там передавали такое. Вот он играл и на цимбалах тоже. Такие же цимбалы были.

Записана 05. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1947 г. н.

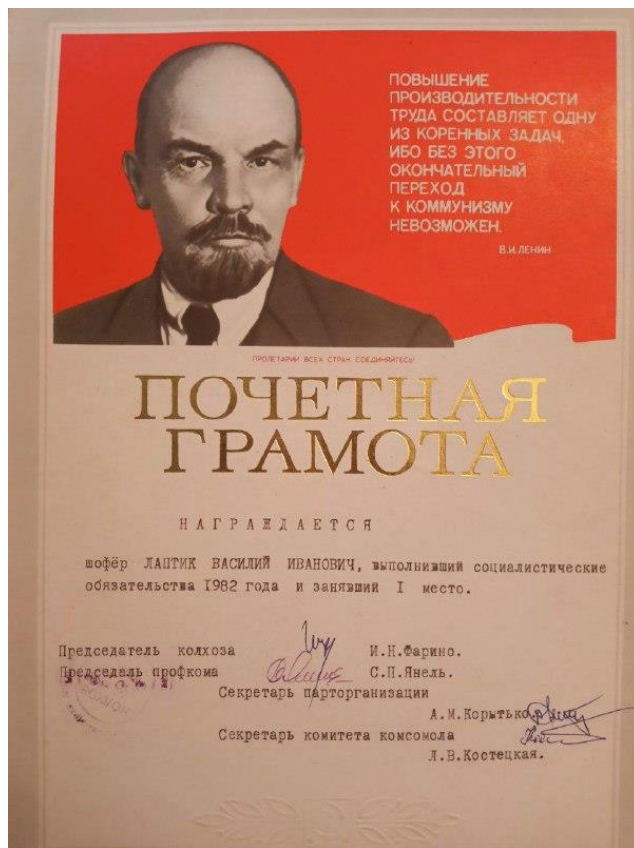
* * *

Частка продкаў у мяне з Камаяў і з-пад Камаяў, адзін прадзядуля ў мяне з Пецябурга. Былі дакументы, якія ў выніку згубіліся, яшчэ бабулі сястра памятае, дзе прапрадзед мой значыцца граф, але пры гэтым ён працаваў машыністам паравоза. Для мяне гэта неяк было незразумела, а потым выявілася (недзе чытаў у літаратуры), што гэта настолькі была салідная, сур’ёзная праца, што шляхта трапляла туды. Гэта цалкам лагічна. І гэты мой прадзядуля ўцёк ад рэвалюцыі. Кажуць, што ён быў у нейкай партыі супраць Леніна. І набылі тут зямлю. Таму, вось змешаныя... Ёсць таксама дзядуля з усходняй Беларусі, але ў асноўным адсюль усе, блізка. Мой дзед Казімір – каваль у пана, панская кавальня (*наказвае фотаздымак*). Што цікава – на 1939 год, калі прыйшлі тут і нас вызвалілі, дзеду было 19 год. На той час ён меў самы круты радыёпрыёмнік і ровар. То-бок звычайны каваль у 19 гадоў... Гэта супастаўляльна, як зараз новы айфон і БМВ, нешта так... Але каб не савецкая ўлада, мяне б, магчыма, ў гэтым выглядзе не было, бо мая бабуля была такая шляхцянка, дзед – каваль. Другі прадзядуля быў кіраўніком спраў у мясцовага пана, і яны проста не маглі б пажаніцца ў даваенны час, яны проста б не сустрэліся недзе. Розныя кампаніі, так скажам, былі.

Тут ёсць мая бабуля: “Экскурсія на возера Нарач камайскіх вучняў”. Тут далей усё цікавей. Гэты фотаздымак заўсёды быў у альбоме. Вельмі шмат арганізоўвалася экскурсій. На той момант, - уявіце сабе трыццатыя гады, - над возерам Нарач спецыяльна для школьнікаў пабудавалі два схроніска. “Schronisko” па-польску – гэта нешта як зараз хостэл. То-бок пакоі, шмат месцаў, і там схроніска такія былі пабудаваныя. Таксама цікавая гісторыя пра развіццё турызму – вузкакалейкі. Тут захавалася вялікая вельмі сетка вузкакалеек нямецкіх з Першай сусветнай вайны. У Камаях яе разабралі хутка, доўга яна не праіснавала, але была знакамітая вузкакалейка Лынтупы – Кабыльнік. Кабыльнік – гэта старая назва вёскі Нарач. І ўжо ў 1938 годзе працягнулі гэту вузкакалейку спецыяльна для турыстаў на самы бераг возера Нарач, бо было цяжка дабрацца апошнія шэсць кіламетраў - і вузкакалейку працягнулі. Разабралі яе, на жаль, у 1960-х гадах, хаця зараз вельмі цікавы быў бы турыстычны аб’ект, бо якраз ідзе праз Блакітныя азёры, праз лес. І таксама цікавы быў момант, калі польскія ўлады закрылі гэтую вузкакалейку недзе ў 1924 годзе, жыхары мястэчка Свір пачалі пратэставаць, ездзіць у Вільню, пісаць нейкія заявы, і па патрабаванні жыхароў зноў улілі грошы ў гэты праект і запусцілі вузкакалейку. Пад прыгнётам так было.

Записана 28. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1976г. н.

ПРАЦА

Ганаровая грамата за архіва жыхаркі г. Паставы

* * *

Станция Воропаево, вот там закончила среднюю школу, я бредила железной дорогой и в Вильнюс поехала учиться в железнодорожное училище, по пути наименьшего сопротивления, с аттестатом, без экзаменов, и я вот рада теперь тому, что я нашла в этом себя, я с радостью шла на работу и с радостью шла домой, как мой сын говорит, это редко такое бывает. Старший мой, как говорится не пьет-не курит, но 150 работ поменял, ну молодежь теперь ищут, а наша ж такая сноровка, что надо на одной, у меня срослось с призванием, я очень довольна. Получается, в 1980 я поступила, в 1982 закончила, и распределили в Ригу, и до 1991 года там отработала, замуж там вышла, не очень удачно, сын родился, потом вернулась опять к родителям. 40 лет я отработала на железной дороге. Я работала сразу дежурной по станции, а здесь уже работала билетным кассиром, и в этом тоже себя нашла, это тоже общение с людьми, вот если поможешь, даже если тебе не скажут спасибо, но улыбнутся – это тоже хорошо.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Сразу немножка работала, там аэрадром ГСМ быў, лабарантам, па топліву ГСМ узялі мяне, пасля 10 класаў. Год я там паработала, а патам паехала ў Віцебск у Дом творчества, годичныя танцевальныя курсы, кончыла курсы і работала ў Доме культуры, рукаводіцелем музыкальнага калектыва. Патам у Магілёўская культпрасвет паступіла, на театральная адзяленне. Вёсё время работал у нас у Доме культуры народны театр, у Паставах. Тада ў Паставах культура нармальна была развіта. Ну, тады саўсем другое было, цяпер, дзе млын гэтат, яны дзелаюць падзелкі, з гліны, ткачэства, вот гэтае ўсё. Старыну не ўпускаюць, панімаеце? А ў нас было падругому, на агітацыю трэбавалі, калектывы былі, хоры балышыя, агітбрыгада работала. Усех народаў танцы гатовілі, год вучылі, ганялі нас, як салдат у Віцебске. Там былі і рускія, і беларускія, і лявоніха, і гапак, украінскія, малдаўскія, венгерскія, балыныя танцы прэпадавалі. Я ўжо закінула, як танцор, відзеце, баба састарэла, ажырэла. Быў калектыв харошы, ездзілі на телевіденье ў Мінск, вот. Танцы правадзілісь, цяпер жа нет вам дэскацкі, унучка ў мяне ёсць, у Мінске, якая моладасць па інтэрнету, а ў нас... быў Дом афіцэраў, ваенных многа было, Дом культуры, а летам у Гарбарке нашай – ну гэта парк гарадскі, там было балышое зданіе такое, сарай такі, і там іграў духавы аркестр ваенны, якія танцы былі, мы знакомілісь. Эта жэ танец, ён жа сбліжае чалавека, вальс как-то што-то, а цяпер я не знаю, ну, скучна, можа я не панімаю.

Ну, а патам я праработала сколько ў культуры, і прэдажылі мне ў міліцыю, і я сваю трудавую дзеяцельнасць закончыла ў міліцыі. У міліцыі работала ў адзеле рэгістрацый, інспектарам, і вот аддуль пайшла на пенсію, вот такія дзела. Яны мне ўсе сталі завідаваць, нам раньшэ мала плацілі. А патам я ўсё ад младшага лейцінанта да маёра, эта ўсё і выслуга, усё, знаеце. Ну я не жалею, з мужыкамі прошчэ, чым з бабамі, яны ты што адзеў не абгавораць і дзе-та што і падменяць, дружны быў калектыв у нас. Такі дружны, што вабшчэ, начальнікі былі харошыя, мы проста жылі адной сям'ёй. У калектыве абсмяяць, падкалоць ёсць, яшчо як вы толька начынаеце, а эта ўсяк бываець, эта нада лавіраваць... Мяне ў культуры раўнавалі да прэседацеля райспалкома, яна знала, што мой бацька інвалід, знала маму трудзягу такую... Яна да мяне так атнасілася харашо, яна мяне зсватала ў эта, у міліцыю, я і не думала... Атец сказаў: «Ні смей, ешчо будзеш мундзір насіць, мне перад людзьмі яшчэ абрыджацца, эта не жэнская работа і не думай». Ну патам как-та родственнікі, гаварыць, ідзі, ты ж ідзеш не ў ў галоўны розыск, не следавацелям, нікем. Дакументы зрабіў і бывай здаровы... Вот бабушка па польскі разгаварывала дома, так я із-за гэтага папала ў міліцыю. Быў вал і ехалі за граніцу людзі, гэта былі 1980 – 1990 гады і нада было знаць на гэтай доўжнасці польскі язык, і надо было запрошэнне перавесці, акт згону – гэта акт смерці, хто-та ўмер то тут, то там. Такая работа была.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1942 г. н.

* * *

Мама ткала. Зімой всегда надо было ей напрасці, наткаць, а мне там ніткі якія размотать, что-то скажець яна мне: “Надо моток ніток размотать” – я і разматываю. Яна за кроснамі сядзіць і я яшчэ на той дзіце я тады сама тоже сяду і сама патку. Моя мама мяне абшывала і ўсю сям'ю сама. Она нічаго не покупала, просто перешівалі что-то на меньшае. Усё она зробіць, сама вырежет, машінка была.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Родам мы не с Пастаў, раён Пастаўскі, я 10 кілометраў ад Пастаў, дзярэўня Параскі, каторую мінчане акупіравалі (*усміхаецца*), там очэнь красівае места, лес, озера чатыры с паловай кілометра дліной, там набэрэжная, усю вёску старую зняслі, а новыя дачы пастроілі. А супруга з Ліпнікаў, тры кілометры ад Пастаў. Пазнакоміліся на свадзьбе ў 1961 гаду, ейная радня шла замуж, пазнакоміліся і вёсё, нікакіх дзялоў. Я в армію пайшоў,

служыў у Германіі тры гады, ну не пісаліся мы, ну а патам, када вярнуўся с арміі, я да арміі работаў яшчэ брыгадзірам, паўтара года ў калхозе, ну а с арміі вярнуўся, нада ж дзе-та было на работу устраівацца, ну і мяне знакомый адзін мяне устроіць захацеў на мясакамбінат клапаўчыком. Ну я прыйшоў, дырэктарша Анна Фёдараўна кажэць – малады, ну две нядзелі прарабіў, а паспарта нету, мацерыальна атветственнае ліцо, а ў калхоз с арміі я прыйшоў членам парціі, і с калхоза мяне не выпускаець прэсэдацель: «Я цябе не застаўляю у калхозе тут быць, но спраўкі не дам, езьжай у сельхозцехніку работаць ілі в МСО у страіцелі». Но я пайшоў устроіўся дзе па Савецкай дом строілі і тут меня ўвідзеў сакратар райкома, брыгаду прынімай і усё, а я хадзіў у вячэрнюю школу ужо, сястра мая жыла па вуліцы Кляра. Кажу – я рашыў паступаць, а Сідарэнка Фёдар, сакратар, кажа: «Паступіш, прыедуць прынімаць тут у раёне і ты здасі, но едзь прынімай брыгаду». Но я адказаўся, ну і хацеў у Карэла-Фінскую ехаць, с учота парційнага не знялі меня. Тут прэсэдацель змяніўся, ужо другі быў, ну і сказаў дзірэктаршэ мясакамбіната – няхай прыязжаець у Вярэнькі, цэнтр калхоза, пагаворым, я дам спраўку. А былі дзяўчаты, заацехнік маладая дзяўчына, врач, аграном, і дзірэктар школы Гарбузава, была якраз у канторы і кажа – дык ён жа у мяне на парційным учоце стаіць. І усё, нікакіх, тады сільно строга было. А я ужо з супругай знаёмы быў, яна ж там рабіла на мясакамбінаце. Тады і ажаніліся мы, дзе жана – там должен быць і муж. Яна ж у горадзе, а я на вёсцы. Прыехаў я ў калхоз, мне далі спраўку. А к вечару парційнае сабраніе было, усе брыгадзіры, с каторымі я раней рабіў. І я кажу, ну хлопцы, паддзяржыце ж ужо. А прэсэдацель райіспалкома Валянціна Аляксееўна Клачкова чытала лекцыю про алкагалізм. А втарой вапрос мой. І ўсё, ніхто не падняў руку, каб с учота сняць. Яна устае і кажа: «Таварышы камуністы, раз пайшоў на прымакі, не прасі – ні кварціры, ні садзіка, нічога не палучыш!» Ну і ўсё, перагаласавалі, тады ўсе паднялі рукі, я у файе кажу: «Ну і негадзія ж вы ўсё-такі, сваіх тут дзяцей павыпускалі». Ну паспарт палучыў і ўстроіўся я на мясакамбінат. І там 40 гадоў адрабіў ад начала да канца, а яна 33 гады, і вот тут жылі на кварціры чатыры гады з палавінай, тады вот на гэтым месцы купілі домік, дзесяць гадоў пражылі і тады во гэты дом пастроілі.

А мясакамбінат гэты был ад Глыбокага, філіял, убойная плашчадка, а патам яе закрылі, заготкантора ўзяла тожэ пад сябе, но яна пабыла тут нямнога, арганізавалі оўцэпром, са ўсей Віцебскай вобласці авец прывазілі і білі, а патам, значыць, арганізаваўся мясакамбінат ужо Пастаўскі, дзірэктарам стаў ветврач, ну і адрабілі, я машыністам холаднага, і ушоў у 55 гадоў на пенсію, і нас такіх 1943 года льготнікаў на камбінаце было 9 чалавек. Дзірэктар кажа – усё, пенсіянеры, пішыце заяўленія, ухадзіце, тыя пананісывалі, а я не напісаў, я знаю, што будзець. Я пашоў к юрысту, на тое ж врэмя гэты было і ў аўтобусе бясплатна ездзіць, і яна сказала, пенсіянеры эці не льготнікі, у 60 ужэ толькі, і яна мне пішэць: “К увальненію по прінуждэнію не подлежыт”. А эці узналі, я сказаў, і іх вярнуў назад, і после 55 я яшчэ сем гадоў адрабіў, новы дзірэктар прышоў, так парабіў, што камбінат закрылі. А шчас ёсць мясакамбінат. Было ж усё парасцягвалі, абарудаваў там, страшна. А гэты з Малдавіі, я магу ўсё пракансульціраваць, дзе які кабель ідзе, дзе што праложана, ну дык яны тамака вазраділі гэты камбінат, дак сколько разоў прыязжалі да мяне, асобенна па халадзільніку. Сталі батарэі выразаць, а там аміяк, ну памагаў, ну і как ігрушку здзелалі, прадстаўляеце, красівы.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1943 г. н.

* * *

Жыратопам працавала 30 гадоў. Гэты нада было чэраз цэха сабраць гэты жыр... Кідаюць у бочку, бочку накідаюць, і гэту бочка нада – гэты бочка кілаграм 80 – нада гэту бочку каціць на васы. А васы ж, гэты цяпер там роўненька, а там, знаеце, такія (*паказвае прыступку*). І нада бочку на гэтыя васы усцягнуць, тады у халадзільнік, а ў халадзільніку

нада раскідаць, штоб ён астыў. На заўтра ўжо збіраеш з халадзільніка і на ваўчок, перекручваеш і ў чан гэты... Тады пасле ўжо, а сразу, як толькі ўстроілася, дык дзе ножкі, ногі... А галовы смалілі... Пасле ўжо сталі, гэтымі машынкамі смалілі, а так смалілі паяльнымі лампамі. Галовы і ногі тыя ў кацёл укінеш, ашпарацца, а тады іх ўжо асмаліваеш. Цяжка было.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

* * *

Я з Алашкаўшчыны, Шаркаўскі раён. Ешчо да арміі завербаваўся, ну 5 капеек плацяць у калхозе, а нас было чэцвера. Бацька памёр, мне 10 гадоў было. Ну а тут вярбуюць, за 30 кілометраў у Шаркаўшчыну. Лапцікі абуў і пашоў (*смяецца*), завербаваўся, а тады апяць прышоў, забралі мяне і ў Карэла-Фінск, на 6 месяцаў, слаба плацілі, снегу было во (*наказвае па пояс*), а чыкіравалі і вывазілі лес, я быў чыкіроўшчыкам, не за камлі, а за вярхі чэкерам, а метраў 20 лес, 15-16 зачыкіраваеш, а тады трактарам сабіраець, нацягваець, і ўсё пачкай ён вязець, дык во так во становіцца на дыба трактар, ну і вот мы парабілі 6 месяцаў, мне і малавата плацілі, но хватала ж там паесці. А тады завербаваліся яшчо, палучылі пад'ёмныя і взяли мы ўцяклі, адзеліся, 70 кілометраў да Кем, горад, машыны заехалі, пакуплялі адзежу новую, гэну павыкідывалі і усё, і ніхто нас не шукаў (*смяецца*), ну прыехаў, пабыў дома, апяць завербаваўся, паехаў недалёка ад Ленінграда, ну дык там добра плацілі, на то врэмя і 1000, 1200 было, пабыў і сабраўся у водпуск ісці, павестка ў армію, у 1956 гаду як цэліна была, завязлі, памылі на вуліцы і павязлі ў вагонах на цэліну. 4 месяцы работалі мы, пака уборка – сена вазілі, мне далі быкоў – я іх думаю заб'ю (*смяецца*) – ці ты іх біў, ці ты не – сваім адным шагам. Беларусы хто? – На машыну! – а мы умелі складаваць сена, і сушылі, а паўбіралі – не відаць свету, а пшаніца толькі на полі, метраў сто, па 25 камбайнаў шло, сыпец і сыпец, быстра шлі, была вузкакалейка, во ну і на машынах вазілі, там жэ во вся армія была. А тады апяць я в Архангельск і служыў, харошы был начальнік, связь, на камутатары, бегаў я мала. Тры года служыў, ну тады прыехаў, лесніком пабыў тры гады, а тады завод строіўся, сразу не бралі, хватала людзей, а тады як завёз лапатку свіную (*смяецца*), то ужэ взяли, на машынах рабіў, на аўтаматах, быў сразу памошнікам, ну нямнога, я сразу наўчыўся, дзе банку робяць, сцекло варыцца, яго формай выдуваюць, но жарка. Я жары не баяўся, малако давалі, і вот 30 гадоў я там атротаў, на пенсію в 55 гадоў пайшоў.

Запісана 03. 07. 2024 у в. Галбея ад мужчыны 1937 г. н.

* * *

У меня никогда не было проблем с жильём и никогда не было проблем с работой. Сколько я переезжала. Работа конечно здесь, ну, кто хочет, тот найдёт. Если кто хочет работать, то всегда найдёт. Мне нравилось работать, коллектив очень хороший был у нас. 25 человек у нас в бухгалтерии было. Я даже после пенсии 10 с половиной лет работала, и если б не было объединения я б может, ещё больше работала. Не отпускали (*усмехается*). я, получается, по специальности товаровед, но приехала сюда. Но всю жизнь работала бухгалтером. Товароведом я мало работала, а тут бухгалтером, нашла так. Приехала сюда, по объявлению в газете, пришла и устроилась.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954 г. н.

* * *

Я ў калхозе з 12 лет работала. Тады ж жалі ўсё, сена сушілі, тады былі трудодні, дык што гэтыя трудодні, але ж такія мы былі рабочыя, ну пасле войны хацелася ўсім людям работат, дык мы не глязделі сколько заробім, а толькі каб зрабіць. Усё ўсюды

нада было высушыць ўсё. А потым я ўже, як вышла замуж, тады я ўжо стала дояркой, я тут отработала. 10 лет отработала дояркой і потым так случылася, што муж работаў у сельхоз технике і яму далі квартиру, бо мы жылі ў сваякроўкі, дык далі квартиру і мы пераехалі ў Поставы ў 1975 году. С 1975 года я отработала 17 лет у аптеке номер 87 нашай Поставской, мяне брат устроіў. Касірам работала.

Я, напрыклад, як даіла кароў, я 6 гадоў даіла ўручную, па 15 кароў было ў нас, і я даіла ўручную. Настолькі балелі рукі, я думала, яны ў мяне адваляцца, але дзякуй Богу нічога. А 4 года ўжо тады машыннае даенне, ужо машыны падключалі... вот я яшчэ і гэта іспытала. Новую ферму пастроілі, да. А цяпер ўсё па-іншаму. Ну не, як “ўсё па-іншаму”, усё ж гэта я... ну, нада было вымыць кароўку, чысценька ўсё... І мне за гэтую чыстату, за парадкі, за ўсё мяне наградзілі вось гэта што, ордэнам. Мы жа ездзілі ў Маскву, два разы я і была ў Маскве, адзін раз у Ленінградзе была. Муж ездзіў асобна. Пуцёўкі ж давалі нам ад калхоза бясплатна. Але не кожны раз можна было паехаць, выходных жа не было. Падменная даярка бывае, вось, як падменная, ну калі раптам там хто захварэў там, адлучыцца... Я 6 гадоў рабіла без выходных, дык у той час я нікуды не ездзіла, а потым, калі ўжо машына стала даення, і там ужо другі кароўнік быў, другая прылада, тады была ў нас падменная, 9-ты дзень давала выходны.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

У патрэбкаоперацыі работала, ездзілі, па Беларусі таргавалі, проста ад работы адпраўлялі, на гэтым... у Гродна былі, ездзілі палучаць гэты... уксус. У Слуцк за сахарам ездзілі, забыла... яшчэ дзесьці за сахарам ездзілі... А Мінск... Ў Мінск ездзілі палучаць прадукты, а потым нам ужо запрэцілі купторг, ну нашу арганізацыю гэту саедзінілі. А так вездзе, і за хлебам ездзілі, і за водкай, і за мукой. Цяжэло было, і не спалі... На рабоце камандзіровачных мала плацілі, а патам ужо не ездзілі, ужо былі па гораду, вазілі па гораду. Некалькі нас было чалавек работала. Нядзелю возім малако, палучаем на малаказаводзе, другую нядзелю овашчы, трэцюю – фрукты. Што б разнаабразіе было. Гэта ж цяпер камп’ютары, палучам па общай дакладной, па большой, на сумму там большую, большушчую, загрузаць у машыну общчую, і возім па магазінам, 12-13 наіменаваў, а можа і 15, ня помню, А патам прыходзіш вечарам дома і счытаеш, што б сышліся грамы, капейка ў капейку, і цэны... папутаеш якую цану ў магазіне - і прададуць (*смяецца*). А ўжо патрэбкаоперацыі ў нас нет... ужо ўсё, наша таргоўля ўжо распалася... З 1974 па 2010 работалі ў адной арганізацыі... 36 лет... Я вецеран труда.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1956 г. н.

* * *

Когда окончила институт, через месяц после экзаменов я должна была родить и поэтому после распределения никуда не поехала, родила ребёнка и два года я не работала. Потом в школу, (я тогда ещё в Могилеве жила) в школу пошла. В городе сложно было с русским языком и литературой найти место, мне помогли. А я еще в школе на шитьё пошла, когда в школе училась. Мне дали свидетельство: швея третьего разряда, плюс диплом педагогический, и я имела в школе право в школе труды преподавать, я в школе труды преподавала, потом я в Поставы переехала и сначала в городе места не было я в Камаи, деревня такая в пятнадцати километрах отсюда, меня туда послали, я там в деревне работала в школе, вела в школе и русский, и белорусский и даже иногда географию и историю, потому что в деревенской школе, то заболели, то не хватает, то ли что, мной затыкали там что, потом сделали директором вечерней школы. Не хотят, и заставляя учиться ребят, а не хотят, а мне надо ходить и по домам их собирать и уговаривать, если

что, в общем тяжело было, там я проработала год учебный, а на следующий учебный год 5 августа там линейка была и приезжает из Постав замгорано и всё, забирает в Поставскую третью школу, но тут, наверное, мама подсуетилась. Там школа восьмилеткой была, а потом в 1980 году мужу захотелось в Уренгой, потому что там брат три года там был у него и придет к нам в отпуск, пачку денег открывает... «Давай, ну на два годика, только диван новый купим и всё, и вернёмся». Мы жили скромно, но хорошо. Поехали на два годика, а, я начала там про свою деятельность, так вот, когда я в школе работала, третьей, мужа перевели в Москву, в Кубинку. Слыхали о таком? Аэродром военный, часто по телевизору о нём говорят. И я потеряла работу. Я сначала взяла за свой счёт, думала как-то так, он говорит: «Напишу рапорт, чтобы обратно меня вернули». Рапорт он написал, потом никак его не возвращают, а он один там, ему плохо. Ой-ой-ой! Я за свой счёт взяла, к нему поехала. Потом может больше двух месяцев прошло, мне: «Больше не можем тебя за свой счёт. Давай или увольняйся или возвращайся». Ну чего, я уволилась и потеряла место в Поставах, а потом через месяц его переводят в Поставы, и вот мы сюда возвращаемся, взяли меня в исторический Поставский краеведческий музей, на время декрета: там женщина ушла в декрет. Меня взяли и я как-раз попала на то время, когда музей ещё не работал, а только собирали материалы, тоже было довольно интересно. Мы ездили по деревням, искали ветеранов, беседовали с ними, записывали как вы сейчас. Притом в одну деревню приедешь, а там один рассказывает-рассказывает... Потом я говорю: «А в той деревне мне такое сказали». А мне сказали: «Ой, а он помощник немецкий!» Всё такое. Приедешь в ту деревню, на этого начинают поклёп, и кто их знает, кто прав. Потом старинные вещи всякие собирали много по деревням и оно не надо вроде, приносили в музей. Потом меня в Минск отправили: таксидермист, который чучела делает. Дали нам адрес такого человека, который делает чучела, для дела природы, ездила туда, чучела покупала, привозила, одним словом, всё, чтобы обустроить музей. А у мамы как раз пенсия подошла и говорит: «Иди на моё место в КГБ». И что вы думаете, пошла в КГБ! Там, довольно строго, надо в Витебск было ехать на собеседование. Взяли меня секретарём-делопроизводителем, это всё документы, подписка о неразглашении... Секретные бумаги надо было печатать, доклады и всё такое. Потом я и получку выдавала, в банк ходила, деньги получала, все хозяйственные дела на мне были. Вроде, как и нормально, там мне нравилось. А вы знаете, где здание комитета? Где здание милиции? После милиции в нашу сторону следующее здание – здание комитета. Там мама всю жизнь работала. И мне пришлось там 5 лет проработать. А тут 1980 год, и мужу захотелось на Север. Ну во-первых, мы поехали в Уренгой, а мама моя пошла вместо меня, ну так мы на два годика, мама говорит: два годика, поработаю на тебя, а потом ты вернешься, и ты на меня. С работой не очень было, нам надо было сохранять это место.

Вот мама работает, работает, работает, а мы не едем и не едем, только в отпуск приезжаем. И так восемь лет проработала она, до 1988 года. А потом силы не те и возраст, и уволилась. Так что она потеряла надежду, что мы вернемся, но мы там, как говорится, первые два года ты работаешь на Север и только потом Север начинает работать на тебя, потому что там через полгода дают десятипроцентную надбавку. Это северная называется. И так до 80%. Потом - всё. Работаешь, работаешь – зарплата увеличивается, увеличивается. Вот тянет, присасывает этот Север к себе. Во-первых, красиво там, хорошо, но холодно, там полгода – день, полгода – ночь (*смяецца*). Морозы очень большие. Я же в школе работала, отпуск у меня 66 рабочих дней. Считай, все лето. Плюс выходные. Так вот, заехала, пошла в школу, но не на русский язык и литературу, места не было, а на труды. И в Уренгое, сколько проработала, 17 лет, я вела труды у девочек. Вот, меня девочки все любили и звали меня «Верочка Петровна». Хорошо мне там, нравилось. Потом на пенсию вышла. А и вот что: только вышла на пенсию, хотела еще поработать. В октябре мне присылают, сообщили, что мама сильно заболела. И я сразу взяла отпуск за свой счет, с чемоданчиком одним и сюда приехала. Неизвестно было, сколько я тут, пока поправится или как. Но она была очень тяжелобольная, вообще, она лежащая была. В

общем, я два года с ней, но через полгода мне как-бы продляли за свой счет, но потом сказали: «Увольняйтесь». Я уволилась. И я думаю: всё.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1946 г. н.

* * *

Я электрик-плотник, в основном электрик. Вот, сидишь, вот так в строительном управлении. Кофе пьёшь гейзером так: «Буль-буль-буль». Гейзер булькает. Начало пахнуть в управлении. Начали говорить: «Ооо, электрик сидит, значит всё, работает» (*смешок*). Значит, я кофе попил, а они уже уехали, я за ними домой. Где-то 10 часов, хорош. Вот последнее время дежурным электриком был последнее время на котельне. Там же вьюга, проводов, замыкание всё отрубает. А там, в котельной, ремешки должны работать, насос, короче. А нас, как там жили: сутки работаешь, лежишь – двое отдыхаешь. И вот лежишь, уснёшь, телевизор перестал работать – сразу просыпаешься (*смеётся*). Дизель врубаешь, генераторы наводишь, 400 вольт, насос врубаешь. А там городок такой: вагончики, бочки – и эта котельная отапливает. «Мы не били лежащих» (*улыбается*). Отдыхаешь, подумаешь, там накрылся проводок, пошёл, переключился. Дизель зальём, генератор, наоборот. Всё, работа, но ценная: этих нас не было, то могло бы быть наоборот – полчаса и всё замёрзло. Я и щас весь день под телевизор засыпаю. Уже рефлекс (*усмехнулся*). А здесь поработал инженером-технологом. Там всё сам перемотаю, уже мастерам дают провод. Несколько раз делаешь, то толстым, то это – габариты (*показывает руками*). Так и называется габариты. По минимум сделаешь, по которой спокойно переносят габариты. Те же на максимум, мастерам скажешь: «Так и так делать». И кабельная бумага, то же самое, трансформатора катушки маленькие. Да нравилось. Здесь хорошо и там, и в Уренгое (*смеется*) хорошо, и в Кубинке хорошо было. Насчёт этого мне везло.

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1949 г. н.

* * *

І работаў я тожа ў сельскай гаспадарцы, скажам так. Быў заведуюшчым масцёрскімі раёнага аддзялення “Сельхозцехнік”, рамонтная масцёрская была ад 50-ці, як я прыйшоў, да 120-ці чалавек. Месца лічылася прамысловасцю. Аддзел мой лічыўся прамысловым, і гэта было на ўравне. Адчэтнасць ішла, як завод МТЗ, прыкінце і мая масцёрская, як я пачынаў 50 чалавек. Еслі два месяцы ты не выканаеш па прамысловасці план, табе абязцельна здымуць. Пагэтаму гэта дэсцыплінавала, таму што я як магу, дзе магу, я магу раслабіца, ляжаць па поў дня, магу. Но еслі што-та ўжо нада рабіць, то я раблю. Паэтаму, еслі ты не зрабіў цяпер, то заўтра гэта ўжо позна, не нада, гэта ўжо што-та нарушылася і ты каго-та падвёў. Гэта была такая работа, была крэпкай і цяжкай, но яна мяне прывлекала тым, што гэта была творчаская работа, і я там атработаў больш за 30 гадоў. У канцы я ўжо гады 3 пабыў главным інжэнерам, тады апяць-такі ўлады, яны яе давялі да банкрутства неплацяжамі сваімі. То, што калхозу атдай дарма, мы работалі на рэспубліку многа што, но ўсё меней, меней. Это зжымалася, ішла перестройка, пасля перастройкі аддаць усё. І тады мяне пазвалі ў канцы канцоў на прадпрыемства, я ешчо тры гады атработаў на прадпрыемстве, якое выпускала дзверы, но яно і цяпер выпускае дзверы. Это “Пастаўскі мебельны цэнтр”. Я там тожа тры гады быў галоўным інжэнерам, эта была работа пад канец лёгкая, но ні грошай, ні магчымасцей ужо што-небудзь зрабіць. Еслі ты ня можаш балгарку купіць, еслі круг купіць не можаш. Быў перыяд, што суботнікі, за суботнік нада тады перачысліць грошы ў райком. Мы два гады не маглі грошы найсці, каб нейкіх нешчасных там 20 долараў, еслі перавясці, каб іх перачысліць. І я там віджу, што работа крэпка цяжкая, грошы, ну калі я там 1000 атлажыў за год, тады еўра купляў, на тый перыяд, і ўсё. Я віджу, што я дзецям не памагу. Сам я там згіну, у гэтым; там

становішся, у прадпрыяці гэтым частным, яны разумныя, но ты становішся проста вінцікам у гэтай машыне і ні дня, ні ночы, няма ні выхаднога. Пагэтаму я кідаю гэту работу, іду гэту хату дастрайваць, неяк устанавіўся на работу, як гаворыцца, “цэнны кадр, заведуюшчый масцёрскімі”. Там была невялічкая, два гады ступенька з інжэнера, я прыйшоў з арміі, сразу жаніўся, яшчэ работы ў мяне не было, мне ж нада было жаніцца, у мяне ж было каханне (*смяецца*), вот, эта самае. І тады я два гады да начальніка аддзела я падрос, і тады другая дочка нарадзілася, далі мне кватэру трохкомнатную, далі мне машыну, должнасць і невялікую зарплату, вот.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

І не работала я. Сын радзіўся, я не работала нідзе. Яшчэ дамахазяйкай сядзела. Кароўка была, свіны, куркі. Гэта хазяйство ўсё было. Малачко, кароўку падаю, насіла прадаваць. Не было ў нас тады, не ўсё рабілі, многія былі дамахазяйкі. Праз вуліцу яшчэ кароўку дзяржалі, і во гэтыя саседзі кароўку дзяржалі. Тады нічога пазорнага не было, што я выйшла замуж маладая, не работаю, а дамахазяйка. А потым уже, когда сын некалькі класаў скончыў, быў атлічніком, помню, але ж я яму нічога памагаць не магла, бо я неграмотная была. Ён вучыўся сам хорошо, на даске почёта сядзеў чатыры года. І я астаўшыся была неграмотная. Потом уже пошла ў прачечную. У прачечную пошла, сын ўжо пайшоў у большыя класы. Тут блізенька школа была, я пайшла работаць. Была тут воінская часць такая, і там прачечная была. Обсцірывалі ваенных. І я вот пайшла і ўстроілася ў гэтую прачечную работатъ. І там я отработала 25 гадоў. Нікуды не мяняла. Акладзік небаўшэнкі быў. Пенсію вырабатываць не было, людзі ўхадзілі некаторыя на завод, там больш плацілі, большая пенсія. Ну я нікуды не пайшла. Праработала да самай пенсіі, пайшла на пенсію на 72 рубля.

Я трошачкі хадзіла ў лесхоз. Я ў калхоз не хадзіла рабіць, я када ўжо стала ўзрослая, я не знаю сколько там рок нада ў калхоз, можа 16 гадоў, гэта работаць нада. Дык я пайшла ў лесхоз, Азеркі ад нас былі недалёчка, праз лес, Азяркі, вот тут вот, можа знаеце. Азяркі гэта лесніцество было, там садзілі лес, пітомнічкі такія сеялі. Сеялі сасну, сеялі ёлачку і гэта ўсё абхадзілі зярняткі, і тады мы іх прапальвалі. Сосначку маленькую нарывалі і па лесу хадзілі, дзелалі барозінкі такія, дзе вырублены лес ужо быў, нада было пасадзіць лес. Дык вот эта мы такія капачкі былі, удзвёх мы садзілі. Капачком здзелаеш ямачку, пахінеш, другая ложыць туды гэты расток праросшы, сосну, рассаду, туды эта ложыш і тады прыжымаеш, і пайшоў далей. Потым ужо панімалі што садзіць, як садзіць. Я два гады, з два леты, пакуль замуж выйсці, садзіла гэты лес. Я помню, Азяркі, каля дарогі, што ў Чарты, дык вот гэтыя хлопцы, чартоўскія, мой мужык, напрымер, работаў у сталярке і з дому хадзіў, веласіпеда ж не было за што купіць, бо пяшком хадзілі. Дак помню, мы каля дарожкі, як полем, яны уже ідуць і з намі пашуцяць, пагавораць. Знаеш як, маладыя хлопцы і маладыя дзевачкі. Ім жа ж тожа ахота было. А патом, як выйшла замуж, так з’ехала у Паставы, дамахазяйкаю быць.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1933 г. н.

* * *

У вёсцы жывеш і толькі гэтым, меўшы мала зямлі, а ўсем тады зямлі мала, а людзей многа. І каб і сябе пракарміць, і прадаць што-та, то есць купіць за проданае штаны, то гэтай зямлі не хапала - гэтай зямлі ўраджаю, ураджаі былі малыя. Вядома ж, не было гэтай хіміі; ну яна была, гэта хімія і пры Польшчы, но яна была дарагая, гэты мінеральныя ўдабрэння. І пагэтаму ну яны ўсе хадзілі, стараліся, каб хто-небуць, што-небуць, дзе-та яшчэ падрабываў. Хто ішоў на завод, дапусцім быў там завод, дзе-та кілометраў 5 быў, наверна. Хто-та на шклозаводзе рабіў, хто-та лес спляўляў, хто-та лес загатаўліваў. Ну,

дзе-та людзі стараліся падрабываць. Вот пры Польшы ж мой дзед ездзіў у Амерыку на зарабаткі, каб грошы прывязці, каб купіць, зноў жа, той самай зямлі, каб навучыць і апрануць сваіх дзяцей. Ну а цесць бедна жыў са сваім братам, і сястра ж была, вот. Пагэтаму дзе-та нада было грошы падрабляць, цем более еслі ты пасеяў гэта жыта, то пака яно не вырасла і не змалацілі, то гэты перыяд палучаецца, што ты як бы без дзела. Ну, ілі адносна без дзела. Дзе-та сенакоса ўжо не было, каб гэта трымаць каня. Можа яшчэ і каня ў той час у іх не было. Відзіце, я не знаю пра цесця. Ці карову тую. Таму хадзілі, падраблялі, вот яны хадзілі, гэтай плотніцкай справай займаліся. Ён усё умеў: і вокны рабіў, і зрубы, і бацька ж мой таксама быў плотнікам-столярам, вот яны гэтую хату... Ой, як добра мы нарабілі! Ну а я ж прыду, як яны завуцца, як рыса, якае вот бравно на бравно кладуць і там такое ўстройства: вядзеш і яно адзіраець гэтыя рыскі па верхнім і па ніжнім бярвямі. І тады ты гэта ніжня астаўляеш, а верхняе ты высекаеш ім такі пас, каб яны тады, як завуць “цалаваліся, гэтыя бровны. Ну і стараліся, каб там мінімум гэтага было, шчэлак еслі ты масцер. То што многа шчэлак, мог закладвацца раўнамерна, і еслі ідзе шчэлка большая, чым па ўсім браўне, тады там палучаецца, ну, вецер, мыш, яшчэ што-небудзь. Ну а я ж стараўся, як я прыеду з работы, я ж тожа пакажу, што я не стаміўся, што я ўжо точна па гэтай па драцэ, драка называлася гэтая лінія. Па драцэ ўжо так вывадзіў тапаром.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

Этых класаў я 7 кончыла, но тады было это нормально. Мы даже учіліся ў сямі, учітэля былі, а потом уже тут як-то стало. І там, у колхозе, ўсё ж рабілі, і лён рвалі, усё рабілі. Троху у конторы работала, трохі клапаўшчыком, тады вездэ мяне ганялі, бо ўжэ 7 класаў у мяне было, я болей грамаце было, чым у другіх там. А потом ўжо замуж вышла ў 1956. Тоже хлопец там быў, камбанёр. Ён прыехаў, у яго паспорт быў, тады мы ўжэ рашылі, як бы нам куды - можа, паехаць ўжэ с колхоза. Ён паспорт імеў, ды тады і мяне з колхоза адпусцілі. І ўжэ ў 1957 году (у нас родня была) уехалі ў Расію, Калінінград, нас прынялі там. Поехалі і там жылі. Жылі мы там, я там і дочку роділа. А тады нам захацелася на Родзіну зноў, і зноў мы вярнуліся. Вярнуліся мы только не ў дзярэўню, а ў Паставы, недзе ж пры гораду хацелась. Што ў дзярэўні? Там знаеце так... Ну ў гораде, тут усюды работы крэпчай не было. Ну работалі, і на стройке работалі. Вот, кварціру палучыла ад стройкі за то, што работалі мы – і муж, і я, і дочка расла. А тады ўжэ паследнее время работала 30 гадоў у псіхбальніцы - бальных даглядалі, і на пенсію пайшла, тут ўжэ.

На стройцы мы з мужам работалі, 10% нам давалі. І з працента быў выстроены дом, мы купілі гэту кватэру, патаму што там работалі. Давалі за тое, што работалі. Такі быў закон. У кожным доме далі таму, хто ўчаствавал у страіцельстве. Я на гэты дом прышла з фундамента, і была я тут 40 дней падрад, і штукатурылі, і печы клалі, красілі. Пад ключ палучалі, ўжо мала палучалі. А другім далі па вочарадзі ад гасударства. А з вёскі паехалі ў Паставы. А што мы тут? Работу шукалі, на кварціру пайшлі да людзей, але і паехалі, дзе якую работу хто нашёл, хто што канчаўшы, но я нічога не канчала. Прастой рабочы: вот кірпіч насілі, вот раствор мяшай... Насі, калі ты больш нічога не ўмееш, но каменшчыкі клалі сваё, яны ж ўмелі. Прыехалі, дзе хто ўстроіўся. Недзе нада ж было рабіць, на работу хадзіць нада ж было, жыць нада было.

Ну, во зараз, хто ў калхозе рабілі, патом, пад тысячу пенсію палучаюць, ну я ж тады не рабіла даяркай, тады ж гэтага не было, тады слабенькія былі ў нас работы, трудадні былі ў нас тады. А сколько ў гаду дней, столькі далжно быць трудадней, каб на кажды дзень трудадзень быў. А за трудадзень плацілі сколь ж там... Сколько грошай ёсць-столька, рубль, рубль на трудадзень, зерна таксама ж, давалі. А потым там нейкія грошы плацілі, трудадней ўжо не было. Нам было добра абы-як, мы людзі былі, нетрэбачныя, прастыя, ёсць капейчына хлеба купіць, малака - нам і добра, нам харашо... Так і было.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1934 г. н.

* * *

Мантажніца радыаапаратуры і прыбораў, в Вілейке работала, патам у нас завод быў Беліт, беларуска-літоўскае аб'яднанне, трансфарматыры рабілі. Маладзёжы там было многа, харашо там, дружыя, друзей многа ў мяне было, падруг. Цяпер, як гляжу, нету такіх друзей у маладзёжы. Во, саседзі мае, прыйшлося пакрэсціць ім дзіцёнка, яны тады толькі пераехалі, – пазвалі мяне, незнакомую жаншчыну. Так вот, на Беліце ў нас была каманда. Нас там 13 чалавек, работалі са спіртам, і ўсё думалі, што мы паддаём, у нас весела так, што мы смяемся. Мы ўсю работу рабілі саабшча, мы эта самі, сваёй брыгадай, таму што падабраліся такія людзі, пріятыны друг другу. І вот, еслі нужна отлучіцца каму-та куда-та на пару часоў, то мы і на гэтага чалавека пісалі ўсю работу, таму што сёння табе, а заўтра мне. І ўсё думалі, што мы пілі гэты спірт, як будта нам нада, у нас магазін пад бокам быў, на што нам гэты цехнічэскі піць, і абедалі мы разам, і празнікі ўсе разам. І вот, прайшло сколькі лет, на пенсіі я 11 лет, хто яшчэ і раньшэ паўхадзіў, а мы ўстракаемся да сёх пор, і перазваніваемся. Адна ў нас саўсім хадзіць не можа, прыязжаем да яе. Сабіраемся. “Заўтра ў цябе будзе празднік, гатуйся”. Да нас дажа з газеты прыязжалі, фатаграфіравалі, пісалі пра нас, прыязжалі з Мінска да мяне.

Да, і забастоўкі былі ж у нас там, баставалі. Бывает, прыцяснелі нас там. Вот работаем-работаем, жара стаіць страшная, на вуліцы градусаў 30, а в цэху за 40 – людзі в обмарак падаюць. Мы просім-просім: «Здэлайце што-небудзь!» Ніхто нічога не зробія – мы становімся і ўсё, ніхто нічога не дзелае. Прыходзіць рукаводства і рашаем, усё тады прошчэ было, чым цяпер. Цяпер далі ўсю власць работадацелям, чыноўнікам, і нічога не зробіш. Раньшэ прафсаюз што-та мог, народ што-та мог, вот рашалі. Зімой холадна, просім-просім што-та – недапросішся, раз - забастовачка ім, тады ўсё рашалась. Ці паўгражаем, што забастовачку ўстроім, гэта ўсё пісьменна было. Раньшэ і праўсаюзы рашалі.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Прыехаў сюды працаваць. Я скончыў геафак у 1985 годзе. Былі варыянты: або застацца ў Мінску, школу 64-ю, гэта на Пуліхава, ці 54-ю, там я праходзіў практыку. Но відаць, упадабалі мяне, каб заставаўся. Потым, інстытут геахіміі і геафізіцы, там таксама праходзіў практыку, таксама пакідалі, проста даўно хацелася дамоў. Мінск і вялікія гарады я не люблю, таму рвануў дамоў і ўсё. Я хацеў спачатку на Мядзельшчыну, там усё ж радня. У Мядзельшчыну прапанавалі нейкую вёску, якую я не ведаў, аказваецца, яна была за Баторыным, на другім баку, дзе бабуля жыла. Ну і паехаў у Паставы. Мне тут гавораць: «Паедзеце у Апідамы». Што такое Апідамы я не ведаў, а Апідамы - гэта на самай мяжы з Літвой, мабыць, 50 кіламетраў або более. Самая мяжа з Літвой і стараверы, стараабрадцы. Папаў туды, ну і там далі мне яшчэ ў нагрукку турыстычны гурток. Ну, я пачаў хадзіць у вандроўкі, дзяцей весці. Так збіраемся, там па вёскам прайсцісь. Пачынаю шукаць інфармацыю – няма-няма, нічога няма, у вёску прыходзім: стаіць царква стараверская – Куплянская царква, пра яе нідзе, ні ў адным даведніке нічога не магчыма знайсці. Потым Апідамская царква, таксама, стаіць царква – інфармацыі ніякай няма. Ну людзі пачалі раскажываць розныя лягенды.

Пачаў па нямногу запісваць, а паколькі геаграфія Пастаўскага рэгіёна не была напісана, думаю: «Дай-ка я напішу свежыя у галаве думачкі». Так напісаў геаграфію Пастаўскага раёна. Потым пайшло, паехала. Гэта зацягнула - цікава. Вот я кразнаўцтвам займаюся з 1985 года да цяперашняга часу. Быў у мяне такі кразнаўчы клуб “Ювента” гэта як маладосць перакладаецца. Дзяўчаты самі назву прыдумалі. Гэта ў першай школе я працаваў, а потым перайшоў у гімназію, як у нас адкрылі гімназію — 2006 год. Я працаваў і ў гімназіі, і ў першай школе. Потым у гімназіі далі поўную нагрукку, я ўжо працаваў

поўнасьцю і зараз працую ў гімназіі. Ну вот, колькі працую, можыць у год мы ладзілі прыблізна 5-7 экспедыцый з вучнямі. Распрацоўваў маршрут, глядзеў, што можна знайсці, што можна пашукаць. Мяне цікавіць усё, што трапляецца па дарозе: археалогія, этнаграфія, фальклор, помнікі розныя.

Запісана 01.07.2024 у г. Паставы ад мужчыны 1960 г. н.

РАМЯСТВО

Майстар-клас для студэнтаў у ДOME рамёстваў г. Паставы

* * *

Я родилась в Витебске, там же училась... Отучилась в колледже... В профессию я попала случайно, хотя я с детства была творческим человеком. Я ходила в художественную школу, витебскую, где каланча; это самая старинная из художественных школ в Витебске. Меня всегда привлекало творчество, я рисовала всегда, и когда пошла в 10 класс, поняла, что не хочу дальше учиться, но отучилась какой-то период, и решила всё-таки уходить с 10 класса. Свободные места были на таких профессиях, которые были не совсем распространенными и востребованными. Я пошла, и поняла, что мне нравится. По профессии я ткач, художник-оформитель. Занимаюсь всем, связанным с тканями. Нас учили делать гобелены, всё, связанное с народным ткачеством: народные пояса совсем чуть-чуть, а больше ткачество на станке. Когда я закончила свой колледж вторую ступень я закончила, получила распределение в Поставы. Вот это мое первое и единственное рабочее место. Начинали тогда всю открываться и развиваться дома ремесел. Не знаю, как по республике, но по Витебской области это новшество пошло – дома ремесел. Требовались как раз люди с разными направлениями по творчеству, и у меня было распределение. В год моего окончания ввели обязательное распределение, и вот я попала сюда в Поставы. И вот, в 2000 году я сюда приехала, и по сегодняшний день работаю тут. Начинала я просто с методиста по ткачеству, а сейчас у меня небольшой карьерный рост - доросла до руководителя народного клуба «Майстры...».

Когда я сюда приехала работать в Дом ремесел, то каждый был заинтересован найти что-то в том районе, где работал. Для нас было характерно ткачество 4-ремизное ткачество, 8-ремизное ткачество, и оттенки... У нас чуть-чуть преобладает влияние с литовской стороны - идет по цветовой гамме. Присутствует и бордовый, но очень мало. Больше это серо-белые оттенки в ткачестве присутствуют, если брать по цветам. И саржа – ломаная саржа. Это направление в ткачестве. Она может быть и 8-ремизная... В старину у нас заправлялось 8-ремизное ткачество чаще всего. Но оно довольно-таки сложное. Попроще, конечно, 4-ремизное. Вообще, есть 2 вида ткачества. Первого технологического порядка и второго технологического порядка. Первый технологический порядок: рисунок идет вместе с основой, то есть у нас есть основа и уток – в станке заправляются, и первого технологического порядка – это больше 2-

ремизное ткачество, как и саржа. Рисунок создается без добавочной уточной нити. Основной рисунок идет просто одним утком. А ткани второго технологического порядка идут с добавочной. То есть основа – это основа... Идет уток, то есть основная нитка, которая делает наш... И к ней еще другой ниткой добавляется рисунок. Поэтому есть сложности чуть-чуть... Это есть в 4-ремизном, 8-ремизном ткачестве. Второй технологический порядок - это от 4 и больше ремизок. Это зависит от узора. Чем больше ремизок, тем сложнее и разнообразнее может быть узор в ткачестве. В дыванах, в рушниках, в тканях, то есть чем больше ремизок, тем разнообразнее и сложнее узор. Больше можно сделать разновидностей. Раньше больше ткался лен. Сейчас я за основу беру х/б нитки. Уток: я могу использовать и шерсть, и лен, и также х/б нитки. Вот, у меня была тканая дорожка, я добавляла еще солому. Может быть, вы видели... То есть у меня основа была и нитка-уток, и соломка. Это как раз показывает ткань второго технологического порядка. Да, мы солому собирали, чистили, выбирали специально подлиннее, чтобы хватало на ширину моей заправки. Если вдруг не хватало, то я одну во вторую вкладывала и использовала так. То есть одну в другую соломку вкладываешь, и она удлиняется.

У нас на районе тоже есть клубы, и там они украшались. И вот, кто-то был на районе и там увидел соломенную дорожку. Она была большая, объемная, где-то потрепанная. Они говорят: «Лена, может быть тебе интересно будет восстановить как-то, реконструкцию сделать?» И вот, я впервые увидела эту дорожку... Мне ее привезли сюда, я сама в том клубе не была. Я говорю: «Да, интересно, конечно». Это меня зацепило, что соломка... До этого я и не знала, что можно использовать... Благодаря этой дорожке, увиденной кем-то, я начала копать. Сказали, что у нас, в Поставском районе, в д. Вешторты Новоселковского сельского совета одна из жительниц Пацуха Ляукадия - это ее была дорожка. Она сказала, что эти дорожки не использовались в повседневной жизни, но они ткались для храма, для церкви, использовались там в праздники определенные. Вот, меня заинтересовало, и я сделала реконструкцию этой дорожки. С этой дорожкой я ездила на Славянский базар – участвовала в конкурсе, заняла там 2 или 3 место, не помню уже. В международном конкурсе....

Насколько я уточняла, раньше красили травой, красили цветами... Все такие натуральные были красители, конечно. Я этот момент сама не пробовала, не делала, потому что у нас покупаются уже готовые нитки, но знаю, когда мы уточняли, когда я училась, мы тоже ходили – узнавали, что красилось всем натуральным: травой, цветами какими-то... Они как-то вымачивались там определенно... В зависимости от дней, сколько они вымачивались, был более насыщенный цвет, более ненасыщенный..

Вот бёрдышко. Бёрдо вот есть большое в станке, а это бёрдышко. Оно заправленное. Это как раз показывать деткам. И вот, оно заправлено так вот. Пояс или какое-нибудь другое изделие можно сделать «на бердо». Один конец привязывается за что-то там: за дверь, за станок, ну что-то, чтоб не двигалось... А второй конец привязываешь к себе – делаешь натяжение – и ткешь. А еще есть дощечки – вот такие дощечки. Это тоже для пояса. Для ткачества поясов. У меня заправленные есть дощечки. Вам рассказывали про васильковый край... Вот у меня тут тоже всё в таких тонах. Тут васильки заправлены... В чем тут суть – что они вот начинаются от одной, два, и их может быть много: от четырех и больше. Чем больше дощечек этих, тем сложнее и шире сам пояс получается.

Просто, когда я стала руководителем клуба, то, конечно, меньше я уже занимаюсь по ткачеству. Просто другая работа (*показывает*). Вот, сбоку, вы видите, у нас открывается зев. Сюда мы прокладываем нитку, и чтобы она закрепилась, мы должны ее вот так вот поменять. Эта зарботка, она всегда идет такая вот чуть-чуть путаница, пока не заработается основа. И так идет у нас бёрдо – то вниз, то вверх уходит. А за счет переплетения, что оно туда-сюда ходит, у нас закрепляется наша нить утка. Еще к этому есть специальный такой у нас нож, который мы, бывает заменяем просто линейкой обычной, когда вдруг нету ножа. Чтобы перебить... Вот я вверх подняла, у меня поменялся зев, в зев я подкладываю нитку, и перебиваю. И вот так оно меняется: туда-сюда. За счет этого закрепляется уток, и оно будет такими полосочками идти. И вот этот легкий пояс делается довольно быстро. Когда мы уже вручную перебираем, то, конечно, это уже более долгий процесс.

Бывает, узор сама придумываю, бывает, могу что-то где-то увидеть красивый пояс... Вот, мы ездим часто на Славянку... Бывает где-то увидишь, подсмотришь у коллег. И почему бы не повторить? И вот, положено начало нашему поясу на бердышке. И в итоге, когда, конечно, ты не спешишь – оно вот получается разное... А на дощечках... Могу попробовать вам показать, как и на дощечках... То же самое – тут подвязываем его... Тут чуть-чуть другая, то есть по узору определенному мы пробираем в каждую дощечку – вот видите, каждую ниточку мы сюда тоже по узору пробираем нитку определенного цвета, как надо по узору. И потом перекручиваем. Мы делаем уток совсем по-другому – мы крутим дощечки от себя и на себя. За счет этого получается узор определенный.

Вообще, я изготавливала и костюмы, и юбки ткала. У нас есть наш методический центр, они ездят с народными обрядными танцами выступать, и у них там есть два костюма, у них сотканы юбки вручную. Рушники ткала, всякие салфетки ткала. Вы уже слышали, наверное, что у нас есть фестиваль «Звіняць цымбалы і гармонік», и вот, я ткала там такие салфеточки на презентацию... Это к тому, как в нашем современном мире ткачество может быть использовано. Как разные скатерти на стол, салфетки. Вот один из примеров того, что сейчас идет возрождение такое... Люди сейчас к этому возвращаются. Сейчас у меня, вы наверное, видели в первом зале, там есть шторы тканые. Вот, шторы ткут... Ткачество можно использовать везде. Сумки... Были у нас сумки с ткаными элементами. А вот, видите, мы используем тканые ремешки на сумках. Для наших костюмов мы используем такие тканые ремешки для сумок.

У меня была реконструкция рушника одного... Два раза я его повторила. Потому что один раз купили, уговорили меня, чтоб продала. Приехала девушка, говорит: «Пожалуйста, за любую цену куплю». Он ей напомнил бабушкин рушник. Она сама с Литвы. Он литовский был... А у нас перекликается... Мы же и под Литвой сколько были, и под Польшей... Вот рушник соткала, повторила... «За любые деньги, - говорит, - продайте». Ну, вот я не за «любые», конечно, продала, и потом восстанавливала второй раз. Мне вообще очень интересно... Сейчас я взяла себе на разработку такие дываны – хочу повторить, но чтобы не широкое, а хотя бы просто попробовать. Я узкую как раз заправила... На станке узкое, 2-ремизное ткачество... Вот как раз 2-ремизное ткачество. *(показывает)* Вот две ремизки на станке. 3-ремизное – добавляется еще одна, 4-ремизное, значит еще две добавляются. Вот это от чего зависит: 2-ремизное, 3-ремизное, 4-ремизное ткачество. Это вот эти ремизки... У каждой ремизки есть определенные галева – лазочки. И в каждый по рисунку продета нить. Это простой, обычный рисунок. Первая – вторая ремизка, то есть по очереди продевается. Вот видите, в каждое галево ремизки продета своя ниточка. Их может быть и до тысячи и даже больше, в зависимости от сложности рисунка, от того изделия, которое мы делаем. Вот, сначала рассчитывается, сколько мне надо по длине – какое изделие я хочу сделать. Потом добавляется туда метр нитки, который идет на усадку, на уработку, на подвязку что-то уходит. И потом рассчитывается ширина по рисунку – сколько мне надо ниток. Из этого выходит количество ниток. И снуётся вручную на сновалке. Сновалка у меня вот такая *(показывает)*. Называется «сновальная рама». Вот, снуётся нитка по длине, по количеству, сколько мне нужно, потом она заправляется на станок. Всё это делается вручную, иногда мне, бывает, помогают, потому что надо намотать нитки, чтобы были они в натяжении. Вот видите, вал... Их надо определенно наматывать и разбирать, чтобы они были равномерно все намотаны. Бывает, мне помогает кто-то из девочек – держит натяжение, а я накручиваю и разравниваю. И потом, когда они уже намотаны на вал, я начинаю проводку в ремизки, по рисунку. Когда уже пробрано в ремизки, то я уже в бердо... Там я вам показывала маленькое бёрдышко, то это уже большое бердо, на станке... Когда всё пробрано, мы подвязываем... Это называется фартук. Это товарный вал на станке. Повязываем к фартуку, и идет потом заработка основы.

Станок, бывает, могу и неделю заправлять, да... В зависимости от сложности самого рисунка. У меня бывает 4 ремизки, там по рисунку заправляется, и ошибиться нельзя, потому что у тебя будет не тот рисунок. Надо каждую нитку продеть вручную... Почему говорят: ручной труд – так дорого... Кажется... А когда начинаешь людям объяснять, сколько мне стоит заправить только, чтобы подготовить к работе это всё, то получается вот... Говорят: «Ну, да!». А сейчас я

вам могу чуть-чуть показать, как работает станок. *(показывает)* Вот челнок... Между прочим, это старые челноки. Они самые классные. Они уже настолько временем... Потрогайте их... Они настолько скользкие, настолько гладенькие... И я их никуда не дею, потому что, вот есть новые... Я не знаю, мне новыми не удобно, вот честно. Всё таки раньше люди делали... Он ложится совершенно по-другому... Вот этим точно больше 50 лет. Они нам достались еще с теми старинными станками, которые у нас есть. Мотаю нитки тоже вручную. Я вручную мотаю нитки. Даже на уток я всегда вручную, мне быстрее так, удобнее. Вот так и мотаю каждый раз. Цвета могут быть разные, в зависимости, какие мне надо по рисунку. Челноков может быть и до четырех, в зависимости от цвета... И каждый завожу... В основном, как я тку, вот тут мне один челнок нужен – я просто переставляю гульку в нём... А когда тку ткани второго технологического порядка, то тогда работаю двумя челноками. Один – уток – основной, а второй узорный челнок.

Я даже по учебе поняла, что да, мне нравилось, моё... Мне интересно было, что я создаю. Помню, был первый ученик... Ученики и сейчас приходят, но у меня сейчас взрослые ученики, а тогда у меня мальчишка был. И он говорит: «Я хочу научиться ткать». Вот, один мальчишка. Сейчас он где-то в России, уже вырос... Это было уже около 20 лет назад. И вот он приходил ко мне, мальчишка, и учился ткать... У него получалось. И когда ребенок приходит, то значит это не зря, значит всё таки да... Я нажимаю одну подножку – у меня открывается зев... Вот видите, у меня подножки, и к ним привязаны определенные ремизки. У меня сколько ремизок, столько и подножек. Сейчас по-другому бывает, что на одну подножку привязывают несколько ремизок, но я так не делаю. Мне проще, что на одну подножку идет одна ремизка. Вот, у нас уже доработка прошла. Мы вставляем челночек, и, как я вам показывала на поясах, то же самое... *(показывает)* Вот, у нас прокладываются нитки. Тут очень простое 2-ремизное ткачество, полотняное обычное переплетение. Можно вручную пробрать узор и разными полосками, вот, как вы видите... Это тоже обычное полотняное переплетение, 2-ремизное ткачество, только оно разнообразно за счет цвета и полосок.

Считать сложно по рисунку особенно когда ты какой-то рисунок восстанавливаешь, чтобы он получился именно такой, это тяжело. Бывает, по несколько раз пересчитываешь, переписываешь по несколько раз. Некоторые принаровились, но мне надо, чтобы кто-то помогал заправлять станок. Вот это самые основные трудности.

В клубе на данный момент состоит 42 мастера. Есть те, которые занимаются вышивкой, соломкой, а есть, которые довольно новыми направлениями занимаются: лоскут, валяние шерсти, вот такими... Сейчас недавно интересный новый мастер у меня пришел по дереву. Он сам приехал из России, с севера, и я его нашла в этом году и пригласила, заманила в клуб. Вот, он у нас первый раз участвовал... Когда у нас проходит фестиваль «Звіняць цымбалы і гармонік», нам дают возможность выставить клуб «Майстры» - торговать всем мастерам. И вот он выставился, очень доволен был. И работы у него такие аутентичные, даже слово не могу это на русский перевести... Настолько они у него интересные работы... Мне очень интересно, когда попадают такие люди. Изначально этот клуб существует с 1994 года. Понятно, что кто-то там по возрасту... Кто-то умер... Кто-то вышел, кто-то куда-то переехал. До меня тоже были руководители клуба, они как-то собирали людей. Я пришла, конечно, тоже пыталась собирать. Ну как... Вот звонишь... Про кого-то где-то что-то написали... Мастера, бывает, мне сами приводят людей. Говорят: «Вот, у меня знакомый занимается тем-то, тем-то...» «О, пожалуйста, приводите». У меня так пришло в этом году два новых мастера. Вот, мастер по дереву. Есть у меня мастер по коже, он говорит: «Вот, у меня есть знакомый, он занимается росписью по ткани, на льне. Тоже всё вручную. У нас и художники, и роспись, и всякий ручной труд. Не только старинные, но и все, кто делает что-то вручную. В моем клубе состоят такие люди.

Вот сейчас мы поедem на Славянский базар. Я стараюсь брать мастеров, но опять-таки, по возможности, насколько нам там дается место. В палатке, вот мы стоим... Я по возможности каждый раз всегда брала с собой мастеров, хотя бы двоих. Какие-то у нас проходят, вот, например, вишневый фестиваль в Глубоком, туда, бывает... Нам приходит приглашение, я кидаю клич в группу мастеров в вайбере – так и так, приглашают туда. Единственное, мы не

доставляем. Если у кого-то есть машина, есть возможность самим подъехать и там поторговать, свои изделия показать. На выставках участвуем. Постоянно делаем выставки: в Доме ремесел, если получается, где-то вывезти в другие... Обменные выставки делаем – тоже вывожу мастеров. Беру на реализацию их работы, тоже представляю. Если я куда-то еду, например, и не могу самих мастеров вывезти, я им предлагаю так: «Давайте мне работы...» Под запись, под учет, понятно... И беру их работы... Вот как, видите, мастер оставил мне корзины из лозы, буду брать их с собой на Славянский базар. У нас еще проходят чаепития. Раз в три месяца мы заседание делаем клуба «Майстры», под какую-то выставку или еще что-то там. Мы заседаем, какие-то новые мастера приходят – мы знакомим, вливаем, как говорится, в наш коллектив.

Есть молодежь даже, бывает, приходит: «Научите меня соткать пояс». Недавно у меня была женщина, говорит: «Вот, я хочу соткать пояс для своей племянницы, на рождение, на крестины». Вот она ткала, прямо с именем. Они так придумали. А приходят молодые люди, говорят: «Мы хотим соткать пояс на обряд северной свадьбы. Сейчас это всё очень возрождается. Сейчас свадьбы очень любят проводить в таком деревенском стиле. Некоторые умудряются целый костюм себе сделать. Вышиванку для мужа сделать и себе костюм целый. А другие останавливаются, хотя бы сделать какой-то пояс. С рушниками это сложно, это нужно долго ходить. Обычно нет, хотят быстро... И такое, самое оптимальное, это пояс.

Наверное, всё идет к тому, что люди начали ценить, откуда они родом и хотят показать предназначение своей национальности, своего рода. Потому что сейчас я замечаю, что всё возвращается к истокам своим. Как бы ты там не крутил, но всё равно, даже те же фотографии... Я даже к своей маме приезжаю, говорю: «Мама, покажи фотографии». И ты открываешь этот альбом, сохранный, самый наверное такой... Так же и люди сейчас возвращаются, хотят знать, откуда они, что у нас было, откуда шло это всё... Хотят, наверное, знать свои истоки. Это сейчас идет такое вот. Наверное, я думаю, в какой-то степени и наша в этом заслуга – тех же домов ремесел, в которые приходили дети на кружки. Вот это вот привитие к ремеслу... Где-то – демонстрация этого ремесла, как мы ездим демонстрируем, показываем мастер-классы. Мы же ездим на Славянский базар, мы не просто там сидим. Мы с демонстрацией, с мастер-классами... Мы показываем, объясняем людям, как это что делается. Я с поясами и со станками выезжала, другой кто-то с соломоплетением, кто-то с вышивкой едет. Вы приедете, походите, вы увидите – там мастера сидят и что-то вечно делают. Я думаю, это всё-таки сработало. Культура тогда, что вот, они решили создать дома ремесел, и вот это пришло, что люди сейчас хотят знать свою культуру и показывать свою культуру. Я думаю, что очень многие белорусы: «Вот, мы белорусы!». Особенно в данный момент, не касаясь политики, а вообще это очень идет актуально... Люди пытаются возродить, показать свою культуру и сказать, что она у нас тоже есть – есть чем гордиться и есть что показать.

Ну, у меня взрослые кружки – клуб «Майстры», а вот Кристина Николаевна и другие методисты, они все занимаются с детьми. Если вдруг ко мне пришел ребенок, я тоже не откажу, я его запишу. Мы обычно набор делаем в сентябре. У нас учебный год, как и учебный год, начинается в сентябре. Бывает, ходим по школам, бывает кто-то уже ходит в кружок и кого-то приводит с собой. А так мы ходим, бывает, по школам – набираем, рассказываем, что вот, у нас это... Они у нас проходят бесплатно, то есть дети приходят к нам заниматься совершенно бесплатно. Когда набирается определенное количество детей, мы договариваемся на какое-то определенное время. Обычно это, естественно, после обеда, так как у нас школы работают все в одну смену в городе. Приходят дети, мы выбираем время, под каждого стараемся подстроиться, чтобы каждому было удобно, потому что у нас дети ходят и в музыкальные школы, и в какие-то спортивные секции. Если даже он говорит, что вот, у меня не получается, мы говорим, ну приходи в другое время. В мои рабочие дни мы всегда рады видеть и всегда ребенка можем принять и не в рабочий кружок, если у нас получается, и в другое время. На мое ткачество, вышивку, бисер – дети постарше, восемь лет и выше. А есть у нас кружок по глине, там даже деток с детского сада водят. Потому что моторика мелкая... И глина, наверное, самый быстрый вариант – они быстрее всего видят результат.

Бывают какие-то конкурсы, бывают и премии какие-то выплачиваются, какие-то добавки. У меня в этом году вышла шикарная поездка, благодаря, наверное, больше спорту и туризму, потому что надо было показывать, что мы Поставы, чем мы можем в культуре тоже завлечь к себе, пригласить... Меня пригласили на целую неделю в Москву, то есть в оплачиваемую командировку. Для меня это большой плюс: и себя показать, и там посмотреть, кто, что и как... И проводят выставки, приглашают на ярмарки. Даже когда мы едем на Славянский базар, мы что-то можем делать... Кто-то делает своё что-то и дома, может делать и продавать работы и дома... Там есть ремесленный налог, обычно все ремесленники платят... Нас приглашают во всякие регионы, на всякие конкурсы. В Минск мы ездили на туристическую выставку. Местная власть нас всегда поддерживает. Всегда есть разговор, всегда как-то спрашивают, идут навстречу. Недавно у нас в клубе был юбилей – спрашивают: «Что вам подарить?» Нас всегда отмечают. Говорю: «Нам надо еще один компьютер». На коллектив из шести человек одного компьютера мало. Да, вот подарили, вручили. Всё хорошо. У нас есть такой хороший разговор, нас слышат, нас замечают.

Ну, вот я застала, когда развитие было разное. У нас был, может вы слышали, Зюзя Поозерский такой. Это был частник, он разрабатывал свой туристический маршрут. У него турфирма была, он придумал Зюзю Поозерского, всё разработал... Целый проект такой был. И у нас тогда было очень много туристов. Привозили и из Китая... Он был зимний проект. Это начиналось, когда зимние каникулы, Коляды... У нас очень было много... У нас было экскурсий по 6-7 в день. Одних увозят, других ты уже встречаешь, такой поток был. Потом как-то что... Я не знаю, это же частная фирма... Может, какие-то проблемы начались... Поутихло было... Сейчас, когда к культуре перешли эти Озерки (*усадьба Зюзи*) и всё, то тоже опять... И у нас появился туристический центр – сейчас опять начинается... И «Ветразь» с нами работает – деток своих на экскурсии привозят к нам. Дети с России недавно к нам приезжали. То есть был период, когда вообще шикарно всё... Потом подутихло, и сейчас опять идет такое вот... Поток растет. Я заметила, мы же работаем и в субботу, и в воскресенье, что даже сами люди начали ходить, интересоваться. Некоторые тут живут и говорят: «О, я даже не знал!» Начали ходить. Приезжие начали ходить, приводить гостей. Люди сейчас не просто приезжают, а хотят куда-то сходить. Вот, ко мне приехали гости, говорят: «Можно, к вам?» «Да, конечно, пожалуйста, приходите!». Начали люди культурой интересоваться.

У нас есть сайт в Инстаграме, который ведет Татьяна Николаевна Петух – директор нашего Дома ремесел. Мы там всегда выставляем программу. Там проходят эфиры, когда, например, открытие выставки, какие-то мероприятия у нас. Также фестивали – мы всегда выезжаем с эмблемами: Дом ремесел, клуб «Майстры», это всегда. Для себя всегда всё фотографируем и везде выставляем. Плюс, нас всегда продвигает и очень часто пишет о нас газета. Телевидение... Мы их всегда приглашаем на открытие наших выставок и на мероприятия - телевидение и газету, то есть у нас это всегда освещается.

Знаете, разные люди бывают. Есть такие: «Вот, это не моё!» Другие приходят – восхищаются... Разные. Я никогда не навязываю своё мнение: «Нет, вы не правы!» Я всегда очень дипломатично отношусь к людям, потому что естественно, все мы люди разные. Одному нравится одно, а другому другое, но какого-то негатива в свой адрес мы никогда не слышали. Мы старались объяснить, другое что-то рассказать – чтобы человеку было приятно быть у нас. Ни с кем не было такого, чтобы мы не нашли общий язык. Даже у нас были китайцы, и мы пытались объясняться на пальцах, и продавали... И всё проходило удачно. У нас в группе могут быть и возрастные люди, которым 50-60, и с маленькими детьми пары. Большинство – это средний контингент, потому что людям в возрасте уже тяжело куда-то ехать, детям тоже высиживать в дороге... Большинство средний контингент, и молодежи тоже очень много.

Знаете, когда человек приходит в настроение, он заряжен, в хорошем настроении... Вы же, наверное, сами понимаете — когда ты человека видишь визуально, ты уже считаешь с него какую-то информацию: что человек в настроении или он так... И понятно, что проще всего, комфортнее, когда человек в настроении получить информацию, получить удовольствие от посещения. Разные бывают... Бывают такие мужчины: «Ой, чего ты меня привела?» - на жену.

Ну, пытаемся всё равно... Я не могу сказать определенную нацию, или мужчина это или женщина... Всё зависит от человека.

Некоторые понимают, что надо сохранять, некоторые сами приносят: «Вот, - говорят, - осталось от мамы». Дом продали и приносят. Некоторые не ценят свои корни. Они ничего не сохраняют. Когда у человека есть память и сохранение своего рода — это будет продолжаться. Когда человек не ценит, не хочет знать, наверное — вот это угроза. У нас, знаете, каждый год входят в НКС, в нематериальную спадчину нашу... То есть пытаются это всё... С стороны государства это идет очень даже хорошо, я скажу... И всё больше идет, чтобы сохранить это всё... Раньше было включено только что-то там определенное, в этом году у нас, по-моему, вытинанка включилась... Клёцки еще раньше. С каждым годом это всё расширяется. Всё-таки от государства идёт в этом плане поддержка большая. И это правильно. Я говорю: когда у человека есть история и есть на что опереться, то человек уже скажет: «Я! У меня есть история, это я, это моя родина, это моя жизнь, это мои прабабушки, прадедушки! А что есть у тебя?» И вот, когда человек знает, что он может рассказать, что он может что-то выдать... Почему я своих детей... У меня трое мальчишек... Кажется, не девочки, чтобы передать что-то своё такое... Но я такой человек, я всегда езжу на кладбище на Радуницу — ко всем своим родным, даже которых я могла не застать. Я всегда езжу, беру детей. Я детей приучаю к тому, чтобы помнить предков, откуда мы. Потому что, если будут помнить, откуда они, будут помнить и историю своего рода. Знают, где предки похоронены — значит и будут ценить. Это так в нашей семье. Я обязательно своих детей приучаю... Вот, сейчас я дала такой круг — 800 километров, чтобы проехать на Радуницу по всем своим. За Борисов туда ездила на Крупки — у меня мама оттуда, я там была маленькая, росла. Я сама с Витебска, из Рубы, но мама моя из Крупок — Нача, там... И я там росла, потому что мне не подходил воздух в Рубе, где я родилась. И я там прожила до 6 лет, меня воспитывала моя бабушка, мой дядя воспитывал. На зиму особенно меня отправляли туда. И вот я сейчас приезжаю... И я считаю, что мой родной дом не Витебск там, Руба, а именно вот эта деревня. Это мое место силы. Я туда приезжаю, и я там всё... А еще эта деревня прямо в лесу. Такой на взгорке один дом, и он прямо в лесу... А лес весь из сосен и елей. Там воздух даже другой. Приезжаешь, и там воздух моего детства.

«Каланча» - это самая старая художественная школа в Витебске, но между нами, между детьми, мы говорили «на Каланче», так ее называли. Преподаватели были очень интересные. Особенно мне запомнился преподаватель по графике. Он такой мужчина был... Но очень интересный. У него такая своеобразная была техника преподнесения рисунка, и очень он мог заинтересовать. Искусство — это был, наверное самый скучный предмет у нас. Мне, как и любому ребенку, хотелось себя реализовывать где-то... И я вообще поехала туда поступать просто с подругой — у меня подруга захотела поступать в художественную школу. Говорит: «Поехали со мной!» В итоге мы поступили с ней вдвоем. Она чуть раньше бросила, а я тоже не доучилась — я как раз поступила в колледж. У меня в колледже были все эти художественные: и рисунок, и графика, и живопись, и композиция. И совмещать это было сложновато, и по времени не получалось. И мне пришлось не доучиться в художественной школе. Но время было хорошее, интересное... Я могу сказать, что дети были более самостоятельными, чем сейчас. У нас не было телефонов, у нас родители даже не парились, где мы. Мне надо было ехать в город на автобусе маленькой довольно-таки... Мы были больше предоставлены сами себе, были более самостоятельными. Это не в обиду нынешнему поколению. Это, наверное, больше наша проблема: контроль, контроль. Сейчас, вот, дети очень подзажаты в плане... Подростки... Что там нельзя, там нельзя... У нас было больше свободы, в наше время. Было больше свободы, и мы не делали ничего плохого.

Мы тянули талоны. Кто-то вытянет колготки, кто-то ботинки, кто-то сапоги — вот это помню. Это было такое время. Но всё равно, понимаете, что самое интересное — не было злобы, не было озлобленности. Были трудные времена, всё было, но у нас был такой дружный подъезд... У нас не закрывались двери в подъездах никогда. В квартирах двери не закрывались! До сих пор мы с мужем — вы не поверите — не закрываем наш частный дом. Мы спим — мы не

закрываем на ночь на ключи вообще двери! Нет у меня привычки закрыть двери на ключ. У нас было добрее.

Надо было сохранять то, что еще не совсем ушло, то, что мы могли сохранить. И как-то поддерживать культуру, выходить на новый уровень... Недавно на «Цымбалах» (*фестиваль «Звіняць цымбалы і гармонік»*) я как раз общалась с одним бывшим министром, который был при начальниках в Минске. Он говорит: «Я вспоминаю, как раз, как открывали... Почему вот это всё — потому что надо было сохранить тот пласт то еще оставить, успеть что-то сохранить, чтобы это никуда не пропало, не выкинулось. Вот почему это начало создаваться — чтобы успеть сохранить то, что нашли, то что где-то еще осталось и как-то собрать по частицам, по крупицам... То, что передавалось то, что находилось в деревне, не выкидывалось, а передавалось в дома ремесел... Тогда и начали люди приносить... Почему сохранили элементы культуры — создали дома ремесел, и вот это, наверное, основное, что начало сохранять культуру, потому что люди начали... Вот, даже нам... Видели там, на выставке? Это всё приносилось в дома ремесел, потому что до этого... Ну, музеи — не так... Даже мне недавно принесли. «Нашла, - говорит, - у мамы. Лена, может тебе надо?». Вот, мне принесли, отдали такую... Говорит: «Я не знаю, что это». Ну, я тоже не знаю. Пока еще я не поняла, что это, но я взяла. Вот, видите квадратики, но внутри в них саржа. Это довольно-таки сложное... Это 6-ремизное, 8-ремизное ткачество...

Но этот шов понятно — возможно полотно было... Не сильно широкий станок, и он ткался из двух полотен... Но что это, я не знаю. Возможно, как скатерть использовалось... Как покрывало она не сильно длинная. Вот, как раз таки недавно принесли. Разное приносят. Бывает домотканый лен — просто домотканая ткань такая. Почему раньше шили костюмы все из льна? Потому что до этого ткань домотканую просто ткали. Сейчас, в частности, больше приносят домотканый лен, какую-то вышивку, какую-то кто-то где-то найдет у себя элемент — тоже несут нам. Не факт, конечно, что это принадлежит именно нам... Бывает, он нашел в доме у мамы, у кого-то... И мы всё равно сохраняем.

Сейчас благодаря Интернету, мы высылаем работы... Можем не ездить на сами конкурсы, а мы сделали работы — выслали. Наш методический центр в Витебске — на его основе проводятся часто конкурсы. Бывает такое, что конкурсы проводятся и в Минском, и мы туда тоже высылаем. «Вясновы букет»... И другие какие-то проводятся конкурсы... Можем не всегда ехать лично, просто высылаем работы по почте. У нас есть такой клуб Полоцкий — они по лоскуту именно развиты очень хорошо... У меня есть два мастера по лоскуту, и Кристина Николаевна третирует всегда моих членов клуба, чтобы они участвовали. У меня уже участвовали несколько раз уже из клуба. Она приносит работы, делает, я ей даю задание, присылаю ей положение, которое к нам приходит. Она выбирает, в каком направлении она делает работу, мне приносит работу, я эту работу упаковываю, бирочки, всё как надо — отсылаю. Даже не что я сама там стараюсь участвовать, но я еще к этому и своих мастеров... Стараюсь, чтоб и они поучаствовали.

Вот, я рассказывала вам, что я ездила в Москву, когда у меня была командировка. По знакомству пришла женщина. Она сама отсюда родом, но она живет в Москве и состоит в коллегии художников. Они ездят по всей России... И благодаря нашему приезду в Москву они заключили договор, и в этом году они впервые посетили... Поставы. Они рисуют все старые усадьбы, исчезающую эпоху. Они заключили договор, их встречал спорт и туризм, их размещал в своей гостинице, организовывали им поездки: в Камаи, и где все старые памятники... Они рисовали. Свои работы они оставляли тут. И вот, это в этом году такой первый опыт был у них международный — именно конкретный, официальный, с заключением договора. И меня очень радует, что в какой-то степени этому поспособствовала я, потому что через меня списывались: где вы там будете, во сколько там... Так что поехали, да. Всё равно, понимаете, идет к тому, что кто-то... Родители, дети сюда приезжают, привозят своих знакомых сюда к нам. А у нас много кто отсюда уехал в Литву, Польшу... Потому что здесь очень много было и поляков, и литовцев. Семьи такие были половинные, раньше особенно...

Записана 02. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1981 г. н.

* * *

Ой, мне было вязание очень приятное, вот такое вот разное вязание. Кружева разные вязала и гафтавала, но няма показать вам, что я гафтавала – это ришелье, по-современному, а раньше гафтавалі, на этой машинке, на “Зингере”, она сама не делает такие пролёты, а я сама, рукой это делала, усё обмётывала. Это было самое приятное, крючком вязание, спицами вязание – очень-очень приятно.

Навучыла мяне цёця, цёця вот гэтага дзядзькі, который быў в Ленінградзе. І я поехала ў Ленінград, у 1953 году і яна мяне навучыла вязаць. А ришелье... Я и не помню, кто мне сказал, как вязать, ой, шить. Ну была машинка моя вот гэта, дык я на этой машинке шила, і я хадзіла ў Паставы, занімалася кройкай і шыцьём, а там мы толькі рісавалі, ну, напрыклад, самую сложную фігуру. І я хадзіла 9 месяцаў, ужо замужам была, даяркай рабіла і ў гэта врэмя хадзіла. Даяркай, гэта ж утрам падоіш корову, а потым корова – на полі, а ты – свабодны. Дык я ў гэта врэмя хадзіла ў Паставы і учылася шіць, і с тех пор я шыла... Платье шыла, усё шыла...

Полотно было обыкновенно шырокатканное і с этого полотна, не было тогда где купіць і нас много дзяцей было ў сям’е, і купіць не моглі, ну деньгі якія там былі у колхозе (*задумалася*), там трудодні напісаны. Так з гэтага полотна шыла мама сама, шыла сама і рубашечкі, штонікі якія пашыць могла. Усяк было, суседзям шыла. На продажу не шыла, ну там хто прыплюціць рубль только, і ўсё, а так я только для себя хотела шыць. І помогалі, і бывало, што ім полностью пошыю і жакет. Я, когда ўжо закончыла 9 месяцаў шітья, дык я тогда ўжо больш умела чаго шыць, і могла пошыць мужскі пінжак, мужскія брукі, ужо я гэта шыла, но гэта было ўжо даўно, а я ўжо столькі лет пражыла...

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Конечно, хотелось мне шить такое, чтобы платье с вышивкой как. Я то давно, в 1982 году наверно, начала. Увидела в журнале мод, советском, цветная, там такие сарафаны были шикарные. Не знаю, кто автор был там. Я одну сделала и вот где-то она у меня лежит. Типа кокетка. Думаю, тоже можно, что-то попробовать сделать. Конечно, хотелось там, мне очень нравится, хотя как будто сейчас вышиванки эти все. Очень нравится мне. Я когда приехала в Минск и увидела то, что мне понравилось. Цены там астрономические. 4800 рублей за сарафан - это нереально. Какой можно сшить самой. Пока что, не делала, но хотелось. Ткань есть, нужно заняться как-то. Ну а так, то сделаешь набор: скатерть, салфетки с вышивкой... С подарками проблем нет (*смеётся*). Так много всего, что не знаю куда деть. Дарю налево и направо. Я одних платков навязала 11 штук красивых. Целая коллекция платков. Целая коллекция детских шапочек, вязанных крючком. Воротники есть. Салфеток у меня... ехали за границу. В качестве подарков в Швейцарию, по-моему, вышивки мои в Австралии есть, отвозили в подарок. У меня там и покупали и всё, а то они когда у меня лежат, лежат, то надоедают уже (*смеётся*). Бога ради, только заберите. Сумки, вот сейчас джинсовые, джинсовых сумок сейчас очень много. Сейчас вот плед делаю из пальто. Мне дали 6 кашемировых пальто и я их распорол. Вот хочу ещё пляжное платье, где загорать еще, сделать. Джинсы очень интересные вещи. Себе беретку сделала. Если б я знала, что её столько делать надо, я бы никогда не делала (*смеётся*). Я две недели делала, я выкройку сделала, сшила всё вот это, вот это, вот это всё, вытаскиваю ниточки, я думаю. Вся квартира была в этих ниточках (*смеётся*). Ну, красиво получается, а так...

Я не прошла по конкурсу. Я поступала в Питерский... на швейное дело. Дочка у меня кончила это. Но это не её. Я сказала, что это моя несбывшаяся мечта, но, да, это не её. Хотя она всё умеет. Единственное, это я рисовать не умела. Ну как, я раньше-то рисовала. Дочка тоже рисовала. Думаю, нужно было отправить её закончить художку, чем в музыкальную. А она пошла в музыкальную, ну сама выбрала. Конечно, это очень

интересно, мне нравится это. Я бы с удовольствием работала бы швеей. Даже когда мы тут все вместе собирались на площади, так интересно это всё было.

Делала я мастер-классы. Я две группы выпустила здесь, в Поставах. Вела кружки в Доме пионеров, приходили мамы с детьми. А сейчас джинсами занимаюсь, брошки мы делаем в стиле бохо. У меня дочка, когда училась в университете - так 5 лет вся комната ходила в моих тапочках, я делала всем девочкам, из драпа. Я сюда привезла эти тапочки. Как раз был развал Советского Союза, военные все из города ушли, все шинели остались и я давала всем выкройки. Делали поголовно все, только выкройки спрашивали. Это было в 1993 году. Расформировались все эти полки и ушли. А я приехала и начала эти тапки делать, всем тоже захотелось. Тут все-все-все такие делали. И наш городок, и шестой городок, и Юбилейный.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954 г. н.

* * *

Так же, например, костюмы – сочетаю несочетаемое. То, что не принято у нас в традиционном стиле. Я делаю куклы, это авангард, почти все стоят на выставке. То есть, не просто соломоплетение, как вы привыкли видеть соломенную куклу – это всё должно быть из соломки. У меня тут присутствуют и вышивка и ткачество, вот эти юбки ткутся на станке. Вот бычка видели, вот мы ездим в Витебск, и люди всё время говорят: «Конь! Соломенный конь!». Ну а какой же это конь, если у него есть рога? Он не сделан, как принято соломенный, он сделан с добавлением льна, также там крашеная соломка, такое нетрадиционное. Вот бык из соломы. Всем нравится его обнять, поцеловать. Я говорю: «Каб Сцёпе дагадзіць, трэба грошык палажыць. За вушкам часаць можна, будзеш жыць заможна. Падзяржыся за рогі – уйдучь ворагі з дарогі. За хвост пакруціш – дзела замуціш. Як пачэшаш за бачок – то здароўе даст бычок». Пришлось самой сочинить. А это лебедь Иннокентий. У него ноги сломались. В связи с поездкой на машине иногда происходят всякие казусы. Ещё в школе я занималась соломоплетением. Я уже больше 20 лет занимаюсь этим. Оно входит не только в НКС, но и в наследие ЮНЕСКО. Мои работы у меня были, когда я поступала, я уже там распределилась. Соломой ещё в школе занималась с шестого класса, я вела авангардный кружок со своим руководителем. Мы делали костюмы, выступали здесь. Поэтому мне было интересно, и я решила поступать на такой вот интересный факультет. Там я уже больше освоила ткачество, лоскуты, и там было распределение. Я уже не пошла по соломе, а пошла по народному костюму и лоскуту. Когда я заканчивала, мне предлагали, так как я староста, в Червень идти. Судьба распорядилась так, что появился муж. И он с Постава тоже и предложил поехать домой. Здесь, пока осваивалась, я работала в лагере с детьми старшим воспитателем летом. А в августе я с детьми сюда пришла, была запланированная экскурсия. Я поняла, что это моё место работы. Пришла, принесла свои работы – так меня взяли. Так я здесь с 2012 года работаю. 12 лет я уже здесь. Если отнять декрет 3 года – 9 лет. Не хочется менять работу, хочется здесь дальше развиваться. Тогда я пришла молодая и не знала, что делать, а сейчас я уже знаю, к чему конкретно идти и что делать надо, от чего зависит моё продвижение и развитие, чем я хочу заниматься. Реконструкции я начала после декрета делать. Наш директор вообще является народным мастером по соломоплетению. Кто-то просто рисует и показывает, как это было. Больше по соломоплетению распространено именно тех предметов, которые использовались в быту. Это винтовое плетение, спиральное, когда корзины делали. А вот такой мелочи, которую и я делаю: разные кубки, ключи музыкальные – люди покупают. Свои задумки интересные я стараюсь на фестиваль принести. Это какие-то корзинки с цветами, музыкальные ключи, кубки. Я до сих пор со своим преподавателем сотрудничаю. Она в образовании, а я в культуре. Мы обмениваемся опытом. То есть, я поступила, и она тоже гордится мной. Мы постоянно друг с другом говорим, обмениваемся информацией. Мы ездим за соломой вместе, заготавливать.

Раньше ездили в колхозы. А сейчас мы вышли на другой уровень. Нам люди сами звонят, просят приезжать, так как у них там есть, а сил нет. Мы берём серпы и сами режем, потому что людская солома, конечно, более красивая и пригодная, и мы можем вовремя её собрать перед дождём, чтобы она приличный цвет имела, не такой темный. Конечно, приятно работать со светлым цветом. Солому же и отбеливают, и красят. Сейчас много кто чем занимается. Сушим, крутим снопы. Это не то, что ты там пришла и веревочкой скрутила. Это настоящим серпом режем, срезаем, складываем, крутим снопы. Опять-таки, это целый процесс, который существует издревле. Потом вывешиваем её, здесь сушим, а потом чистим и уже заготавливаем по коробкам. Каждый ярус можно к чему-то применить. Короткие, из них делают пауки, длинные – это аппликации и плетение, а верхушки – это уже винтовое плетение. Есть определенная система, есть модули, как составлять эти модули. Они бывают разной формы. У нас на Поставщине они были шарообразные. Тут ромбовидные у меня здесь представлены. Это уже более современный паук. Это подвесная конструкция. Всё можно назвать пауком, что находится под потолком, прикреплено к нему, и имеет малейшее сочетание с образом ромбов, крутяшек. На каждом углу есть угол. Это фантазия должна играть. Надо было замачивать соломку, я бы вам показала. Я очень горда, что соломоплетение внесено в нематериальные культурные ценности Беларуси, что я с маленького города. А потом же когда-нибудь книжки напечатают. С каждой области у нас есть книжка. Вот, например, у меня есть «Соломенных дел мастера Витебщины», 2009 год. Я тогда уже была как настоящий мастер. Соломка – белорусское золото. Сколько мастеров – техники разные, и повторить за друг другом невозможно. Я левша, за мной повторить вообще невозможно. Правши, они так не плетут. А левши тоже нет, потому что я и левша, и правша. Я и на правую руку делаю, и на левую. Заболталась, сделала совершенно по-другому, а потом спрашивают, как я так делаю, почему не так виток положен, как надо.

Записана 02. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1989 г. н.

* * *

Это оно стало развиваться в 1980-е годы, ну начала возрождаться опять маляванка. В послевоенное время маляванка тоже была хорошо развита. Люди хотели украсить свой дом, украшали вышиванками, маляванками. Она служила как оберег, буквально на свадьбу маляванку заказывали со стороны невесты. Ближайших мастеров, художников, которые кочевали с деревни в деревню. И вот так за кусок хлеба, ехали, за ночь делали маляванки – дальше пошли. Вот, на нашей территории известный Язэп Драздович. На стёклах рисовали тоже, такая техника тоже была - роспись на стекле. Это было как картины, подкладывали фольгу. Тогда было сейчас на нашем регионе. А тут есть такие работы в том кабинете. А так должны были быть работы на стекле, висят в первом зале, где достопримечательности для льна на стене висели. Конечно, в каждом районе есть мастера. У каждого района есть свои нюансы. Вот мы ближе к Язэпу Дроздовичу. В Минске - к Алёне Киш. В каждой области, наверное, есть свой такой художник, который изображал по-разному, видел это все по-разному. Посмотришь, вроде везде маляванка, но она отличается изображением, обводками, цветовыми решениями. По разному у всех. Каждого мастера можно определить. Ну там, с какого района. Это сложно. А вообще, вот у каждого есть своя рука, своё видение изображения. Отличается, очень отличается. Ну, в маляванке там, например, в середине букет, какие-то птицы, и окаймляется тоже букетной композицией. Ну не знаю, вот букетной такой лентой. А инситное, ну там также можно и природу рисовать. И я не знаю... Вот, меня включили, хотя я профессиональный художник, меня включили, но у меня все такие инситные работы. Трудно сказать, что они маляваны, они инсито. Потому что мне очень в первое время говорили: «Ты профессионально рисуешь? Иди, закрой глаза, делай так, как чувствуешь, будто бы в первый раз кисточку держишь». Как я могу это, если понимаю, чувствую, знаю, что такое

композиция, видение другое? «Я не могу». А в результате: «Добрая работа. Всё, всё». Прошло время и уже по-другому смотрит. А чем он отличается? Это наивом таким, ну, надо непрофессиональным таким взглядом. Вот как видишь, как чувствуешь, ну вот дерево, так это дерево. Ну вот, это дерево, это каждая прорисованная веточка, каждый листик, там речка, вот это бережочек, всё прорисовано-прорисовано. Ну, ну вот вы ж видели наверху там, правда, мало работ, но там одни маляванки. Всё тоже на ткани. Всё тоже обрамляю этими цветами с листиками, но сюжет внутри такой инситный, хотя, может быть и без цветов. Вот, без камьи тоже инсита. Вот, в Витебске сейчас выставка проходила тоже инситных художников. Так я смотрела, что там, просто непрофессиональные художники, они все инситные. Такое инситное мастацтва. Все, кто взял кисточку и рисует вроде красиво... Для первой работы я делала громадные, я думала: «Всё, я ас». Когда ехала в Витебск на первый конкурс, уже звезда горела. Сказали: непрофессионально. Обломали, мне не хотелось даже идти делать. Потом начала смотреть книги других мастеров, как я, - что они делают. Как мне прийти к этому, чтобы маляванку делать? Начала стилизовать всё. Если архитектура – можно застилизовать её, если птица – тоже. Но у меня все равно работы живописные. От этого не уйти, так как я люблю живопись. Мне всё в цвете надо, мне всё ярко, мне всего много надо. Ну вот такая у меня характерная особенность. Стил мой уже работы знали. Не люблю пустоты, мне надо всё заполнить. Какая тема, так и заполняю. Тема военная – значит, такими деталями. Если природа – значит, такой растительностью. Смотря, что для чего характерно. Если это тема «журавли», «журавлиный клик» - значит, это клюква, журавли и болотные какие-то растения будут идти. Там колорит уже выбираешь тоже. Раз это осень, значит, осенняя такая тематика, жёлтый, бежевый; там другого ничего не может. И делаешь. Работа идёт от души. Работа не получится, если ты не будешь любить. Люблю эту работу, поэтому сижу здесь с 2000 года.

Я думаю, что это людям нравится. Я думаю, не исчезнет. Всё равно кто-то найдётся, продолжатель нашего искусства. Кто-то будет это делать. Я думаю, что это всё живое от людей исходит все душевно. Я думаю, не исчезнет, никогда не исчезло. Тогда не исчезло и сейчас тоже. Даже в современном мире это можно использовать в агроусадебках. Можно оформлять кафе в таком стиле и как будто кто-то мне говорил, что в Минске есть в таком стиле тоже кафе, в народном оформлении. Думаю, не исчезнет, будет, это всё будет жить. Как оно исчезнет, и как если мы исчезнем? Оно только возродилось, только начало, это только вот началось заново возрождаться. Технику я смотрела больше от Язэпа Дроздовича, немножко вот так. У нас тоже тут авторы неизвестные: ничего не подписано. В музее тоже есть работы. Так тоже подсматривала сюжеты. Я лично всё своё, уже через меня будут другие делать работы. У меня своё, я немножко всё по-другому вижу, и всё равно я делаю, как я это хочу. Я посмотрю что-то, могу взять только это окропление; всё остальное всё равно у меня своё.

Да, у каждого свой стиль, у каждого под свой район. Может, они находили какие-то работы других мастеров, но в основном они неизвестные. Только Дроздович известный и только его работы подписаны. Остальные неизвестные ходили эти люди из деревни в деревню. Вот я читала, что за кусок хлеба, за ночлег нарисуют, дадут там покушать. Он дальше пошёл, нарисовал. Такие работы у нас тоже есть в музее. Есть они, все авторы неизвестные. Я хочу эти музейные работы повторить. Они все такие простые, наивные, такие, но их надо повторять, потому что они уже в плохом виде, рвутся. Краска уже крепится, потому что гуашью, видно, рисовали, а сейчас же уже другие технологии можно использовать. Акрил получше.

Как и морально, и материально, во всех планах нужно поддерживать со всех сторон нужно. Вот, всё сказано: и морально, и материально, потому что без этого мы тоже не осилим, все сами мы можем творить, но это же всё и денег стоит. И поездки денег стоят, и выставки тоже. Нужно помогать сделать выставку достойную, хорошую. Это надо не один год. Надо поработать. Я над одной работой около месяца работаю. Чтобы эскиз

нарисовать, надо неделю. Вот, а потом это надо вырезать. Ну это, это уже все это уже техника, уже там все попроще, но все равно самое сложное - это придумать, что ты хочешь сделать, чтоб это было. А как сюжет придумывается: вот с головы. Думаю, долго хожу и думаю, дома, думаю, ночью, думаю, и рождается эскиз. Ну как-то само вот закручивается, закручивается по теме. Смотрю литературу, потом подсматриваю, но все равно это от души, любимое дело. Этим всё сказано.

У нас художники вели, ещё в моё время профессиональное. С театрального, этой академии художеств, с Минска, у нас не вели. У нас основное - это было живопись, композиция, рисунок, основы. Да, основа... Таких дополнительных ничего не было. Сейчас же вроде бы переименовали, стали больше декоративности учить, но я думаю, что маляванкой не занимаются. У нас в основном, это в домах ремёсел, вот как методический центр в Витебске. Вот это открыл и как начали открываться дома ремёсел. Вот тогда всё народное творчество стало развиваться.

Записана 02. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1974 г. н.

* * *

Я керамист и занимаюсь керамикой. Пришла я на эту работу в 2008 году, но сначала я понемногу занималась соломкой, именно аппликацией, так как не было ещё места для керамиста. Потом я ушла в декретный, а уже после первого декрета начала заниматься именно керамикой. Училась в ВитГТК в Витебске на эту профессию. Как-то так сошлось, бабушка посоветовала, сказала, что творческая работа, интересная, давай попробуем. Ну, я и попробовала, поступила и сейчас, слава Богу, место есть для керамиста. Моя бабушка занималась соломкой – тоже делала аппликации инсито. И меня тоже учила: как инкрустацию делать, как соломку чистить. Я училась, мне было интересно, но хотелось своим делом заниматься. Только после декретного мне дали место керамиста, а здесь я занимаюсь лепкой, мелкой пластикой, с детьми я работаю, участвую в конкурсах, которые нам предоставляются. Бабушка изначально работала в культуре, но она была немножко по другому направлению. Она была организатором праздников, потом уже здесь, в доме ремёсел, тоже организатором была, а как уже ушла на пенсию, ей предложили такую работу, и она попробовала себя в творчестве, а я смотрела и думала: «Надо же, как можно было не связывать свою жизнь с этим, а потом на пенсии начать заниматься творчеством». Мне стало интересно.

Глину мы закупаем в Витебске на заводе большими мешками в порошковом виде, а потом уже, когда её привозят, я её замачиваю на неделю, полторы в тазу, потом она намокает, потом я её процеживаю через обычные чулки и выкладываю на гипсовую форму, она подсыхает, потом переминать её нужно и использовать уже для лепки. Раньше копали, до меня, мне повезло, когда я уже стала глиной заниматься, мы стали покупать. А было время, когда другой керамист ездил, машину выделяли, завхоз помогал, директор помогал. Они знали, где места какие-то, тянули потом эти мешки, прям пласты. Но я даже могу сказать, на тот момент, ту глину, которую они привозили она может где-то была и лучше. Они именно знали места, где, по-моему, когда-то был старый кирпичный завод. И там она жирная, яркого цвета. Та глина, которой я работаю, она не совсем качественная, в ней много песка, она пресная. За неимением другого мы лепим из чего есть. Сами не добываем уже. Глина абсолютно разной бывает, она может быть и намного лучшего качества, и цвет другой, по консинстенции такая прям жирненькая, её трогаешь и приятненько. У меня не совсем она такая, её нужно по-хорошему через один колготок, потому что детки идут, всё время глина нужна, какие-то сувениры, куда-то чего-то. Глины расходуется очень много, как бы побыстрее, через один раз процедила, выложила. Но когда её переминаешь, чувствуются песчинки, какой-то маленький камушек. Вот, если я работу слепила и он где-то затерялся, из-за этого камушка изделие может разорвать в печи, только из-за этого маленького. Поэтому да, глина имеет значение.

Главное - усидчивость и настроение. Каждый раз, когда делаешь свисток, а нас не учили их делать. А если нет настроения, я могу и второй. Я сначала могла её бросить, скомкать и: «Всё-всё, это не моё!» Потом я поняла, что если я начинаю закипать, я её отложила, в пакетик закрыла, на следующий день появилось настроение... Ну и секрет – это хорошее настроение. Потому что творчество не может быть с плохим настроением. Если ты приходишь без настроения, то лучше такой работой заняться: глину процедить, фигурки протереть, переставить игрушечки. Но с детьми, плохое или хорошее, понятно, что нужно. Они поднимают настроение. Я детей люблю очень, мне всегда хорошо. Я, как и дети, они лепят и прямо влюбляются. Для меня теперь все любимые. Я могу какое-то животное делать и прямо говорю: «Ой, ты мой хороший». Он как ребёнок. Я его сотворила, поэтому игрушки у меня все любимые. Нет прямо такого, чтобы я выделила. Я не очень люблю заниматься пано, но приходится, потому что нужно то в конкурсе поучаствовать, либо это массовая сувенирка, подарки гостям, то тогда да, а в принципе люблю пластику, лепку, формы животных люблю. Гончарки, к сожалению, у нас нет (я училась на гончара). Пока что круг у нас рабочий, поэтому приходится... Если горшочек, то очень долго, нужно ровно его сделать, вымыть его, обратно подлепить. Это сложнее, но надеюсь, что в ближайшее время появится, нам обещают. Появится, по крайней мере нам обещают, потому что дети очень хотят. Ну и печь у нас небольшая.

В принципе, на данный момент это для меня работа, хочу не хочу, занимаюсь. Знаю семьи, которые соблюдают традиции: кто-то бабушка, дедушка занимался, очень интересуются. А для меня это любимая работа, самое главное. Я несу это в общество, пытаюсь деткам объяснить, что это интересно, это же не просто фигурка, которую можно поставить. Мы же пытаемся делать какую-то маленькую посуду. Мама приходит и говорит: «Ой, мы так рады, мы чайные пакетики туда складываем, золото, колечки. Очень нравится». От этого есть какая-то польза, не просто удовольствие. Несёт какую-то функцию наша работа.

У нас есть такое, особенно, когда мы участвуем в конкурсах, там нужно традиционное. Я могу привезти фигурки красивых котиков, но оно не подходит для конкурса. Оно хорошо в продаже, оно нравится детям, туристам, купить сувенир. Но мы должны, в первую очередь, нести традицию. Традиция - это свистульки, традиционные формы: птички, коники. Не слон, для нас не характерно. Очень важно, у нас делят. На продажу, на сувениры я могу и слонов, и котов, и верблюдов лепить и это хорошо, замечательно расходуется. Но что касается работы конкретно по конкурсам, по оцениванию мастера, то это должна быть традиция.

Я могу лепить и несколько дней, если форма тяжёлая, я просто накрываю пакетиком, чтобы она не пересыхала. На следующий день прихожу, дорабатываю, вот я уже поняла, что она готова, замята, всё уже в ней хорошо, как мне нравится. Она сохнет, от толщины зависит изделия - насколько оно большое. Вот плоские, они сохнут день-два, два, наверное. Особенно у нас здесь влажно в здании. Если какая-то фигурка - то и неделя. Если я вдруг не досушила и засунула в печку, она разорвётся, и это тоже печальный момент. Иной раз к чему-то готовишься и вот лепишь, и потом всё, осталось два дня, нужно куда-то ехать, поспешить, поставить в печь. И „Бах”, я всегда прислушиваюсь, когда печь у меня включена, хоть бы только не лопнуло. Ну вот, оно высохло всё, я уже посмотрела, что окончательно можно ставить в печь. Я загружаю, включаю, оно обжигается где-то час, потом выключаю, остывает, достаю, ну и смотрю на результат. Иногда может какая-то часть отвалиться, какие-то игрушки можно отреставрировать, подклеить. Какие-то уже всё, нельзя. Частенько всё хорошо, всё выходит отлично.

Но опять же, мы ещё подстраиваемся под праздники, вот, например, на Пасху мы курочку с яичком лепим. На Новый год - ёлочки, варежки, гномиков. К праздникам да, мы подстраиваемся, 8 марта - цветочки мамам, чтобы потом принести домой и вот, к празднику мы сделали, приготовились, слепили и принесли, подарили. Оно иногда просто от настроения, мы приходим, садимся заниматься и я говорю: «Так, у меня есть

предложения»! Мы пишем журнал, у меня есть план, но иной раз дети хотят отвлечься: «А давайте мы сделаем другое»! А я говорю: «Давайте, что вы там хотите»! Иногда не сходимся во мнениях, мальчишки хотят одно, девочки другое, но как-то договариваемся. Главное, чтобы им нравилось, понятно, что я к этому подстраиваюсь.

Вазы я не леплю, опять же, у нас такая проблема, районы приезжают, выставляют свои работы, у них огромные напольные горшки, у нас очень маленькая печь и то есть я даже никак, если я и сделаю, опять же это гончарка нужна, но можно вручную с помощью пластов как-то что-то сделать форму, но это высохнет и не более того. Оно будет хрупкое, я не смогу обжечь, так как маленькая печь. В основном делаем такие маленькие поделки, работы, сувенирку. Иной раз, если нужно что-то побольше, начинаешь думать головой, так, нужно там отдельно сделать такую-то часть, такую... Я обжигаю, потом пытаюсь это всё склеить, чтобы что-то вышло чуть побольше. К сожалению да, всё зависит от печи, потому что то, что не обожжено, оно очень хрупкое, оно разваливается, а если водичку капнуть, то оно размокнет. А после обжига оно рыжего цвета, крепкое, конечно, можно легко разбить, просто как мы чашки разбиваем, как тарелки дома, также керамику легко разбить.

Записана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1989 г. н.

* * *

Я учился в... Есть такой, в Минске был, раньше назывался «Институт механизации сельского хозяйства». БНТУ сейчас, наверное, называется. И я зашёл как-то в магазин, я не помню, как, сувенирная лавка, или «Купалинка» он назывался, или что-то такое, и увидел шкатулочку такую резную с трёхгранно-выемчатой резьбой — зацепила. Приехал, я в сельхозтехнике работал только - основная работа была, сделал ножичек себе. Попробовал — понравилось. И пошло-пошло. Ну а потом развал, туда-сюда, появилась востребованность во всём этом. Если раньше не было, потом появилась. Как-то так вот. Костел Падуанского видели? Большая икона стоит. Вот это моя работа. С левой стороны, высоко-высоко, там 3 метра рама. В Камаях, вот орган там вот эти вот, как я называю, уши, оздобление это, розетки, вот это тоже было, делал-делал. В Воропаево в костёле вот переднее вот это всё, что сделано, тоже это моя работа. Это если из больших. Ну а так игрушки, всякое-всякое-всякое такое. Вот интересно мне было, я ковши резал сначала, вот такие *(показывает фотографию)* это в Мирском замке на конкурсе были. Возьмёте, если хотите, фотокарточки, там есть. Ну Сахута, слышали имя такое? Он говорил: «Гэта ўсё расейскае, братка ты мой, ёсць твой твар, цябе можна паклікаць, але гэта ўсё расейскае». Вот белорусское немножко по-другому смотрится. Вот это мне был интерес. Дело в том, что, я же знаю оттуда же, где-то по кускам хватал, в белорусской нет оздобления этого, оно чисто утилитарное, простое было, а российское уже, русское, кудринскую резьбу уже взять, там уже вот... Со всяким этими делами, то есть очень богатая. Хотя, если опять же, почитаете источники старые, то мы узнаем, что Москва сделана белорусскими мастерами при всём при том. Но здесь она востребована не была до такой степени, вот то же самое, что и сейчас получается.

Я могу только догадываться, потому что, если брать народную резьбу нашу, наши чашки, ложки и это самое, то нашему белорусскому крестьянину главное было из чего поесть, а насколько оно красивое, это второстепенное. Я так понимаю, что вперёд выносилось чисто утилитарное дело. Ну мне так кажется, я может и не прав.

А нет их, нет такого чёткого деления: белорусское, российское. Есть вот такие треугольнички, что режут, трёхгранно-выемчатая резьба, она как и в России, как и у нас, и за рубежом она везде-везде-везде и везде одинаковая. А ещё на Беларуси были лиштвы, окна оздобляли, прорезная резьба, что там, что там она, в принципе, везде одинаковая. Только что такие, как эти самые, Кудринка, но это российская резьба, но у нас она как-то

так... Хотя сейчас, хотя, очень тяжело сказать где оно чьё, потому что и белорусские мастера режут всё-всё-всё, как получается – так и режем.

В своё время, когда занимался я, начал заниматься резьбой, карнизы резал. Ну приходит человек и я говорю: «Братка ты мой, давай я тебе дам резец, покажу, тебе же интересно, и будешь потом хвастаться, что ты сам вырезал». Человека хватает на 15 минут. А потом говорят: «Я тебе лучше денег дам, ты мне вырежешь». Работа... вот видите, вот у меня порезано, вот, пальца нет (*показывает руку*), вот порезано, то есть она такая работа: на ней много не заработаешь, а труда очень много. А сейчас же время такое у нас, ну это опять же, моя точка зрения, там подешевле купил, сюда привёз, продал, стало в кармане побольше денег. А здесь немножко-немножко-немножко не это самое. Что касается какая резьба: резчиков нет, все мои знакомые друзья, вот один, он резчик замечательный, я то самоучка, самопальщик, а он учился, именно специализации резьбы по дереву было. Работы шикарнейшие у него. Но он ушёл, ушёл он и собирает мебель, то есть человек зарабатывает деньги. Человек где-то что-то делает под заказ, но это крайне редко, потому что не это самое... И уже, опять же, не мудруствуя лукаво, очень тяжело конкурировать с ЧПУ. В 1990-е года найти книжечку, Матвеева, помню такая брошюрочка была в библиотеке, одна книжечка. Это вот было моё начало. Всё, больше практически нельзя, невозможно было найти никакой литературы по резьбе по дереву, потом стало проще, а потом мне повезло, у меня друзья вот, опять же, резали, рисовали, учились где-то, вот говорю, Худграф ребята закончили, ну вот у них уже с ними где-то общаешься, туда-сюда из рук в руки так. А старшего поколения, как такового, и не было у меня. А вот потом уже, когда появился интернет, когда сейчас, как я говорю: «Открывай интернет, бери» и тебе рассказали, как держать, как точить, где взять что. Инструмента речичкого ж абсолютно никакого не было. Я помню лобзик, но это не речичкий, это скорее столярный. Лобзика найти нельзя было, то есть вот так вот пилили это всё в 1990-е года. Вот так и учились. Инструмент есть электрический, есть ручной инструмент. Электрический это электрорубанок, лобзик, циркулярка, то есть то, что большие объёмы. Сейчас фрезерные станки ручные появились, но они уже лет 20 мне назад привозили, но они из Германии правда привозили фрезерный станок. То есть чем. А то, что касается вот такой резьбы (*показывает деревянную ложку*), то здесь всё ручное с намёточкой. Долото, клюкарза. Клюкарза – это кривая такая стамесочка, нож с косячок, такой вот, как флажок.

Вот проходят, значит, фестивали разные. Вот у нас, например, на Поставщине есть “Звонят цимбалы и гармоник”, вот, и значит, всегда с удовольствием ремесленные дела, приходите. И вот, вы как-нибудь пройдите и посмотрите, сколько лежит китайского товара и сколько есть товара... Вот на нашем этом, “Славянском базаре”, был я и был человек из Воропаево, ну у него эти северные игрушки: палки, коники, вот, 2 человека, всё... Не, ну может где-то, что-то втихаря для себя и делают... Я просто не знаю. Я говорю про то, насколько это востребовано. Труд не очень простой - раз, труд физически сложный, труд затратный, опять же, вложиться в него надо, и отдачи... И отдачи сказать... Большой... Я опять же, не подумайте, что я такой меркантильный, просто я говорю так как есть... Понимаете, то есть, ну, вот как-то так. Ну, ещё хорошо, что есть Дом ремёсел, есть где так сказать, встретиться, поговорить, это самое. А так... Ну, понимаете, значит, я опять же за себя скажу, в 1990-е годы, когда развал был, знаете, что у нас кроме вот такой вот мебели (*стучит по столу*), практически нечего не было. Появилась востребованность: в полочках там, в геридонах там, туда, то есть появилась потребность. То же самое, что касается того же церкви, тоже реставрацией заниматься нужно было. На данном этапе, даже я говорю, что касается именно ручной работы, я не могу конкурировать с ЧПУ, он вырежет панно за 15 минут, а мне надо 2 недели с ним сидеть.

Я не могу делать, например, 25 одинаковых изделий, то есть мне интересно 1, 2, 3 сделать, а потом мне уже не интересно... Мне хочется вот что-то... Хотя, опять же, возвращаясь, тоже с экономической точки зрения - это абсолютно неправильно, вот. А потом, есть такая техника, «декупаж» называется, вот, и я в своё время, ну это уже лет 10

назад, то есть я перешёл на деревянные заготовочки делать декупажные. Ну вот, вот, вот как-то так... А резьба вообще, она интересна, мне во всяком случае интересно. Как я говорю, если было бы мне не интересно, я бы этим не занимался, я бы занимался чем-нибудь другим...

Моё увлечение началось с похода в магазин, в сувенирную лавку. Значит, я увидел, зацепило меня, сделал косяк - ножик такой, сапожный ножик такой, вот. Благо, что друг у меня кузнец наш, поставский. Вот, товарищ мой, с детства дружим, только он кузнец. И я вырезал сначала. Почти анекдотичная ситуация. Вот вырез, нашёл от ящика доску, ну постругал как мог, вырезал там геометричку, самое простенькое, ну что я на тот момент мог. Принёс на работу, а у нас там начальник, ещё хорошо кто в руководстве стоит, вот был, творческий человек, начальник мой. И говорю: "Петрович, ну как?" Говорит: "Ну, хорошо, не хуже чем магазинное!" И у меня такое чувство гордости, сейчас мне стыдно, магазинное - это ж две больших разницы, понимаете, когда, вот... Сейчас бы я это, ну, в худшем случае за оскорбление посчитал, понимаете? А на тот момент мне... Вот с чего у меня началось, досочка, а потом, ну что, ну пришли люди, ну, опять же, я говорю... Вы же не помните, а я помню, в магазинах особо ничего не было, то есть как-то вот так. И людям нужно было это, нужно было это, и оно одно за другое, то есть где-то столярка с резьбой... Вот как-то так получалось...

Я могу сказать, что работ моих, не хвалюсь, просто констатация, не только в Беларуси, но их хватает не только в ближнем, но и в дальнем зарубежье. Но, это, опять же... У меня товарищ, он постоянно ездил в Германию на заработки ещё в те времена. И он ехал туда, приезжал оттуда, заказывал мне партию игрушек: коники я ему резал, ну вот, детям сувениры там. Кто там, с кем он работал...

Если честно сказать, опять же, где-то в интернете подсмотришь, где-то заказчик меня озадачит чем-то. А бывает, опять же, это не шутка, вот надо как-то вот что-то вот такое вот... И не знаю как сделать! И вот ходишь, оно неделю может в голове: крутится, крутится, крутится, крутится.... Потом спишь... Как тому Менделееву, хотя мне до него очень-очень далеко! Раз - и решение! Ну, то есть, как наш мозг работает: там же, в этой мусорке нашей, там же ничего не пропадает, там оно... Может у кого-то разложено, а у кого-то просто в куче свалено, ну, вот, оно есть. И вот, когда человек спит, а задача есть - вот там это, кто-то сидит там, таракан очередной и эту кучу перебирает... И потом - раз и вытянет новую идею, которая была затеряна. Потому что всё новое - это, сами знаете, всё хорошо забытое старое...

Любимый момент, ну, вот, например, как эта курица. Вот берется бревно, и вот сидишь сначала теслом, топором, стамесками, вот тут мозолей понатираешь (*показывает на руки*) - и когда результат получился, и результат получился, что он меня удовлетворяет - вот! Вот это получаешь тогда удовлетворение, это да! Или, иногда что-то здесь крутится (*показывает на голову*), ну, понимаете, на бумаге оно выглядит так, а в дереве, в материале, оно совсем по-другому. Оно может состыковаться, а может не состыковаться. И, когда, делаешь, но конечный результат, ну я приблизительно представляю, что должно получиться, а потом - раз, и оно вышло лучше, чем я думал! Вот это, во это, вот это - да! Удовлетворение! Это по честному, вот здесь да, да, да! То есть когда делаешь - получается и сделал и самому нравится, хоть не так часто это бывает, тогда получаешь вот удовольствие!

Ну, например, вот осина, она лечит. Вы же знаете что осина лечит? А в бане, например, осину, хоть она и не гниёт, но не рекомендуется обшивать стены, потому что она всю энергетику забирает. Сначала она заберёт... Опять же, это забавоны, можно верить, можно нет, это не факт. То есть она заберёт от тебя сначала отрицательную энергетику, а потом она заберет от тебя всё, что только можно забрать. И ты, выйдя из бани, не будешь чувствовать себя на крыльях, а будешь очень-очень так, усталым, тяжело. Это вот что касается... То что дуб, вы знаете, что дуб считался царь зверей, царь растений. Вот, люди ходили, специально обнимали дуб, с ним разговаривали и получали какие-то...

Но это я уже отвлёкся от резьбы. То есть вот, есть тоже, очень, очень много таких нюансов. И когда с человеком говоришь, начинаешь с ним разговаривать, то... Может вы слышали, может нет, чтоб не соврать, что резные работы, именно резные... Когда она не плоская, а объёмная, то она... Идёт преломление пространства, несёт положительную энергетику, то есть именно резное, объёмное. Есть такая теория, не знаю, не проверял, но как-то, как-то так. Очень много, вообще, если вдаваться в тонкости. Ну, и согласитесь, что гораздо интереснее, когда резной буфет стоит, ну вот взять XVII-XVIII век, понимаете, и вот (*стучит по столу*) клейные опилки. Разница чувствуется? Опять же, по поводу, вы говорите, спрашивает кто или не спрашивает. Вот, видно по человеку. Вот, приходит человек... Я другой раз, нравится, ну денег у человека нет - отдам просто так. Почему: вот он пришёл и стоит всё в сторонке и смотрит, смотрит. Я говорю: "Возьмите, потрогайте что-нибудь. Вот того же кота или ангела". И вот человек взял и он его вот так вот (*показывает как обнимает*), это я не вру, это не шутка... Понимаете, видно, что человеку это близко, тепло, вот так... Нравится, да. Ну, я не могу: «Возьми так!» Вот, а кто-то придёт и спросит: "А что это?" Вот опять же, картинка такая на цимбалах, женщина какая-то, почему запомнилась: ну там же ремесленники стоят же рядом, неважно резьба это или гончарка или ещё что-то... Ну вот, если я режу ангелов, то уже здесь как-то так, всё равно как бы там не было, но рукокрылые - это рукокрылые, то есть я его не ассоциирую с авраамическими религиями, он у меня свой. Куклу Панку, например, слышали такое, но тоже её, взять кусок деревяшки, и просто его обстругать, чтобы заработать деньги, она у вас и останется на всю жизнь. А если, я не знаю как это работает, я затрудняюсь сказать, я же не эзотерик. Но если вот делаешь, относишься, кукла Панка она, хотя вы знаете, что кукол, как правило, без лиц делают. Вот, относишься как к чему-то живому, ну так немного такая отдача немного другая. Это вот что касается сакрального. Ну а так, то особо нет. Самая первая работа у меня - это кошку я делал. Взял яблоню сухую, дерево очень твёрдое, инструмента у меня было близко к нулю. То есть никакого не было, был перочинный нож, грубо говоря. И я эту кошку вырезал, она трошу нязграбная, но сделал. Этой кошке уже, наверное, 30 с лишним лет. И вот что самое интересное, ну по эстетическим она может где-то можно найти, но когда где-то на ярмарки беру её,ставляю, за неё, за первую хватаются, хотят. Я говорю: "Ребят, эта кошка не продаётся." Хотя по эстетике, по всем этим, она где-то в чём-то проигрывает тем работам, которые я делаю сейчас, но хватаются почему-то именно за неё. Такие вот дела... Вообще, когда человек работает руками, оно, для меня это значимо. Я не хочу о всей молодёжи сказать, но есть такая тенденция, что проблематично. Поэтому всё идет оттуда надо ещё. Очень тяжело, вот вы говорите развивать народное творчество, ремёсла. Тяжело человеку, если он не впитал это, то есть он не видел полотенца, которые вышила бабушка, которые в семье хранятся. Или, я до сих пор, мой отец шофёром работал, у него было, до сих пор хранится, он очень гордился. Он воевал, у него была ложка и вилка, серебряные, ну не серебряные, а мельхиоровые, но для него это было, вот эта ложка и вилка раритетом. И если приезжали кто-то, самому дорогому гостю он всегда обязательно говорил вот это. Понимаете, то есть, сейчас у меня эта вилка и ложка, они уже, мельхиор этот стёрся, основу видно, но оно хранится. Так вот, если бы в семье, опять же, у ребёнка было вот эта деревянная ложка, вот это её дед или прадед ещё твой сделал, понимаете? Вот тогда человек бы, даже этот маленький мальчик, повзрослев, видел бы, что насколько это ценно, насколько это хорошо, что это хранимо в семье, тогда другое дело. Но это с моей точки зрения, я не знаю насколько это верно, насколько это не верно.

А, если для резьбы, для вот, для фигурок и еще там что-то – липа, она более пластичная, мягкая, хорошо режется. Осина – хорошо, но осина колкая, то есть, если где-то что-то не так, чуть подвернул, и она... Спички почему из осины делают, потому что она колетса хорошо, ровненько хорошо колетса. А, липа, она вот, выкрутится, как... Это, если табуретка какая, ну, береза – хорошо. Ну, я не говорю уже об дорогих материалах, то есть дуб, ясень, ну, это мебель в основном, то есть, для резьбы сильно за жирно будет, вот.

Береза, ольха мне очень нравится. Ольху называют, кстати, «красное дерево» наше. «Красное дерево», оно само по себе, и тонировать не надо, замечательная ольха. Вот, вот липа, ольха, осина. Если... Брошюровка, знаете, что такое брошюровка или нет? Искусственное старение, вот. То, тогда елка хвойная нужна, елка или сосна, то есть, щеткой выдираются слои, и оно получается на, вроде как, под старину. Хотя, какая это старина? Я иногда тоже так спорю с коллегами, говорю: «Ребята, ну, если ты сделал, – я же сам тоже такое делаю, ну, просят, значит надо». То есть, табуретку неуклюжую вот такую, такую вот, вот, выдранную, под старину называется. То есть, если вы сделали это под старину, я говорю: «Ты повтори буфет XVII века. О, это будет под старину. Да. Это будет новодел, но сколько ты кайфа получишь, сколько там эмоций будет, пока сделаешь что-нибудь, вот такую работу. От...». Опять же расскажу, ездили, когда, ну, на «Славянский базар», вот, и идешь же, ну, с мастерами, интересно же посмотреть, кто что. И я, опять же, за себя только могу говорить, и вот идешь, особенно ребята, которые с образованием, худграф кончившие, то есть, там работы профессиональные. Мои же работы любительские, хорошие, любили, как я говорю, очень хорошая художественная самодеятельность, вот, но это не профессиональная работа. И, вот, я смотрю там и становится так грустно и обидно: «Куда я со своим поросычьим носом лезу в эти ряды, ну, что я, ну... Зачем это надо». А потом посмотришь – работа, вроде, и похуже, чем моя, это вообще никуда. И думаешь, а почему бы и нет. Понимаете, вот, так вот, когда делаешь что-нибудь, вот такой проект, ну, как я говорю, опять же, большой, с резьбой, ну, ответственные, как Ряба. Там эмоции, во! Начерпаешься! А, я говорю, от самого, когда не хочется уподобляться, так сказать, этому христианскому Богу, когда он Зямлю сотворил, и сказал: «О, это хорошо» – человек не знал, что делал. Оказывается, хорошо сделал. Так вот, когда сделали, посмотрел: «Да, хорошо, народу нравится», вот тогда получаешь удовлетворение, сам процесс. Где-то что-то не получается – ну расстроился там, это самое, ну, сорвалась стамеска, сколол кусок, ну, ну, что, ну убрал, подклеил, зачистил, посмотрел, исправил и совсем не заметно, хорошо – опять удовлетворение получаешь, то есть, оно, ну, как это, нет однозначного чего-то, как Жванецкий, в свое время говорил: «Вот список ваших вопросов – вот список моих ответов». Каждый раз что-то по-новому, по-другому, пятое, десятое... И, опять же, что касается ручной работы, вот, что котов, что ангелов, ну, они похожи все, ну нет ни одного одинакового, ну, ну... Я даже если физически бы хотел сделать, вот, одинаковых, не, ну, не получится одинаковых, там или хвост чуть загнут будет, или он потоньше будет, или там глаз прищурен будет, у одного больше, ну, вот в этом весь цимус ручной резьбы.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1961г. н.

* * *

Маслянымі краскамі художественнымі рісую. Я-то художнік-декоратор, графік. Только плакатная живопись. В советское время под кабинеты, актовые залы оформительские работы гэтыя, вот. Графік-художнік, шрыфты. А гэта ўсё: живопись, лепка, чаканка, разьба – усё сам. (*Паказвае выразаную з дрэва саву*). Вось сава, ёсць Красная кніга, і там указаны размеры, дліна, там усё. Я там па яе, значыць, здзелаў вот так. Работаю маслам з натуры, па памяці. Там з дзерава, там з гліны леплена, сабрана ўсё ў кучу. Гэты дом, значыць, я адзін усё. Адзін год заліў фундамент, аблажыў, і ўсё. Ніхто ні кірпічы не падаў, ні раствору. Я ўсё сам дзелаў тут. Во і гараж. Дзелаў адзін. Вось гэты мядзедзь, ён с камянёў вылажаны. Штукатурка, провалака, каркас. Ну вот, забор, значыць, гэты я дзелаў, дабіраў камні каб па цвету штоб красівей было. Гэта я абкладываў ўсё, карнізы – гэта я ўсё сам. Рісавал, выразал копіі з іх. Эту хату я адзін аблажыў. Касцёл раманціраваў Дунілаўскі, мрамар лажыл. Ну, і вся гэта работа. У мяне прафесія тэхніческая, строітельная і творческая. Ну гэта, так сказаць, дэкаратыўна-прыкладное іскусство. А живопись, я учілся немножко. Меня от іспалкома адпраўлялі ў Маскву. Там я навывкам дызайна, ну гэта

афарміцельскага плана работа. Я яшчэ чаканкай займаўся пры Савецкім Саюзе. Я афармляў пад кабінеты ўсе, чаканіў вождей, тройку гэту: Карл Маркс, Энгельса, Леніна. Потым геральдыка, гербы. Чаканіў латунь, алюміній і медзь. Ну у мяне яшчэ гэта трохі ёсць. А красак у мяне, як я работаў, у меня засталася многа. Так я беліла дакупліваю, значыць, гэта ўсё. Вось разьба. Гэта мая першая-первая работа. Я нікагда не рэзаў. А гэта партрэт жонкі. Гэта партрэт дачкі. Гэта першая работа па разьбе. Аснаўное не то, калі націнаў, асноўное – чуваць натуру. Желанія мало может быць, толку з гэтага желанія. А тут у мяне, во, яна треснувшей. Во, віно пьюць, разьба. Горны пейзаж тут. Тут найшоў у газеце я, значыць. Старынная, можа сталінская газета, панімаеце. І там заінтэрсавался. В газеце было напісана так: гэта хазяін, гэта жена, дачка і цёшча. Яны, значыць, арэюць, кідаюць картошку. Гэта было ў газеце напечатано, я яе найшоў жоўтую, старую. Фон я дабавіў, яго не было. Дарога, старынная дама, крытыя саломай, журавль. Вот такая кампазіцыя вясной. Вот меня заінцэрасавала.

Я яшчэ пішу, можна прам пісаць маслянымі, звёздочкай, для плакатаў. Я, значыць, у аптэке пакупаю скіпідар. Я тады браў яго цэлымі пачкамі. І тады, значыць, разваджу гэтым масляную краску, но краскі лессіровочные только: ультрамарін, краплак, сажа. Гэта можна для пісьма іспользовать. (*Паказвае наступную карціну*). А вот тут такая кампазіцыя з галавы, граза. Тут пераделывать надо, панімаеце. У башке, па памяці. Ну я ўсё рісую по памяці. Мне захацелася грозу націскаць, што вот яна ў вечар, парыў ветра. Волосы троху тоже падправіць. Вось яна з сабачкам где-то ідзець па дароге домой і гроза. Там яшчэ дзярэўня. Да, значыць, ужас такі. Ну вот такая кампазіцыя па памяці. Нідзе такой нету карціны. Ёсць халсты натуральныя, ёсць холст, што ўматываюць усякія цюкі. Я яго распраўляю, потом клей ПВА і мел разваджу. І тады пакрываю. Потом бялілам. Ну яшчэ можна пакрываць лакам перад пісьмом. (*Паказвае наступную карціну*). Ну вось, гэта тоже такая ерунда, па памяці ўсё. Чыста аўтарскія работы. Вось холст натуральны.

Базавыя, ну, ад работы, ад сюжета. Дапусцім, дзе можа быць больш вясной зелены, восенню краснага болей, зімой – сінега там значыць. (*Паказвае карціну*). А гэта вось волкі ідуць. Там яшчэ козы і дзіч, а яны з лесу. А што ж яшчэ... А, вось яшчэ сюжет дзярэўні. Тоже надо поработать. Тут, значыць, у колодца соседкі сустракаліся, сплетні, последние новости расказываюць. Гэта ўлыбаецца, а гэта нешта такое сур'ёзнае. Ну тут дома, тут тоже надо поработать. Яны як-то, значыць, забор там, ўсё... Куры там ходзяць. Цень адгэтуль падае там троху. Тут надо отразить цень, там, вунь, троху ёсць. Надо, чтобы свет падавал чут. І на лошадь надо. Ну, дзэравенскі сюжет. Вунь, мужык ідзе. А гэта, вось, последнюю новость расказывает, ну тыпу сплетня. Гэта па памяці работа. Што прыдумаў, то. (*Паказвае далей карціны*). Нацюрморт, во, чаепііе. Гэта па памяці. Гэта поле чудес глядзеў. Вада, прянікі, торт там, кое-как цветы саобразілі. Падстаўка, там троху отраженье, прянікі, вода, заварка і тарелочки – вот это нацюрморт. А гэта з натуры партрэт унучкі. Цяпер ужо дачка ўнучку замуж выдаець. Яна вачом работала у Барысаве, онколог она. (*Паказвае наступную карціну*). Гэта з натуры, кот Сіма такі быў. Вот, она держала кота. Цяпер дачка за яе старэй. А ей можа было лет 12. Время, панімаеце што. Еслі прашче работа, то быстрее. Еслі б там под заказ, то работав бы. А тут, получается, калі ёсць время – работаеш, надоело – бросілі. Вот какое дело. Это по-разному. Калі пад заказ, то тады работаеш. Вот, я яшчэ партрэты пад заказ делаю, з фатаграфіі. Бываець яшчэ такое, дзярэўню снесуць, а памяць засталася, на фатаграфіі там жыльё. Вот, значыць, прыносіў мне восстанавіць яго. Там была адна фатаграфія, значыць, дом стаіць і там чалавечак. Ну я яго прыобрёл, потом яны нашлі дзе-то на фатаграфіі голову. Ну я дадзелаў яго. Яны гаварылі, што пахож. Ну вот так вот восстанавліваю. Еслі хочацца ўнукам, ці што там – ну фатаграфія ёсць. А там уже восстанавіць небо живописно. Такіе бываюць случаи. Адзін бацюшка ў царкву, которую сожгли, па архівах, па чертежу восстанавліваў. І я рісавал. Там скажух: “Ах крыльцо было не так”. Там тое, вазіўся з імі тады. Царковь спалілі во время стоянія. Я спытаў: “А что такое стояние?”. Гэта, гаварылі, значыць, было ў царкву ці дзе прадзнік, і там усе ў парах танцавалі, а адна ўзяла ікону Чудотворца Ніколая і з ёй

кружыцца. І яна акамянела. Прыехалі там спецыялісты, глядзець, а гэта было дзела яшчэ пры Хрушчове. Тут дайшло: “Спаліць цэркву, яе закапаць”. Так і ўзялі. Там так і было напісана, у якім годзе было построенно, я надпісь сделаў, калі сажглі. Во время стоянія сожглі цэрковь. Такога не может быць. Такое дзела. Я самавучка. Я только дэкаратыўная гэта. Разьба, чаканка, лепка – ўсё гэта сам, ніхто мяне не вучыў. Жывопісь тожэ. Я вучыўся афарміцелям. Шрыфты ў мяне, пісаніна. Ну, плановая эканоміка, соцбыт, пятацілеткі пад кабінеты, вождей партреты, геральдыка, доска почёта. Вот такая моя работа. А вось гэтаму я ні ў кога не учілся. Вось гэта разьба я первы раз. Гэта вот пры Савецкім Саюзе. Я 15 лет работаў художніком-оформітелем, потом 10, потом 5 ці болей работал по совместительству сторожем, кочегаром і по производству там всякія. Ну і такая допалнительная работа: рекламы, поздравленія. Возера было в аренду, я шчыты дзелаў. Чертежы. Раньше былі маляванкі. А пры Савецкім Саюзе я рісавал строіТЕЛЬНЫМІ краскамі як пападзе. Яна мне сказала выпісаць художественных красок, дала мне гэты каталог. Ну, думаю, сейчас я начну рісавать. Тады пасылаю туду. Ответ – нет в налічії. Тады работаў у заводзе. Я тады ў адзеле кадраў гавару, каб мне выпісалі наравленіе для пріобретенія худматеріалов на производство. Пріхожу в магазін, говорю, что на производстве работаю. Дык там у іх кісці па 10 штук, яны ў іх капейкі стояць. Краскі – какіх хочаш. І я тады красак панабраўся. У меня гэтыя краскі і шчас ёсць. Толькі беліла дакупліваю. А я іх насабіраў гэтых красак – і цяпер ёсць. Многа ў меня было. Яшчэ і кісці тыя ёсць, колонок. Мама маляванкі рабіла, ну тыпу, роспіс ёсць такой – маляванка. На чорным фоне. Яны в Вільню з’ездзілі, краскі покупалі, самі рабілі. І вот яна відокі, як тады звалі, на сцякле ружы, такое... Яна рісавала. Малы я быў тады. Яна з 1924 года. Яна малявала – мяне яшчэ на свеце не было. Яна пры Польшчы ў школу хадзіла. Яна малявала тожэ з детства. Раньше ж было, маляванкі такія: рэчка, гусь які. Ну не жывопісь, маляванкі. Яна з Пруднікаў. Іх во время войны хацелі расстраляць, сажглі, голых выкінулі. Бацька з фронту інвалід. Іх бамбілі, ён ляжаў, мароз – лёгкія застудзіў. Сейчас далі вторую групу, а тады трэцю. Там плячо перабіла яму. Увязалі туга. Пулю зловіш. Дык тых вецеранаў ніхто за людзей не счытаў. У мяне Глубоцкі раён быў, я балеў, мяне бацька забіраў. Там прыходзіць адзін – ног няма, на калодках. Мядалі, гэтае ўсё. А яго міліцыянер за шырку і такой фіць і сказаў, каб той пайшоў. А на двары мароз можа градусаў 20 з чым-та. Бацьку далі 3 групу, яго чуць ветерком хваціць – воспаленіе лёгкіх. Тады была трэцяя група, мо 17 рублей плацілі. Трудно было тады. Ніякіх красак. Пра гэта разговора не было. “Куда ты, – кажуць, – сваім рылам лезешь. У калхоз!”. Хоць бы адзін цюбік прыслалі. Я яшчэ да арміі рісавал, на стекле пісал. Я ж у школе, потом да арміі. Вот сядзіць бацька – я нарісую яго, матку. Партрэт маткі. Почтальёнка прідёт, говоріт, што бы я каталог выпісаў. А не было ў налічії. Тады хацеў паступаць. Мне пріслалі Саветы: “Нам художнікі не нужны, нам нужны тракторісты-механізатары і работнікі сельскаго хозяйства”. І паспорта тогда не давалі. І мне не далі.

Запісана 05. 07. 2024 у в. Жуперкі ад мужчыны 1958 г. н.

СВЯТЫ

Міжнародны фестываль “Звіняць цымбалы і гармонік”

* * *

Рождество, это обязательно, мама моя в церковь ходила, и Пасху. На Новый год мы только в школу костюмы готовили. Там нам всегда подарки давали, мы не покупали, не так, как сейчас детям родители покупают, и Дед Мороз даёт им подарки в школе. В то время нам давали подарки, именно откуда они мы тогда не вникали. Мы никогда ни одной копейки в школу не вкладывали. Мы никогда не приносили на какие-то там ручки, чтоб ремонт в классе сделать. В новую школу мы приходили со своей обувью, переобувались, потому что там всё покрашено, чтобы сохранить, вот. Не писали на партах. Книги мы покупали сами в магазинах. Школьную форму покупали тоже сами. Шестой или седьмой класс, помню в начале года, в феврале, у меня день рождения, и вот, когда принимают в комсомол, я как раз подходила по этому времени. Меня приняли, некоторых девочек наших. Мы уже могли участвовать в вечерах наших встречи с выпускниками, и вообще на школьных вечерах. Очень, всегда у нас часто проводились школьные вечера.

Просто медленный танец, ну и просто танцевали все вместе. Особо, чтоб какой-нибудь вальс, мы этого не учили, но я очень любила этот танец, вальс, и я с детства, ещё когда у нас в детстве проходили в деревне какие-то свадьбы, я малая, пятый класс, шестой, я всегда хотела быть с родителями, и просила отца, чтобы он меня вывел танцевать. Я так хотела танцевать вальс! И польку танцевали тогда ж на этих свадьбах. Я на многих свадьбах хотела быть. 15-20 точно было. У меня братья и много племянниц.

Сейчас, допустим, невесты на свадьбе танцуют, веселятся. В то время этого не было. Невеста такая скромная, такая грустная всегда была. У неё как бы уже меняется жизнь, поэтому это всё переходный период, вот ей так сложно, она вся такая скучная, скажем так. И всегда осуждали, если невеста на свадьбе танцует. Такого не было. Про женихов и речи нет, они там никогда не танцевали особо. Женихи, я даже не знаю, что мой муж делал. Он здесь, а я у себя – в Докшицком районе. Там собиралась свадьба, и у меня. Мы расписывались в Дворчанах, он приезжал за мной. У него свои родственники, у меня свои. Он приезжает за мной, мы едем расписываться. После росписи едем ко мне, гуляем свадьбу, на следующий день приезжали к жениху, и тут я оставалась. Вот так вот свадьба была. Всё скромно. Фата у меня такая, веночек до половины, не длинная, платье.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

А на Пасху... У нас дзярэўня невяльшая была, сільна не разгуляешся, ну радамы былі другія дзярэўні. Так самы цымез быў, калі Пасха была і праваслаўная, і каталіцкая ўмесце... Два крайнія дома сабіраюцца, беруць гэтакі кошык, я магла ўлезці ў гэты кошык, ідуць у саседні дом, у вакно, яны пяюць песні там, сціхі расказваюць, ну шуткі-прыбаўткі, а з акна ім даюць бутэлічку ў гэты кошык, яйца ж канешна крашанныя, калбасу, яшчо чаго, канфеты... Ідуць да следуючага дома... І палучаецца, што да першых двух дамой яшчэ ніхто не хадзіў, значыць, гэтыя, якія адстраляліся, беруць гэты кошык, а гэтыя быстрэй лятуць домай, каб і з іх мзду ўзялі, вот да іх та прыходзяць... Ну вот, сабралі кошык і ўсе далучаюцца, прыязджаюць з гарадоў: дзеці, унукі, родственнікі. І там возле аднаго дома, вот там, дзе жэншчына, якая на похраны пела, яна такая вясёлая, завадная, азарная была, все яе любілі... Возле ейнаго дома сабіраліся на завалінке, бралі пасцілкі, бралі скаперць, пасярэдзіне скаперць, ўсё вывалівалі з гэтага кошыка туды, ну і сядзелі, пілі, пелі, яйкі качалі, ну досачку бралі і яйкі качалі, хто паб'ецца, там у біткі гулялі, дзе адны правіла: адзін дзержыць, а другі б'ець, чыё пабілася, той тое і есць.

Куцця была –эта мама пекла постныя такія падушачкі такія невялічкія, яны былі абсалютна постныя, малола мак. Сабіраўся мак всегда для куцці, што б быў. На ступцы таўкла гэты мак, сахарку дабаўляла, патом вадзічкі чуць-чуць, ён жыдкі, сладкаваты. Я такую яду не люблю, я падушачкі так з'ядала. І вот з гэтым кушалі гэтыя падушачкі. Гатовілі гэтую куццю. Сама ў нас куцця называлася, гэтыя падушачкі. Грыбы былі салёныя ілі марынованыя, жаранныя, рыба вараная, жараная, картошка вараная была, ай, я ўжо і не помню... Ну, у нас 12 блюў і не ставілі, гэта не счыталі нужным, ну на што столькі блюў, толькі паставіў, каб паесці. Гэта всегда вечарам у нас была гэтая куцця, папа прынасіў ахапак сена, лажыў на стол, красівы такі, мама скацерці насіла, лажыла, і ўся яда наша на скацерці, на сене гэтым стаяла, мы кушалі.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Купалле ў нас няма,эта ў праваславных. А ў нас толькі Ян ёсць, вот 24-га этава месяца был Ян. Он у нас бывае рэлігіем, вот Ян празнавалі ў Камаях. Фэст бальшой сабіраецца, людзей многа с'езджаецца, а вот ў нас Свянтэго Антонэга 13-ага іюня, касцёл называецца Свянтэго Антонэга. Гэтат касцёл называецца... Працэсія ідзёт, пеўчыя ідуць і народу очэнь многа сабіраецца. Прыязджаюць з другіх... Цяпер так ужо рабочыя дні, а так давне так усё с'язджаліся на конях, запрагнут на лашадзях, у павозку і паехалі. А цяпер машыны.

Вечарынкi былі, гаварылі там з кем ты будзеш, с кем, напрымер, дружыць сабіраліся. Дзевушкі хадзілі ў саседнія дзярэўні, парні хадзілі. Вот, напрымер, на які-небудзь фэст. Все сабіраліся тады ўжо ў касцёле. Там с касцёла, кагда выходзяць, прыглашаюць, напрымер, яўрэйскіе дзевачкі прыглашаюць нашых дзевачак, а еслі ў нас какое-нібудзь свята, тады мы іх прыглашаем, і музыканта запрашываем, і музыканта тагда ўгашчаем.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Там Лиго. Лиго праздник такой, очень насыщенный. И они умели. Даже теперь, у нас теперь есть своя эта белорусская такая дорожка, но там они настолько умели, прямо... То ли это молодость, то ли что, но захватывало, это вообще захватывало. Там концерты были. На Серова ходила, на Пугачеву ходила, на группу “Земляне” ходила. Там еще в Ледовом дворце постелили там помост, а я еще лед пальцем шкрябала – настоящий или нет. Такая деревня! Там девочка была латышка – в театры нас водила. Культурная программа была, ясное дело. Теперь я этого не вижу, ясное дело. Конечно, хотелось бы теперь... У нас же этого ничего нету. Я бы с удовольствием!

У нас тут фестиваль проводится “Цымбалы и гармоник” приезжают люди новые, да и свои... У меня двоюродная сестра в Гуте живет. У нее ансамбль свой “Гуцкія музыкі”, они уже стали публичными людьми, они уже и в Витебск ездят, и в Минске были, какие то премии уже зарабатывали. И вот эти подворья, они ж всегда тут бывают. Ну, сельские подворья... Воропаевского сельсовета они. Они ж с семьей. Она там и тонометр с собой, она постарше меня – на 5 лет она старше меня, да. Но они такие активные, вообще. Он по зрению даже инвалид, но он сам самоучка на этих гармошках. Ягоную бацькоускую хату у Голбее они оборудовали под такой домик. Вообще интересные люди! Свадьбы играют – на тракторчик сели, амуницию погрузили, и всё там: тых-тых-тых...

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Гармонікі свае былі... Мой дзядзя, другі, які ваяваў тут ужо на Пастаўшчыне, ён музыка, ну, гарманістам быў. Ён усе свадзьбы адгуляў, і нашы нават, і сясцёр. Хоць мы яго нават не запрашалі, ну менавіта вось музыкай, гэта значыць там музыка іншая, але ён заўсёды прыходзіў са сваім гармонікам і абавязкова ўлезе пайграць хоць бы марш. Раней жа маршы ігралі. На вяселле вось, як шафер, шаферынка, ну, звычайна жа па двое садзяцца там, знамяцца моладзь, і потым моладзь у першую чаргу, і потым далей: сведкам, бацькам – усім-усім па чарзе вось так марш іграе, а людзі кладуць грошы. Могуць і не адзін раз сыграць: (*смяецца*) калі заўважаць, што мала паклалі, – могуць другі раз, і трэці раз сыграць аднаму. Вось так было. Кольцы былі, канешне. Гэта як калі бралі шлюб, тады кольцы бацюшка апранаў, апранаў кольцы бацюшка... А цяпер, дзе распісваюцца ў ЗАГСх, цяпер кольцы. Цяпер мала, хто і гэта... бяруць шлюб. Ну некаторыя, гэта, ціха бралі шлюб... Я і сваіх дзяцей хрысціла ціха: у той час былі зачыненыя цэрквы, касцёлы былі зачыненыя, як раз у той час.

Што ў той час было, якая забава, усё раўно ж. Вось, як называюць вячоркі або як: збіраліся ў адной хаце дзесьці пралі, пралі і пелі заадно. Прыйдуць другія, хтосьці танцуе, хтосьці штосьці – ну, хто ўмее. У асноўным у кожнай хаце былі кросны.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

На свадзьбе мяне у шкаф схавалі былі! Я думаю: Божа, быстрой бы шкаф адкрылі, каб не задыхнулася (*смяецца*). А тады ўсе, усе, хто прыхадзіў выкупліваў, усі ішлі у сталовую, ішлі, там яна ў цэнтры саўхоза была, а там і свадьба была. А што гэта за свадьба без дракі? Калі не было дракі, то гэта ужо не свадьба. А яшчо у нас на свадзьбе быў такі Аляксандрачка - з гармонікам прыхадзіў, а не знаю дзе ён жыў, ну еслі ўжо свадьба без Аляксандрачкі, то гэта ужо не свадьба была, ён ужо там і “лісіцу” танцаваў, гэта танец такі. Я не знаю. А на гармоніку ён сільная і не умеў іграць: туа-туа-туа, але усім весела было. І прыхадзілі глядзець, цяпер жа на свадзьбу не прыходзяць саседзі глядзець, а тады прыхадзілі, пад вокнамі ўсё стаялі, а тады ім выносілі, угашчалі, хто прыглашоны, той прыглашоны, былі ж родственнікі, астальныя, ім данасілі, гарэлкай угашчалі.

Мой дзядька Іван на цымбалах іграў, Пётр – на баяне. І зрабіў гэты дзядька скрыпку, а дзе гэтая скрыпка сечас, я не знаю. Ён у Груздаўскім ансамблі яшчэ, яны аб'ездзілі ўвесь свет. Ну, груздаўскія цымбалісты. Ну вот, ён разам з імі у Ташкент ездзіў, яшчэ ў тое савецкае врэмя. І вот, мы хадзілі па хатах. На Пасху піялі: «Хазяйка, хазяйка. Ці можна дом павесяліць»? Ну і хазяйка ужо атвечае: «Можна!» А тады ужо пад акном кажуць: «Хрыстос васкрэс, Хрыстос васкрэс!» Гаспадар гарэлку нес, жанкі закускі і спевалі па-беларуску. Ну і мы тады усе спявалі пад акном «Хрыстос васкрэс»! А у каго дзеўка маладая, тады піялі: «Як у садзе, вінаградзе, залатая раса пала». А ззаду хадзіў з кошыкам вялікім, яму тады усё давалі. Усе хаты. Яйкі і бутылку. Усе на вуліцы сабіраліся у каго-та. Ну і празнавалі, з бутылкай весялей было.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Нашы мясцовыя ўлады арганізоўвалі святы. Вот у Варапаева было за лета нескалька гэтых дней, напрыклад, Дзень Маладзёжы, Дзень Страіцеля, Жалезнадарожніка. Для нас, для дзяцей, гэта былі такія сьвяты! Мы сабіралі гэтыя капейкі да сьвята. І там былі прадпрыемствы, якія, напрыклад, газіроўку сваю выстаўлялі, сваё марожанае. Я помню, якое смачнае было гэтае марожанае! І на развес, і ў стаканчыках папяровых, і на палачках.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

Развлекаліся ж патрохі. Былі такія фестывалы, называліся у нас. Празднік там Мікола, празднік там Троіца, Успеніе будзет Пресвятой Богородзіцы. Было ж ужо тады трохі запрашчана, але мы хадзілі ўсё адно ў цэркву. Былі фестывалы і ў цэркву хадзілі. Як празднік, то ідзем маліцца. Празднікі бываюць жа не толькі ў выхадныя, а проста. Када я не работала, так я ж магла ўсёгда хадзіць. Устану раненька, упраўлюся, кароўку падаю, выведу на стада, за мельніцею, у стада кароўку выведу - і пайшла. Ёсць зварыла, мужыка накарміла, на работу адправіла, а сама ў цэркву. Вот такое развечанне было. А потым ужо сталі на Гарбарке дзелаць такія празднікі, што ў год раз, дзень маладзёжы называлася. Прыязджалі, вось і цяпер жа ў нас нядаўна было. Было, прыязджалі, было. Фэст такі. Вось гэта ў нас былі на Гарбарке, ну і нават і на плошчадзі трохі. Я, як помню, я яшчэ маладая была, так толькі на Гарбарку хадзіла. Хацелася і плаціць каб купіць новенькае, пашыць. А нідзе ж ні было, ні купіць, не то, што цяпер пайшоў і што хочаш купляеш, абы грошы былі. Тады і грошыкі былі, дак не было ж... Помню раз мамка мая, гаварылі, што прывязлі ў магазін штапель, палучылі тавары. Ноччу пайшла заняць очарадзь і сядзелі ў очарадзі, яна мне тады купіла бардовенькай штапель і такія як тыя звёздчкі па ёй былі, на плаціце. І гэта было, як цяпер помню, плаціце, трэба было, быў фэст на Гарбарке і я тады сачыла. У мяне братавая мая, як брацік ажаніўшыся быў, мы разам пайшлі жаніліся, але яна на год толькі позжэ. Яна партніхай была, умела шыць, вывучылася. Дак яна мне плаціца сшыла і на фэст пайшла на Гарбарку і я ў новым плаціцы была. Хадзілі, развлекаліся па-свойму. А пачом дома тожа, ну надта не атмечалі, не зналі этага дзень раджэння, не зналі надта. Зналі-зналі, но не атмечалі, бо бедна было, не саўсем у нас выхадзіла, каб гуляць часта і развечкацца. Бывае калі вечарам ці якім празднікам суберыцца трохі, патрошчкі выпіць па чуць-чуць, дык тады п'яніц не было такіх як цяпер. Цяпер сільно многа пьюць, многа п'яніц.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1933 г. н.

* * *

Гэта не то што ў адным месцы, былі танцы падыспань, асобена харошый танец быў - полька з падкіндэсам, наша беларуская полечка. А з падкіндэсам знаеце чаму яна называлася? Узяўшыся за талію, хлопец трымае тут рукой за руку, вот... А тады ў апредзелёны момант, калі музыка мяняецца, трэба схопіць дзяўчыну за талію, калі яна ёсць, перакруціць вакол сябе, паставіць перад сабой, самаму хутка на калена ўстаць і руку пацалаваць ёй, а яна павінна яго кругом аббегаць, тады зноў злучаюцца і пачынаюць бегаць. Гэта называецца полька з падкіндэсам... Крыжачок танцвалі, падыспан, падыбрас, тады танцавалі «Вальчыха з пшытулендзем», бо там усі католікі былі, многа католікаў было, праваслаўных не многа, а там каталіцкая вёска была.. Ну і вот “Вальчыха з пшытулендзем” – гэта вальс з прыжыманнем, ну гэта вальс, музыка на гавайскай гітары выконвалася, і то ўжо там акорды такія, і калі акорды мяняюцца, хлопец туліць дзяўчыну да сябе і прыпадымае яе.. Трэба было не вельмі наядацца, бо цяжка хлапцу падымаць (*смяецца*). А цяпер што, ну што гэта за танцы, яно і нічога, кожны можа танцаваць, а там трэба было падвучыцца. Паланэз танцавалі, ну там у вясковым выкананні, але ж парамі такімі...

Запісана 03. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

* * *

У нас, канешне, у асноўным святы ўсе касцельныя. У нас галоўны фэст – гэта Яна, таму што ў нас касцёл Яна Хрысціцеля. Зараз ужо не так адзначаецца, таму што я яшчэ памятаю, калі тут з’язджаліся з усіх суседніх парафіяў, тут было ўсё застаўлена машынамі, поўны парк людзей. І, як бабуля распавядала, яшчэ адзін быў момант такі цікавы фэста. Адразу, канешне гэта імша ў касцёле, усё ўрачыста, тут гандаль быў нейкі, цукеркі дзецям прадавалі, але потым з’язджаліся ўсе родзічы на фэст, і потым страшна пілі насамрэч. Для бабулі страшныя ўзгадкі, бо ўсе родзічы прыязджалі і трэба было шмат піць. А так, канешне, галоўнае – Каляды, Вялікдзень, рэлігійныя святы. Асабліваці, якія ёсць, вось якраз Каляды, калі возьме стол, у нас якраз-такі літоўскія стравы. Вельмі выразна бачна. На усходзе Беларусі такія стравы не вядомы. Вось, такія клёцкі з макам – “кучюкай” па-літоўску. Усё, любы даведнік літоўскі адкрыць – усё адразу ясна становіцца, адкуль. Куцця, але яна ў нас іншая, у нас рысавая каша з макам толькі, без мёду, без нічога. Шмат маку заўсёды, абсалютна абавязкова.

Запісана 28. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1976г. н.

ВЕРА / РЭЛІГІЯ

*Касцёл Св. Антонія Падуанскага і Свята-Мікалаеўская царква.
Панарама г. Паставы*

* * *

Костел открыли в 1988 году, я уже как приехала, он был, работал. Там очень адданыя люди, сколько сил потратили, чтобы открыть его, книга ж вот есть Алины Латыш про костел и про людей, которые восстанавливали и добивались, как мурашки люди работали, мало кто остался. Я считаю, что вера людям помогает и делиться ей точно надо. Не сеять бисер пред свиньями, потому что если человек закрыт, то значит на его уровень спускайся и говори то, что говори, а там может зернышко будет заложено, будет работать. Первый раз я в пилигримку пошла это был 2007 год, я думала это поход, но это не просто идешь тупо, а идешь с интенцией, духовники идут, есть молитва, супольная молитва, она дает и силы, и духовный рост, физические трудности не замечаются. Раньше в деревнях и столы накрывали, а сейчас дай Бог, чтобы хату нежилую дали и помыться. Я раз ночевала в школе с молодежью, ну это утром невозможно идти, они же шумят, а нам отдохнуть надо. Но это настолько духовное, но я считаю попробовать каждому надо. Мама заложила зерне, а я жила в Вильнюсе два года. И думаете я хоть раз в Острую браму сходила? Потом надо было платить евро, и мне потом пришло я каждую ступенечку на коленечках шла и перапрашала, и вот уже дошла на ровную поверхность и мне девчата кричат – всё, мы должны были идти. И я поняла, что Божая Мати простила меня, что я дошла, успела. Другие детки малые спят в воскресенье, а мы в автобус и пошли, доспали, недоспали неважно, надо было раньше ложиться. Это было мамино, а я вот второго сына родила, и тогда только я пришла к своей вере. Папа стал ходить, когда уже близко было или вот на Яна мы ездили в Мосар, Булька такой своеобразный, но очень мудрый человек, он оставил и материальную и духовную спадчину.

Парафиальный праздник у нас 13 июня, ну как у нас проводится – служба, процессия с хорунгвами идет, не по городу, по городу у нас Боже Цяло раньше проводилось, а последние годы вокруг костела, до ковила еще. Крыжовы Шлях раньше проводили по городу, очень даже, разные направления меняли, это было очень трогательно, этот крыж вялики, несли его со свечками, даже когла открывался костел вот последний был Крыжовый Шлях от костела Падуанского до костела Езуса Миласэрднаго, насколько это было трогательно – с зажженными свечками, лампадками, крыж, когда читается молитва крыж несется так, потом крыж поднимается вверх, это было вообще, вот

люди которые нямоглыя стоят, встречают, вот кажется да я не пойду, все шли, таки натоуп ужо быу у пятым гарадку, настолько объединяет это все. Теперь нет. Теперь только по костелу, с разважаннями, у нас очень сестры хорошие, монашки миласэрднасци, и они и деток, и моладзь не только вот с книжки почитать, во-первых – инсценировано, во-вторых, такие крыжовые шляхи так зацепят – мне кажется глухого, слепого, любого, и дзетки – выгаварываюць не выгаварываюць, так стараюцца, так волнение слышно, аж цябе яно перадаецца, вот эти разважання Крыжовага Шляху, ну только по костелу. Рораты тоже, это идешь вот утром будний день, снег там, слякоть, 6:45 уже начало, очэнь это тожэ сближаець, укрэпляець веру всё. И смотришь, столько добавляется – детки, один другого приводят же, и родители за ними молодые приходят, идут, и принимают коммунию, и сакрамент, значит уже все, дзякуй Богу. Там есть светлица для деток, там класы катэхитычныя, раньше и лагерь летний был там, много смен было. Ксендз тут был, поляк, светлая память, уже нет его, это он тут всё обновлял, вот ксёндз Вадим продолжает уже это всё, с 1 сентября по 31 мая бедные кормятся, готовится еда, и вот они приходят, там помещение есть такое, приходят и едят, до 20 человек, а то бывает и больше чем 20 приходит, сестры готовят, мы помогаем, воолонтеры, график-не график, помогаем по очереди готовить, ну надо такую добрую бадью приготовить.

С православными ну как, католики более открытые, люди разные, отец Валерий приходил, ксендз уже так лояльненько, смягчил, и получилось очень хорошо, люди задают вопросы разные и выйти из положения надо, это ж людской фактор, это понятно, что Бог один, но многие не понимают. Тут недавно мужчина молодой, я говорит, протестант, я говорю – а Бог один, а он – Алелюя, Слава Господу, и стал меня давить вопросами, я сразу опешила, он поохал, улыбнулся, а я говорю – вы ж признаете крыж, сакраменты признаете, значит все, начего делить нам с вами, а он переубеждения начинал, давить, ну а я говорила то, что думаю, он улыбнулся и всё, ну и дзякуй Богу.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Во тут у гэтым доме (*наказвае на дом побач*) во тут у гэтым доме жыла саседка, у яе сын аж на Дальнім Вастоке найшоў сабе жонку і живець, а яна тут живе адна, мужык памёр можа ў 50 гадоў, дык вот яна ж адразу нармальная была, а потым стала казаць як скушна жыць. Кажа, што пойдзе да баптыстаў, я сказала, каб шла, паглядела. Ну тут жа былі баптысты неде, вунь там у начала горада, помніце ехалі вы, ці не? Вунь там дом стаіць, де баптысты займаюцца, молюцца ўсё. Я дажа не знаю хто якога года. Так вот яна схадзіла да іх, паглядела і сказала: “Ай, ты знаеш, мяне там хрысцілі, рукі над галавой вот так мяне і якія мне там гаварылі пропаведі. Раз я на вакзале стаяла і людзям казала гэтую пропаведь што баптысты”, во такое гаварыла пра рэлігію. Во адзін раз і да мяне былі прыйшоўшы баптысты. Дык яна як стала ў галаву мне гэта біць, я стаю ў калідоры, крашу ці што, дык яна мне: “Стань, калі з табой Прысвятая Багародзіца разгаварваець! Злазь з гэтага стула і слухай!” Во такая была саседка, так была, я ўжо не знаю, перажыла ўсяго. А цяпер усё раўно не магу глядець на дом, во сяжу і ўсё успамінаю, як яна жыла. Потым яна аслебла, не відела ні сцэжку, ні да агароду. Я ёй садзіла, і клубніку, і агурчкі. І не завязлі яе ніхто ў бальніцу зделаць аперацыю на глаза. Дык я павязла во з сынам, селі на машыну на сваю і павязлі. Ну што прападае чалавек, ну як так! А яна там два дні паляжала і памёрла, гэтая суседка. Можа гадоў 10 таму было. Вот яна ўсё верыла ў баптыстаў. Нейкія брашуры яны мне давалі, я гавару не нада яны мне, нейкія непанятныя яны мне, я не люблю такое.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Ну, не хожу я в церковь. Хотя дочка ходит. И у меня семья такая, у меня зять католик, внуки католики, дочка православная, дочка ходит в церковь. Но чтоб вот так как все ходят в костёл или в церковь - нет такого. Хотя у меня свекровь была до фанатизма верующая. Она в церковь ходила, постов придерживалась, но потом вот молодежь пошла такая. Я до 1982 года не знала, что Рождество 25 декабря. Я когда в Польшу приехала, то узнала, что такое католическое Рождество. Я с Поволжья, у нас там немцы живут, Энгельс, Саратов - это немцы. У нас католиков вообще никто не видел, даже такого понятия не было, что там такой праздник есть и такой. Православные знали, что Пасха и всё. У нас не было таких религий. Я когда увидела, что на Пасху идут все с куличами и с баранами, для меня это было... Бараны – это типа конфеты из сахара, зверушки, их заливают. И все шли с этими корзиночками, такие красивые салфеточки, так красиво. В Щечине жили, там платья были, там девочки, вообще бесподобные платья были.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954 г. н.

* * *

А потом уже были как-то запраціўшы ў цэркву, прыхадзілі вот тоже помню учыцеля, замячалі еслі, як пойдучь у цэркву. Вот мой сыночек как работал. Дзетак, напрымер, хрысцілі мы тайна. Эта не было разрешено кресціць. Еслі узнаюць, што ты пакресціў, і муж мой быў у парціі, парційным быў, то сразу выганялі. Тайна рабілі мы, прыгласалі на дом баццюшку. А цэрква ж і не была закрыта, вот касцёл у нас быў закрыт, помню. Не работаў касцёл. У нас палавіна Пастаў католікаў, палавіна - гэтых. У мяне па саседству былі католікі, з гэтала боку і з гэтага, былі саседкі каталічкі. А на тым баку жылі праваслаўныя. А тутакі былі каталічкі. Им не было куды хадзіць, касцел быў закрыты. А цэрква-то работала. Хоць і запрашчано было. Захадзіць канешне было запрашчано, такім, парційным людзям.

На Пасху, помню, трошачкі ў нас тут субіраліся. Дык я на гармошке грала, дык помню субіраліся трошкі. Сядзем атмячаць і тады: “Ну давай, пайшли ў валоўнікі”, гэта так называлася. Пайшли ў валоўнікі. Песні такія, што былі-пелі. Ну, пастукаемся: “Можна вас павесяліць?”. Ну, і яны ж, хто там скажа, што ня можна? Можна! Ужо ж мы зналі, дзе пайсці. А да каталікаў ж ня йшлі, а да праваслаўных. І тады яны давалі тожа, дадуць, можа, хто і выпіць дасць, можа бутылачку якую, бо было прынята самагоначку гнаць, такую, для сябе. А давалі, і яічак надаюць, хто ж чаго даваў. І тады ж уже гэта садзімся, і ўсе гуляем, і мужычыны, і бабы. Ну, хадзілі і памагалі і жэншчыны ж пелі песенькі гэтыя. Як малодзенькай, так і це спявалі ўжо: “А мы яйкі пералічым, цябе моладу ўвялічым” - помню, нейкая песня такая была. Вот такія. А на Каляды то не помню, не хадзілі. На Вялікадне толькі.

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1933 г. н.

* * *

Назваецца Вялікі чацвер, ужэ сціраем, убіраем, моем, цюлі вешаем, каб было всё красіва, чыста в доме. Да Чыстага чацвярга, штоб была всё ўбрана, чацверг, пятніца, субота ідуць в касцёл. Ксёндз называе время і тагда все ходзят в касцёл. На ноч с суботы на воскресенье і цэлую ночь моляцца. Ну ксяндзы ўжэ ўходзяць да дзесяці часоў, да адзінаццаці бываюць. А некаторыя, каторыя прыязджаюць з далёкай стараны... Цяпер пааткрывалі касцёлы в Варапаева, Груздаве. А раньшэ ж не была гэтых касцёлаў, так людзі прыязджалі, начавалі проста ў касцёле і там такая есць плябанія, дзе можна чаю... Вскіпцяць людзі, дадуць, прыслугі ў ксяндза, каторыя вараць яму кушаць. Во на вялікія празднікі афяру ходзяць сабіраць сёстры. Афяра эта дзенежкі, сколько хто даст, эта пажэртваніе.

* * *

Всё роўна ж верылі, хаця ў камсамол, хто ў цэркавь хадзіў, на даску павешаюць пазорную, нарысуюць цябе, што ты гэта хадзіў там ужо маліўся ці што, карікатуру на цябе нарысуюць. У камсамол прынімалі: «У Бога верыш?» Ага, скажы, што верыш, цябе ж не прымуць. Тады ж ўсё былі проціў. А цяпер тыя, хто проціў Бога былі, выступалі тут усё, у першых радах стаяць у касцёле ці ў цэркві, усюды яны любяць быць начальнікамі, дык і тут хочуць быць. Як дзярэктар у пятым гарадку школы, была ж дзярэктарам, а цяпер во гэтыя бапцісты, што моляцца, ужо яна глаўная ў іх. Многа ў нас тут разных і стараабрядцы ёсць, пачці мужык у мяне старавер быў пачці, бацька яго быў настаяшчы старавер, а як прэждзе прыязжалі родственнікі і барада во гэтая. Ефім, Трафім - імена такія. Але як чужыя, ці захочуць яны яшчэ з вамі гаварыць. Скажуць: «Вы гразныя». З кружкі той не дадуць піць, з якой яны п'юць. Яны такія тожа, эта яны толькі чыстыя. Тут нада падход да іх імець. Яны тыя ж самыя, но па-другому ж трохі, яны ж таксама праваслаўныя, і малітвы тыя ж самыя. Толькі я знаю, што во, калі мой свёкр памёр, і прыгласілі з Гайдучішак прывазілі этага атца старавераў. Гроб набок паставілі і свечкі па баках дык сталі быстра маліцца, тык мы не ўспявалі за імі паўтараць. Па-своему ў іх так.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

На вуліцы больш католікаў, але ж ё і праваслаўныя. Во саседка – муж католік, а яна праваслаўная. Два святы святкуюць, і красяць яйца на два святы. А то палячка... у нас ксёндз ходзіць пасля... зімой... эта называецца... што ваду свенцяць... забылася... (*паглядзела на каляндар*), а, 19-ае – Хрышчэнне Гасподняе. Вось после 19 январа пастаянна ходзіць бацюшка на дом і свенціць дом, ставім у зале. Пішам за здравіе бумажку, ставім свечачку ў тарэлачкі, палім, хлеба, солі туды свяцонай, скацёрць засцілаем, і ходзіць бацюшка па хатах і моліцца, і тады за здравія эці імя называецца, а тады ходзіць са крышчэнскай вадою і тады свенціць кожную комнату. І ксёндз гэтак прыязджаюць, яны яго ўстрэчаюць... У нас бацюшка адзін, а ксяндзы некалькі тады: 2, іль 3. А ў нас адзін работаецца, да і калі цётка была і тады прыхадзіў, і яе пасвенціць... А вот як... Я кожны раз хажу на 19-ае, на Хрышчэнне. Даюць ваду ў цэркві свяцоную, я прыхажу, і кожную комнату тады я папырскаю. І хажу на Вербную... Вон у там, у зале возле іконы вербачку вешаю.

І кожны год новую, а гэту палю ў бані тады. Бываюць вешаюць на чардаку там, ну торкаюць у гэтыя... ну, между броўнамі, і ў сараі вешаюць... А як мне мама казалася: “Лучшэ спаліць у печы”. А сёлета Пасха была позна, так ужо няма вербачак, толькі гэтыя лісточкі... так яны ж, наватнае, асыпяцца... У мяне ў кожнай комнаце па іконке ёсць, там малады бацюшка, ну як он называецца... там Нікалай Чудатворац..., там Бож’я Маця... у кожнай комнаце разныя іконкі ёсць... невялічкія, но ёсць... Ёсць яшчэ тут вот, дзе базар наш тожэ зданіе, там камірсанты, там ёсць прашчальны зал, там можна ноч дзяржаць. Ну бацюшка туды не ідзець, пеўчыя ідуць, ну ў нас жа пеўчыя ходзяць, атпяваюць, і тожа бацюшка не ідзець, і калі пры касцёле, ксёндз ідзе туды, а бацюшка не ідзець... ня дружаць бацюшка і ксяндзы.

Католікі болей якіе-та веруюшчыя, а можа што празднікі іхныя параньшэ бываюць. Так вот, дажэ калі я ў таргоўле работала, на польскія празднікі больш берут тавару, чым на праваслаўныя ... пастаяна так. Вот, на Раждзество польскае 25 дзекабра, правільна? А нашае ажно 7 январа. А можа, як кажуць, людзі проста деньгі ўжо патраціўшы за Новы Год, ці што? Ну всегда, вот сколько я работала, 30 лет, всегда больш тавару вязём на гэты самы... Яны болей у касцёл ходзяць, вот у нас у касцёл, вот гэта

Света, што з мужам, яна ўсю жыццё па васкрэсенням ездзіць у Касцёл, дзеці па васкрэсеннях, і дочка, і хлопец былі і ходзяць да іх камуніі. А цяпер не знаю, як узрослыя сталі... і прывучалі ж дзяцей. І ўнукі, ходзяць у касцёл яны, так і да камуніі якой там, надзяюць белыя плаці, уступаюць у гэтую камунію. А ў нас ёсць школа царкоўная, васкрэсная, там дзеці, пры цэркві ёсць такое зданіе... тамака і ходзяць дзеці, ходзяць, ну па-другому, ні як у касцёле. Вот я хаджу толькі па прадднікам, а так захаду вот калі, за здравія свечачку паставім з адной стараны, каля Нікалая Чудатворца, а там за ўпакой... Вот цяпер Троіцкая субота, радзіцельская... Так тожа хадзілі. Пішаш бумажкі на Радаўніцу, я пішу на Радаўніцу і на Дзімтраўскую суботу восенню, пішу за ўпакой бумажку. А так... на гэтыя не пішу, да іспаведзі тожа раз у год. А калі памёр мой... сніўся очэнь часта, так я пайшла на іспаведзь да бацькушкі, так ён сказаў, што чалавек, каторы ўміраець раптоўна, ён не ўспеў перад смерцю пакаяцца там... ну, ляжыць чалавек, ўжо знаіць, што ўсё, можа і моліцца, гатовіцца к смерці.... А тады калі раптам, чалавеку 56 лет, што ён думаў, што памрэць? Так гаварыць, што надо за яго маліцца, і дома маліцца, і ў цэркву прыхадзіць... Я не знала... а надо было маліцца болей, да іконы абрашчацца, а не да партрэта... вот праўда, і падумаў як... Ну як прышлося, так і пазнаеш як гэта, у маладосці не ведаеш...

Ходзяць усякія шарлатаны. Тут прыхадзілі, ні бабцісты, но какая-та тожа другая вера, две жаншчыны, раньшэ часцей хадзілі, тады гэтак...угаварываюць тамака, ну сваё гавораць. Я гавару “Ізвiніце, я 65, ці сколька лет там... хаджу да аднаго Бога ў царкву, і я ня буду. Вот раз ехала ў Полацк, у адным вагоне на поезде, прычапіліся две, тожа жаншчыны, вродзе яны ехалі сюды недалёка, вродэ ў Паляўшчыну, ці куды... Як прычапіліся, каб там ці я прыхадзіла да іх, ці яны да мяне, каб там малілася, каб і грошы ўжо...чуць адчапілася, яны ж і так гавораць, так загаварываюць...

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1956 г. н.

* * *

А вот гэта як раз ідуць пілігрымы, мы пад крыжам у маёй вёсцы, і вот бачыце якая маса, а тады яны вяртаюцца, мы кормім іх. Пілігрымы - гэта людзі, якія ідуць вась на гэту ўрачыстасць у Будслаў, во цяпер я чула, што з Мінска таксама адыходзяць ужо. Гэта маса народу, ну вот каталікі, яны проста заходзяць у вёскі, дзе іх там застае начлег, там начуюць. Яны з сабой ежу бяруць, ну вот так людзі, каго яны сустракаюць па дарозе, падкормліваюць іх. Дык вот у нас у вёсцы і так па дарозе нашай вёскі, дзе там вады дадуць, дзе тамы пачэннем пакормяць, дзе што. І яны ідуць. А тады прымаюць удзел у гэтай урачыстасці, Будслаўская ж гэта Маці Божая Будслаўская, гэта ж святая такое, яно 2-га ліпеня кожны раз. Але цяпер перанеслі саму ўрачыстасць на выхадныя, гэта цяпер прынята, каб не зрываць людзей у працоўныя дні, дык яны ідуць на выхадныя. Дак гэта будзе можа 5-6-га цяпер, яны ідуць у Будслаў. Дык тут з Ленінграда, ну Санкт-Пецярбург цяперашні, адсюль-адсюль ідуць. І ў вас з Мінска, я чула аб'яўлялі, што ўжо вышлі. Гэта нічога падпольнага, гэта іменна пілігрымы, гэта яны дарогай ідуць, як турысты, толькі мэта іх касцёл і там удзельнічаць у мерапрыемстве ў гэтым.

А я, я чалавек веруючы, я заставіла сябе сесці і ўсё ад слова да слова перачытаць і Праграму партыі, і Статут партыі. І там нідзе ні аднаго слова я не знайшла, якое было б супраць рэлігіі. А тое, што вялі прапаганду і барацьбу з рэлігіяй – гэта прыдумалі чыноўнікі. У дакументах у партыйных гэтага не было. І пагэтаму я была камуністам, і разам з тым я верыла, таму што маральны кодэкс, ён напісаны, напісаны з біблейскіх ісцін, ён перакладзены, маральны кодэкс страіцеля камунізма, калісьці быў такі. Вот усе гэтыя прынцыпы, усе яны ўзяты ў біблейскіх прынцыпах. Пагэтаму я не знайшла нідзе, што забараняла б мне быць веруючай. І я гэтаму чалавеку адказала, і гэты чалавек мяне паслухаў, што, калі я веруючы чалавек, і сапраўды там ніякіх слоў не было пра гэта, усё. Вот такое, я яму даказала, што веруючы і паралельна я была камуністам.

Я ўсё смяюся, кажу: Вінакура с роддома выпісвалі, а я паступала ў роддом, таму што Вінакур 31 марта, а я 5 апрэля, так што ён там тыдзень недзе паляжаў і з мамай ухадзіў, а я пятага апрэля нараджалася. Мы аднагодкі з ім. Вінакур, Міхаіл Задорнаў –эта мы аднагодкі, ну вот я кажу, гэта “Зіта і Гіта”, мы ўсе аднагодачкі. І такія, ну вот нашэ пакаленне, наша пакаленне – моцнае пакаленне. У нас не было такое, што ай, ці хочаш ты, ці можаш ты. У нас ніхто не казаў: хачу, магу. Трэба, усё, вніманне, нізкі старт і вперёд. Мы прывыкшы, мы прыўчаны к такому. У нас дождзь, снег, у нас такога няма. Я кожны раз кажу ўжо, калі я дала слова, то я не змагу ісці, я прыпаўзу, но я павінна там быць. Гэта ўжо, як вы пазванілі, кажу: Божа, хлопчык, бедны хлопчык думаў пра мяне, што яшчэ пад дажджом магу змокнуць. Маё дзетка, думаю, я ж, я ж дала слова, я павінна тут быць. Тут ужо такога не бывае, калі ўжо сказала... Мяне ніхто па другому разу не перазвоньваюць, яны ведаюць, што, калі я ўжо паабяцала, то я зраблю.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1948 г. н.

* * *

Я люблю Бога. Ну. Я сама такая прывучаная. Ну, можа зрабіўшы ў мне так. Малюся во, у мяне кніжкі ёсць, малюся... Ну, я лічу, што “Без Бога не да парога”, “Калі Бог не адпусціць, дык і свіні не з’ядуць”. Вось такія прымаўкі. Не ведаю. З Божай дапамогай іду што рабіць. Нават згублю, дзе што знайсці, то малюся, тады знайду. Так лічу я. У мяне выклікана так. Ну, а людзі ж неяк і не вераць, неяк жывуць, можа, яшчэ і лепей. Я ж не ведаю. Ну, цяпер жа пахавацца, ніхто жа цяпер без Бога не пахаваецца. Кажуць, “сабача смерць”. У нас цяпер бабуся памерла там, у тым доме таксама бацюшка ў царкву возіць можа... Напэўна так трэба. Муж малады, але маладыя цяпер таксама пахаваюцца ўсе з бацюшкай. Не ведаю. Мне падаецца, так. Я адношуся вось... Былі жа ў нас і бапцісты, ёсць жа ў нас бапцісты. Яны прыходзілі тут яшчэ некалі. Ну, кажу, ну, што: вы сваё маліцеся, я – сваё. Моліцеся вы, дзякуй Богу, і маліцеся. Ісус... Яны Ісуса разумеюць, а іконы яны не разумеюць, яны кажуць: “Гэта карціна”, яны кажуць. Ну, кажу...

А мне добра, мне нармальна – кожны сваё. Вераць яны ў сваё – няхай вераць у сваё. Я і рада, што яны вераць, чамусьці вераць. Вось і бапцісты: камусьці яны вераць. Сёння неяк была, троху мы та былі зайшоўшы ў нас во тут, ёсць жа ж, тут вось, але слабая ўжо цяпер. Яна не адна: ёсць у нас яшчэ па Ленінскай. Ды Куркін такі быў ён, камандаваў тут. А прывазілі ўсяго шмат, са Швецыі прывазіў шмат. Ішлі нават людзі, ведаецца з-за чаго? Каб ім нешта давалі. Яны тут цягаюць тады каляскамі макароны там, і цукар гэты, трапкі нейкія. Ну я неяк была зайшоўшы, ці як яна адчынялі мы былі неяк пайшоўшы. Ну, там неяк лаўкі такія як у кінатэатры, так во – людзей было шмат. Ну, яны разумеюць аднаго Ісуса. Яны крычалі ўверх: “Толькі Ісус, Ісус...”, неяк так. Ну, у іх сваё. Хто ішоў у іх, яны ездзілі, тут вёска ёсць Шышкі, возера такое, яны яе там купалі, калі бапціства прымаюць абавязкова ў Шышках трэба пакупаць у гэтым возеры. Калі пакупаюць ён там, ён там ужо баптыст. Калі можа ён там не стаць баптыстам, можа прытворваўся хто, можа ішоў дзеля гэтага. Бо баптысты жа не п’юць, але яны, бываюць, і пілі там. Цяпер памёр гэты Куркін, цяпер зяць, мусіць. Яму дом добры будаваўшы яны, і грошы ж давалі яны. І пабудаваў яны гэты і дом, ну і дзеці ж ёсць у іх тут. Ну ходзяць троху да іх тут таксама, я ведаю. Незнаёмыя сюды прыбываюць, калі па дарозе. Ну, і яны ўжо ходзяць туды служыць. Яшчэ па Ленінскай ёсць таксама другі дом такі таксама там другія... Ну, а палякі ходзяць у касцёл, а стараверам у нас няма царквы. Ёсць, можа, у Відзах. Стараверы ёсць, у Паставах ёсць. У мяне за сцяной стараверы жылі во тут вось. Памярла, гэта Мацееўна была памерла, яна стараверка таксама. Ну, яна ў нашу царкву прыходзіць, калі свечкі паставіць.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1934 г. н.

* * *

Мне больше импонирует язычество. Агностик, знаете, что такое? То есть как Фома неверующий. Мне и славянская мифология нравится. Потому что очень-очень-очень-очень много несовпадений и очень много нехорошего. Вот, опять же, по вопросу цены образования, на каком основании у церкви прайс-лист вывешен? Они говорят: «Пожертвования». Пожертвование это я пришёл, допустим, не важно родился ребёнок или отпели человека. Ну человек сколько может, сколько считает, он отдаст. Но там же прайс выставлен, что вот отпели – 100 рублей будет. Ну на каком основании, почему? Ну не будем вопрос о религии, потому что это очень-очень-очень-очень такие... не комильфо. В язычестве всё правильно, всё честно. Там каждый отвечает за себя, за свои поступки, а здесь получается вот. Главное в христианстве что? Покаяться. А как ты покаешься, если не согрешишь? Значит логически, если продолжать, что ты должен сделать? Грешить, чтобы покаяться.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1961г. н.

* * *

Я праваслаўны таксама. Хажу ў царкву пастаяна. Ну як хажу пастаяна, хажу, пастаю на “Ойча наш”, пастаю натуральна, я, праўда, не разумею, што там кажа святар. Але, я думаю, на мяне зыходзіць нейкая благадаць, якая там ёсць. Я веру, што ёсць вышэйшы разум і гэта Бог, ці як можна назваць, таму што ў жыцці было шмат такіх здарэнняў, растлумачыць гэта нечым, логікай цяжка, а яно адкуль прыходзіло, прыходзіло напэўна аднекуль. Я свае вершы чытаю некаторыя, як першы раз. Я не ведаю, адкуль прыйшлі гэтыя словы, гэтыя думкі – незразумела проста. Проста, калі складаеш вершы, уваходзіш у нейкі стан нірваны, напэўна вот. Вот аднекуль там, кажуць, ёсць сфера-эфір, усе дзе гэтыя ідэі быццам бы носяцца, ну заходзяць. Мне задалі пытанне: “Што за пляма тут у вас на галаве?”. Вот, белае (*паказвае на сівіну*). Я ж кажу: “Пацалуй ад Бога”.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1960 г. н.

* * *

Тут зараз большасць лічыць сябе беларусамі. Тут таксама ўплыў ёсць касцёла. Імша была па-польску да года недзе 1994, потым пайшоў пераход паступовы на беларускую мову, і гэта аказала свой уплыў. То-бок людзі, у якіх бацькі яшчэ лічылі сябе палякамі, зараз ужо ў большасці лічаць сябе беларусамі. І яшчэ, канешне, ёсць такое... Гэта ў Польшчы даследуецца, дарэчы, вельмі масава на Беласточчыне той жа самай, што такі памежны стан, калі чалавек сам да канца не можа вызначыцца. Адзін раз будзе ён будзе казаць, што ён паляк, другі раз будзе казаць, што ён беларус – і такое таксама назіраецца.

Імшы польскай зараз увогуле няма. У Паставах, у Нарачы ёсць. Там, дзе не адзін ксёндз, дзе некалькі разоў імша, там ёсць, а ў нас толькі па-беларуску. Сітуацыя насамрэч вельмі залежыць ад кожнага канкрэтнага ксяндза. Таксама яшчэ цікавы закрану момант пра наша памежжа. Ёсць такая вёска Старчуны на самой мяжы з Літвой. І калі ксёндз парадкаваў могілкі... У нас могілак на тэрыторыі парафіі больш за сорок, і за апошнія гады ксёндз паўсюль там павыразаў дрэвы, там косяць, наводзяць парадкі. Канкрэтна, у гэтых Старчунах вельмі шмат помнікаў (прычым помнікаў 1970-80-х гадоў) з надпісамі на літоўскай мове. Гэта была гайдучішская парафія, і там мабыць нейкі літоўскі ксёндз актыўную дзейнасць праводзіў. Вось гэтыя чыннікі, яны ўплываюць на самасвядомасць вельмі істотна. І яшчэ цікава ў нас – ёсць такая вёска Кукляны ў нас, стараверская. Там, канешне, дарога такая... Там царква ёсць стараверская, і могілкі стараверскія. Дык там дарэформенным правапісам расейскім пісалася аж да 1990-х – з гэтымі эрамі, яцямі ўсімі надпісы 1970, 1980-х і нават 1990-х. Але зараз такі ўплыў таксама ксяндза – у Камаях прынамсі адзін ёсць помнік стараверскі з надпісам па-беларуску. Бо ксёндз вельмі моцна

агітуе, каб пісалі на помніках па-беларуску, і вось маёй аднакласніцы брат пахаваны... Прыходзіць да мяне, просіць: “Можаш напісаць правільна па-беларуску, бо ксёндз казаў”. А яны стараверы.

Аднойчы яшчэ цікавы быў момант. Ёсць каманда хлопцаў, якія косяць гэтыя ўсе могілкі – яны на машыне едуць з косамі, косяць. Ну і растлумачылі, дзе там могілкі трэба выкасіць. Усё, паехалі, прыязджаюць увечары, ксяндзу кажучь: “Усё выкасілі, але чаму там такія крыжы дзіўныя?” Ім кажучь: “Вы не туды даехалі, выкасілі стараверскія могілкі”. Недзе не там павярнулі проста. А там такія мясціны, дзе Кукляны, гэта вёска стараверская... Зараз бацюшка ў іх, дарэчы, з’явіўся новы. У іх доўгі час не было бацюшкі. Зараз да нас у краму прыходзіць, нейкую там дзейнасць праводзіць. Але там настолькі дзікія мясціны, што мой знаёмы (у нас тут будаваў, адзін з будаўнікоў гэтай хаты якраз), старавер, распавядаў, што як хавалі бабулю (недзе яна там увесну, можа, памерла), конскі воз цягнулі гусенічным трактарам. Па-іншаму там увогуле нельга было праехаць.

Стараверы, яны трымаліся вельмі... Вельмі была закрытая група яшчэ нават да пачатку 1990-х. Не вельмі былі папулярныя змешаныя шлюбы, але зараз усё ўжо... Усё, ужо мяшаюцца, ужо іх знікае культура фактычна, а яшчэ да 1990-х гэта спецыфічная мова захоўвалася, яшчэ хадзілі з бародамі. Да польскай улады, дарэчы, абсалютна лягальна ставіліся, ведалі ўсе польскую мову. Ніякіх не было праблем. І савецкія часы яны таксама так перажылі. У іх свая супольнасць была са сваёй гэтай гаворкай, са сваімі звычаямі. Яны не мяшаліся з іншымі народамі. Але з 1990-х гэта канешне... У мяне адзін аднакласнік быў з вёскі, дзе шмат старавераў, і ён умеў гаварыць так. Ён сам не старавер, але умеў: “Гляжу в окно, темно ещё”. Вельмі цікавая такая ў іх мова. У пазамінулым годзе я быў у Аргентыне і Уругваі, і там распавядалі, што там ёсць вельмі моцныя супольнасці рускіх старавераў. Прычым, наколькі залежыць... Той самы рускі народ апынуўся ў іншай краіне і там якраз гэта вельмі моцныя гаспадары, вельмі вялікія фермерскія ў іх гаспадаркі, вельмі сучасная тэхніка, але да гэтай пары ходзяць у касаваротках, у сарафанах, вельмі захоўваюць сваю культуру. І там цэлыя паселішчы выяўляюцца ёсць ў Аргентыне і Уругваі рускіх старавераў, якія туды ўцякалі. Там цікавы быў шлях пасля рэвалюцыі. Старавераў вельмі моцна пераследвалі пасля рэвалюцыі, таму што яны моцна трымаліся рэлігіі. Калі пачалася вайна з рэлігіяй, яны ўцяклі адразу ў Кітай, а з Кітая трапілі ў Паўднёвую Амерыку.

Займаюцца яны сельскай гаспадаркай, у калгасе працуюць. Хаця гэты мой аднакласнік, які жыў у вёсцы, дзе шмат старавераў, ён вельмі на іх наракаў, што яны вельмі любілі калгаснае поле ў сярэдзіне выкасіць – і сабе, усё сабе. Калі пра мясцовых, то ў калгасе адзін працаўнік калгаса мне такую прыказку сказаў: “Каб жыць у радасці і шчасці, то трэба красці, красці, красці”. Учора аднаго хлопца з калгаса падвозіў – ехаў на Паставы проста на машыне, спынаю падвозіў – ён мне распавядае, у чым сэнс. Я думаю: “Дрэжны я эканаміст, я нічога не разумею”. У нас ёсць такая з’ява: да калгаса нашага далучылі вельмі шмат земляў, што наш калгас ледзве не ад Паставаў да Лынтупаў – вельмі вялікі. І ёсць такая з’ява, што адна службовая машына прывозіць адну даярку з Лынтупаў у Камаі, адну даярку з Камаяў везці ў Лынтупы дваццаць кіламетраў. Ёсць ферма такая Мунцавічы, вёска Оцкавічы, таксама ў бок Літвы, і паміж імі недзе восем кіламетраў. Таксама была такая цікавая эканоміка, што трактар вёз адну даярку, яна даіла кароў, і адвозіў гэту даярку да хаты. Эканамічна гэта ўсё вельмі так цікава, але я пра што: учора падвозіў хлопца, ён мне тлумачыць, у чым сэнс вазіць даярак з Лынтупаў у Камаі, з Камаяў – у Лынтупы. Бо лынтупскія не ведаюць, дзе загнаць камбікорм у Камаях, а камаіскія не ведаюць, дзе загнаць камбікорм у Лынтупах. Вось увесь эканамічны сэнс.

Запісана 28. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1976г. н.

ГРАМАДСКІЯ СТАСУНКІ

Экскурсія па краязнаўчым музеі г. Паставы

* * *

Чернобыль помню, я в Риге была в это время. Моему старшему сыну было год. Как раз 19 апреля ему год исполнился, он только-только пошел. Я это момент очень запомнила, наверное, на всю жизнь. Мы жили тогда в коммунальной квартире, и достаточно тепло было. И никто ж ничего не говорил. И только кто, наверное, больше сведущий – такое вот, это всё: “Ах – ах – ах”. Вот эти ахи... Я даже не знала, что это ещё. Потом я только узнала, что вот именно это произошло. Это, ну, как-то, такая вот по людям, которые, может быть, больше знали или что... Даже, вот, я не знала. Она была, тревожность. Такая тревожность – на работу пришла, кто-то может что-то знает и вот так, только такие недомолвки, слухи, ну как-то вот, жутко, как будто произошло что-то... Я не понимала, никто ж ничего не понимал, что это такое. Но этот момент, когда вот это услышали, я помню. Песочница такая, эты малы только вот пошел. Как себе пошел, уже, значит, пошел. Вот так это и было как раз вот: “Иди ко мне” – он идет, а так – нет никак. А тут он – всё, отпустил руки и всё, и пошел. У меня радость вроде – пошел ребенок, а вокруг какое-вот, как потом я понимала, как облако такое тревожности, гнетущее такое. И я не понимала, что это такое. Потом только поняла, что случилось. На работе стали говорить, и один другому, что вот именно бухнуло, что это настолько серьезно. Насколько серьезно, никто ж не понимал, но это жутко, очень жутко это было. Ну что, окна и двери закрывали, там это всё, где-то там. Тогда ж респираторов этих не было, но всё равно всё там чистили, мыли. В песочницу приходишь, там эти игрушки моешь. Дитёнка этого не знаешь, как там, что там. Хотя, кто знает, куда там чего долетело, куда не долетело. Никто ж не знает. По крайней мере, жутко, очень жутко было. Потом оно как-то, наверное, улеглось, и как-то, что-то больше узнаешь, уже оно укладывается. Но в тот момент... И молодой был, и вот про это как подумаешь про это будущее, что и как вот это всё... Жутко, страшно было. Я вот даже теперь не представляю, как люди, которые ехали туда, которые жили. В свое время мой же брат тоже там вот, в Чечерске жили, и они как вот эти самые... Теперь живут в Лиозно они с семьей. Им домик даже дали, потом квартиру им дали. Вот они как отселенцы... Ну, ничего ж, не отразилось вроде на здоровье ничего – вот и дети, и внуки у них уже. Всё ж нормально. Вот, Бог миловал их. Его жена оттуда, и с родителями они, с семьей приехали сюда, им дали жильё.

Развал Союза, я в 1991 году приехала сюда. Знаете, я на тот момент... Не сумели договориться, что ли, в таком плане как то было. Уже почти 30 лет мне было. Ну, не сумели договориться, такое вот всё это. Ну, и даже ещё не думалось, что настолько всё это будет, такие последствия. Хотя, я тогда уже думала, что как тот самый веник – если он целый, то попробуй его сломать. А по дубчику – раз-раз и переломаешь. Фактически так оно и получилось. Так оно и получилось. Мысли вот такие были. Хотя, где там, честно говоря, я такой человек не публичный и вообще, в политику никогда не лезу, никогда ничего ни о чем не знаю, ни с кем никогда ничем не делилась и никого не спрашиваю. Услышу где-то что – ага, приемлемо мне, я перевернула у себя в голове, нет – я тут же отбрасываю. Влетело, а тут и вылетело, я такой человек. И теперь вот, кто-то там вот, ехали тут, недавно такой случай, женщина, ехали, я так с ней, нормально всё. Она стала там говорить такие какие-то имена, какие-то там события, такое вот всё. И она: “Как же, ты не следишь?” “Ни капельки”, - говорю. А мне телевизор может не быть. Даже если я смотрю, если я вижу, что информация, я считаю, что ее надо фильтровать, очень-очень фильтровать даже надо. Интернет тот же самый. Оно, смотрите, теперь вот, включаешь, оно тебе выскакивает, давит чем то. Убираешь, оно всё равно давит. А люди, которые слабейшие, они же ведутся на это. “Установить – продолжить – посмотреть.” то ли интерес им что-то действует. И вот, залазят, и залазят, кто знает, куда залазят еще. Я считаю, что фильтровать надо, ой как фильтровать. Для чего же человеку дан разум, какой бы ни был.

В Риге уже нет, долгое время поддерживали контакт, а теперь нет. Ну, просто мы девчонки дружили. Нас сколько, четыре дружили. Ну, они может быть... Не может быть, а точно, наверное, замуж повыходили более удачно, чем я. И поэтому, как то не то что сказать, что завидовала... Завидовала, наверное! Мне было немножечко не по себе, потому что они счастливые, а я не очень, будем так говорить. Теперь я так не считаю, но тогда так. И поэтому, как-то так вот. Не-а, не остались. Я теперь жалею немножко. Одну я нашла через брата, но она как-то не откликается. Кто знает, что у нее там теперь. Жалею, теперь жалею, конечно немножко. Другие, вон, учились вместе и через 40 лет встречаются. А мы со школьниками встречаемся, а вот по учебе – нет. Не осталось. Поначалу я еще ездила в гости к ним, когда уже здесь была, и всё.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Первая моя учительница немецкого языка была дама пожилая, они ещё когда-то в институте благородных девиц воспитывалась, всегда прямая спина, она рассказывала как им тут палку вот так вот, ну ей может 70 лет было, седая, но всегда завивочка уложена, всегда кофточка красивая, бусы подходящие, вот такая она вся, я её почему-то ужасно боялась, а то она меня вызовет, я стою, коленки дрожат, вся трепещу, поэтому я всё старалась выучить. Одним словом шестой, седьмой класс, а потом она ушла на пенсию, привыкла я уже этот язык учить, и у нас пришёл другой учитель, мужчина, нормальный тоже, хороший учитель, но я продолжала учить, и когда уже я сдала историю на 4, сочинение на 4, русский язык на 4, литературу, а немецкий на 5 (*смяецца*), и это был проходной балл, так что благодаря тому, что её очень сильно боялась.

У меня была подруга, в пятом классе она к нам приехала, у неё отец военный, и они служили в Германии и перевели в Поставы, она к нам в пятый класс пришла, и чёта мы с ней так подружились, и на всю жизнь, представляешь, но она когда мы были в классе девятом уехала, отец ушёл на пенсию, переехали в Краснодар, мы с ней потом с пятого класса значит потом уже пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятые классы, пять лет мы с ней дружили, потом всю жизнь с ней переписывались, и несколько раз встречались, и я к ней приезжала, и она ко мне приезжала, и вот до сих пор мы с ней дружим так на всю жизнь, бывает же такое, когда она уехала я конечно и с другими дружила, были у меня

другие подружки, но чтобы так как с ней, нет, я помню как рыдала, когда она уезжала, уезжать всегда проще, чем тому, кто остаётся, да. Я писем её ждала, прям не знаю как, хранила эти письма, там она мне листочек виноградный прислала, такое счастье, потом она конечно институт Ленинградский окончила, за компьютерами она всю жизнь работала, у неё с математикой хорошо, почему же я на язык пошла, у меня с математикой было не очень.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1946 г. н.

* * *

Конечно, если бы сейчас, с этими мозгами, я бы конечно в Польше больше посмотрела бы. Ездили во Вроцлав, в зоопарк, ездили на Зелену Гуру, туда ездили на горнолыжный курорт на границе с Чехословакией. В Щецине жили когда, там много я делала разных экскурсий, в театр ходила. Мужчины с детьми сидят, а мы идем в театр, потом мы сидим, а они идут в театр. Экскурсии по городу делала автобусные. Очень интересно было. Конечно, сейчас бы больше бы посмотрела. Мужья больше были. Мой муж по работе был там, на уровне ЦК. Работал и с космонавтами, и с олимпийскими чемпионами. А мы, жёны, по гарнизонам сидели. Неплохая страна такая. Только тогда была эта Солидарность, отмена военного положения, это конечно было не очень хорошо. Тогда вообще ничего не было, в магазинах вообще пусто. Заходишь в магазин, все стенки вообще пустые. На входе одна сидит кофе пьёт, на другой стороне, на выходе, чай пьёт. Это 1983-1984 годы, вот такое было. Кто что умел сам делать, то продавалось. А так вообще ничего не было, ничего. Мы уже уезжали, там более менее нормализовалось. Я вообще как поехала в одном платице, так в нём и приехала. У меня мама была в шоке, когда я в отпуск приехала. Мы день побыли, а потом поехали на Украину, сразу меня там обшивали. Там у них в гарнизоне, брата жена в ателье работала, там очень хорошая закройщица была. Там ткани были обалденные. Все начальство приезжало к этой закройщице шить. И вот я приехала, меня одели-обули, неделю пожили там. Там же ткани купили. Только деньги давай.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954 г. н.

* * *

В детстве в лапту, в «пекаря» играли, а ещё играли в войну. Ну вот почему-то видели мы эти военные фильмы про Великую Отечественную войну, мы тоже «немцев убивали». У меня два старших брата были. Один старше на одиннадцать лет меня, а средний на шесть. И вот я больше со средним, он у нас заводилой был. Старший, он так хорошо из дерева умел автоматы поделывать, ну и поэтому мы игрались вот так вот. И девочки, и мальчики. Особенно зимы такие были, они ж снежные, столько было сугробов, что прямо вот под крышу домов. Делали бомбоубежища из снега. Интересно было тогда нам, намного интереснее. И когда уже пошла работать, у нас в деревне клуб такой был, очень было весело работать, потом отдыхать. К нам приезжали с Постав и солдаты даже на танцы в деревню, она недалеко, где-то 8 километров от Постав была, и сейчас есть. И так интересно было, клубы были. А когда вышла замуж, опять же, у нас в деревне той, Вереньки, в колхозе Чапаева, пришёл новый председатель, отделал всё, клуб такой хороший, создал условия для работы молодёжи, и у нас был цех по производству пуговиц, там ещё что-то производили, я как зоотехник особо не вникала. Потом создал ансамбль свой, который всегда в райисполком приглашали на какие-то мероприятия играть наших хлопцев. Было очень интересно. Каждая суббота, воскресенье проводились «огоньки». И мы такие счастливые после работы, всегда пятидневной, отдыхали: на озеро ездили, и купались. И все люди, специалисты и простые, вот так вот проводили время.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Цыганоў у нас многа ў Паставах. Работаюць, дажа дворнікамі работаюць. У іх многа дзяцей. Яны раскрычацца ў белым доме, і бяруць іх на работу... А адна врэмя, у дзярэўню прыехалі, там у Чарты былі цыгане, сям'я цэлая дом купіла, дык хадзілі. Хадзілі: дай парашку сціральнага, дай соль, дай таго, ну красць не кралі, ну хадзілі і хадзілі, то хлеба кусочак... Ужо папа жыў адзін, мамы не было ўжо, цыганёнак прылятаў, папа яго карміў, ну што меў, так падкармливаў яго... Да, ў нас цыганоў многа было.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1956 г. н.

* * *

Зразу я прызваўся ў Гродненскай вобласці, там прысягу прынялі і 14 акцябра увязлі нас у Германію. З Франкфурта там распрэздзелілі, я папаў у Патсдам, у танкавыя вайска, заражаюшчы быў, танк заражаць на танку камандзіра батальёна падпалкоўніка. Кажэць, я з цябе зделаю харошэго салдата, і тады вучэбку на шэсць месяцаў, на механіка-вадзіцеля, вярнуўся у сваю роту, механікам паставілі, младшэго сержанта прысвоілі, а патам перавялі на камандзірскі танк, на камандзіра роты, старшым механікам-вадзіцелем. Васемнаццаць разоў толькі Эльбу фарсіраваў і чатыры Шпрэю. Былі армейскія учэнія, армія цэлая, і фарсіраваць Эльбу нада і такі туман, што той стараны берага не відаць, а я першы шоў, зампатех кажа ну ідзі, я пайшоў пад ваду, а мне – першы, я – бераг, стой, я стаў, не глушы дзвігацель, а там такія выступы з каменей, і када цячэнне ідзе – завіхрэніа, і я сеў на днішча, гусеніцы работаюць, танк на днішчы сядзіць, камадзір роты Штанько Фёдар Пятровіч, капітан, равець, а пад вадой цэнтральная сувязь это у механіка, я кабель у зубы і не даў яму. Тады зачапілі, вадалазы, я уключыў перадачу, выключыў, чую – ужо цягне, вывезлі на бераг, прыляцеў камандзір палка – замяніць механіка, а камандзір батальёна гаворыць – а дзе ён ёсць, механік? І тады хацелі мне отпуск, я адказаўся ад отпуска, дык мяне сфатаграфіравалі у развернутым знамені баявой часці (*амаль праслязіўся*).

Вучылі зразу на Т-34, 54, а ўжо у палку нашым былі 55-кі, а радам полк цяжолы палучыў Т-62, дык я і на іх паездзіў. І на самаходнай устаноўцы таксама. А вучэбцы тамака ІС-2 быў, уся цехніка была з вайны. У Т-62 быў лючок, з ракетніцы адкрываць страляць, у нас жа і две рацыі былі. Мы толькі ноччу вадзілі, а стрэльбы ж, наводчыкі, са складным ствалом, 23 мм гэты снарадзік, і двое учэній у год, а кромэ этаго і батальённыя, і ротныя ідуць, а у нас у танкістаў былі незгараемыя касцюмы, бліскучыя чорныя, а во гэтакая во жара, такціка страйвой экіпажамі, разварачывацца паўзводна ілі в лінію, дык о, а абслужыць жа ж.

Гэтак і там, у Германіі, я вам скажу. Марш салдат, летам адкрыта... Едзім у грузавіку, няма ж тэнта. Песні, гармошка у нас усё урэмя. Як увідзяць, дык тады атварачываюцца і плююцца. Для нас жа гэта дзіка, там жа ж прама на вуліцы стаяць, цалуюцца. Гэта ж у нас таго не было ніколі. А салдаты, што ж – гойкнуць. І вот фатаграфія была – над намі шэфы былі – паліцая патсдамская. І вот мы тожа паехалі да іх, перад акцябрскай. Вечар таржэственны ў клубе должен быць, а мы паехалі на аўтобусе, ну, радам тут. Першы раз увідзеў целевізар – у іх, у немцаў. У арміі ж ў нас не было, толькі радзіа стаяла Волга, перадавала. Як пастаўская шарманка гэта раённая, таксама і там была такая. Целевізар гэты ўвідзелі... Ну і нас угасцілі яны... Бутэрбродзік, піва паставілі, музыка. Былі ж гэтыя іхнія, паліцайкі... Патанцавалі... Камсамольскай арганізацыі палка нада ж на таржэственную ехаць – не хочам ехаць, і усё. Фатаграфія ёсць недзе тамака. Адзін гэтат немец, лейцenanт, па-руску гаварыў. Яны з намі сядзелі. Нас трох сяржантаў і іх дваіх. “Брат, ты можа шнапсу?” Афіцэры ж сядзяць во, тамака

(паказвае) у цэнтры. Ну, прынёс... Прынёс у бутылцы з-пад піва. Цёмная бутылка. Мы там па грам, можа, пяцьдзсят выпілі. Ну дык было так: едзім, а ён на веласіпедзе ўсё ездзіў – гэты, каторы па-руску гаварыў. “О, камерад!”, – руку падымае. Сам тоўсты. Патэдам жа ж ён горад такі, што напічканы быў... Мы грузімся на жалезнадарожным вакзале – цехніку на вучэнні, а мужык з роварам цягаецца сюды-туды, з веласіпедам... А ў кожным палку ў нас асобы аддзел быў – асабнякі. Яны не падчыняліся ні камандзіру палка, нікому. Яны маглі араставаць яго... Маскоўскія былі... Яго задзержалі, гэтага немца. Аказваецца, у яго ў фары фатапарацік. Здымаў цехніку. Хадзілі на экскурсію ў парк Сан-Сусі, второе места ў Эўропе занімаў... Красівы парк, фатаграфіі ў мяне... У мяне ўжо свой фатапарат быў, фатаграфіраваў... Красівы парк... Сказалі: “Болей не пойдзем”. Вздодам, камандзір ідзець з табой. Чуць не строем. Не расцягнуцца... Жара, летам... Прадстаўляеце? А так, лёталі на фіззарадку туды, у парк, асобенна вясной, перад кросам – і туды... Старшына... І пайшлі туды, у парк... Красівы быў... Фігуры такія... Былі, расказвалі, што там ранша была. Два браты служылі, танкісты, у яблыкі пашоў брат. І не прышоў. Пашлі ж туды глядзець. А ён на яблыні павешаны разрэзаны і яблыкаў напіхана. Завёў танк, прышоў (другі брат), чатыры дамы знёс. Праўда, ці не праўда... Усякія ж легенды там, знаеце... А ўсё ж строга... Якія ўвальненія? Ніхто не хадзіў. Куды там хадзіць? Аднаго-двух не пусцяць, а вздодам не выходзіць. За то кіно пачці кожны дзень.

Ну, усякія былі... Гдзе тут успомніш... Столькі гадоў прайшло... І харошыя, і так... Кінабаза была, ахранялі – двухсменны пост. Ноччу толькі, а ў выхадныя ўжо і днём. Дык вот, чэраз іх... У водпуск прыязджаў... Тожа, часы купіўшы быў... У мяне былі часы, там купіў. Дык чэраз гэту кінабазу торг ішоў тут. Там радам забор, а там немцы, танкісты тожа. І усё “Камерад!” Камяні падкочаны, каб... Нармальна там... Але ж немцы, бывала раманціравалі сталовую, кралі. Строілі (стадзіён там быў заброшаны), строілі агнявы гарадок, а там кабель – на кабель нараваліся... Свет варавалі ад часці. Ну нічога, дружна, дружна... Я вам скажу, што, як кажуць, дзедаўшчыны – не было. Не было. Помню, Сыскоў такі: “Ну што, нада вам прысягу, мусі, прынімаць!” Пасмяяліся. Ну проста, знаеце как – на кухню ўжо ідуць... І пост могуць даць другі. А каб нарад уне очэрэдзі, не было там гэтага. Туалеты там мыць ілі калідоры – не... Ну, за што? Там няма за што. Нарушэнні то нет. Я два разы палучаў нарад. Першы палучыў на кухню. Перад абедам. Выхадны дзень, значыць... У клуб нада. А быў у роце старшы сяржант свэрхсрочнік, баксёр. Па боксу сарэвнаванія... Ну і мяне, значыць, з ім біцца... Я кажу: “Я не пайду”. І што вы думалі? Адправілі на кухню. Ну дык то ж баксёр, а я перчаткі – кажу – у руках не дзяржаў. Другі раз папаў тожа... Заступалі ў гарнізонны каравул. Гэта ў Крампніцы. Там і развод ідзець у часць, ужо туды... Не свой. Свой жа ўнутренні каравул, а гэты ўжо гарнізонны, за часць выязджаець. Ну і перад абедам, значыць, пастроіў ротны... На старшыну: “Завядзеш, паабедаете і вядзі назад цехніку абслужываць”. Я ўжо на камандзірскім танку быў... І са строя, значыць: “А гдзе самападготовка к нараду?” Гэта ж атдыхнуць нада, паспаць палажыцца. “Хто сказаў?” Без разрашэння, руку не падняўшы... Высці са строя. Я выйшаў са строя. “Завясці, – на старшыну, – на кухню”. А я с адпуску быў аб’яўлены в акцябре, на акцябрскую, прыехаўшы ад немцаў ад гэтых, паліцай... Я тры месяцы хадзіў з аб’яўленым... “Пайду к начальніку штаба, каб вычаркнуў табе адпуск”. “Ну, харашо, хай вычоркнае”. Ужо трэці год служыў... Ужо не страшна было. Ну, завёў старшына мяне, я там на сваю роту загатоўіў на сталы ежу... Прыходзіць яшчэ шэсць чалавек, механікі. А нас было сем чалавек стараслужашчых, механікаў-вадзіцелей танкістаў. І яны прышлі, за мяне пашлі ўжо... Ну і ўсё – пасля абедар старшына іх забраў. “Пашлі!”. Кажу: “Не, не пайду. Хто мяне адправіў, пускай той і прыходзіць здымае”. Пашоў, ротнаму далажыў, што я адказаўся. Усё раўно ўжо – што будзе, то будзе. Прыходзіць: “Пашлі!” Ну, пашлі. Нарад не паставіў! Адзін астаўся ў роце, у каравул не адправілі, патаму што з аружьем. І тады мяне вызваў у канцылярыю. У мяне ж фотаапарат быў. І яму за роту атлічную тожа фотаапарат далі, падарылі. І ў яго жана радзіўшы, рабёнак маленькі яшчэ. І плёнка – ён сняўшы – там яна і грудзьмі корміць... “Усё, я табе... Давай, будзем дружна жыць”. А я ж

на ягонай машыне вазіў яго... “Пойдзеш пасля адбоя ў хозкомнату – наверх, на трэці этаж, на чардачны. Зробіш, каб ніхто толькі не відзел, не паказвай нікому...” Ну, канешне, бумагу мне купіўшы, і праявіцель, і закрапіцель... І я зрабіў, яму аддаў. Друз’ямі патом сталі. Дык, у караул не адправіў. А так, усюды з сабой. Гдзе на экскурсію якую... “Распішыся” – тады ён распішыцца, ужо “напішы, напішы тое і тое”. У гарнізонны заступалі на КПП... Еды ж з сабой... Там эта ж, аштрафаванныя тожа сядзяць на гауптвахце... То, камандзір, зам па цех, тожа з сабой у парк... Тры гады адслужыў, і ўсе тры гады быў пераведзен прыказам на першы пост – на ахрану знамені. У вучэбцы, і то пасылалі... Перавялі туда... Беларус Саладуха быў камандзір палка. Стаіш, як ідзець – дык па стойку “смірна”. Руку прыжмець, і пашоў, пашоў... Ну і не блага, а як зімой, дык цем более ўжо... Хаця ж там зімы слабыя ў Германіі былі, макрата...

У Споры хадзіў у школу... Зразу, да чатырох класаў радам, у Доўжы – кілометр, а далей у Споры, 6 кілометраў. А зімой, завываець... Туды-адтуль... Цёмна выходзілі, цёмна прыходзілі, і прыйдзеш – ні света... Свет жа ж зрабілі, толькі далі ў нас... Я з арміі прыйшоўшы, свету яшчэ не было ў вёсцы. Не было... Стаўбы ставілі. Радзіо правялі, стаўбы, – было, а свету не было. Это у 1962 гаду я прыйшоў, вот... Не было. У 1963 шчытай, я ўжо 30 акцябра я прыйшоў у 1965. У 1966 толькі далі.

Ну вот, восемдесят першы год... Бывала ж не адкажэшся, і вып’еш. З палучкі, бывала калі там, калі там па буталачцы. Ці на дваіх бутылачку... Вабшчэ заразам (спачатку) нічога не было. І на мясакамбінаце... Сухі, шчытай, закон. Ну, кагда пастроілі халадзільнік на трыста тон аднавременнага храненія, грузчыкаў панабіралі, ската ж ужо болей стала, усяго... Усякія папрыхадзіўшы. І усе паухадзіўшы...

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1943 г. н.

* * *

Я была в принципе активный человек, во всех мероприятиях школы принимала участие. Начала с гимнастики, лёгкая атлетика, лыжи, плаванье, туризм. Мы постоянно держали первое место, у нас даже вот мы как начали с 5 класса туризмом заниматься. По окончании школы мы с нашей школы всегда занимали первое место. Нам даже давали, в 1972 я в школе училась, в 1971 году, нам, за то, что первое место заняли нам дали путёвку, мы ездили в Питер. Всей командой туристической. Там, по-моему, ещё пару отличников к нам прибавили. Было интересно, у нас так, ну в принципе мы и вот этой группой как люди. Встречаются там классами или ещё как-то. У нас было, у нас 3 параллели было: «А», «Б», «В». Мы с одного класса «А» были, а ребята, у нас весь цвет был со всех трёх, мы всё. Постоянно вместе, всё вместе, ходили, гуляли, в походы ходили. Начинали с 9 мая, ходили в походы и потом летом ходили. Активный образ жизни вели. Ни то, что сейчас в этих телефонах (*смеётся*). Раньше только на улице, улица, улица.

Вы знаете, раньше у нас, вот у нас центрально, была площадка и каждый год, нам дом управления давал эти. Во-первых, у нас была хорошая площадка во дворе: баскетбольная, волейбольная. На зиму нам делали коробку, заливали. Турники были, качели. Было очень хорошо, и каждое лето дом управления выделял очень много игрушек, игр много выделяло, волейбольные мячи, баскетбольные мячи, лото, бильярды небольшие. Всё было очень хорошо на счёт этого. Всё это было вот, приходили со школы пионервожатые из пединститута девочки студентки. Было ещё паб - «Центр» он, наверное, назывался, мы туда приезжали, приходили, там сейчас тоже со всего города эти площадки приезжали, там масса была игр. Выдавали, приходили, просто давали мячи, там соревнования какие-то проходили. Весь день играли, потом приходим и сдаём. На счёт этого было всё очень хорошо. Всё лето, помню, у нас все соседние дворы у нас все приходили к нам. Вечером мужчины всегда играли в волейбол, молодёжь. В баскетбол играли. Зимой всегда в хоккей играли, а зимой у нас, вот река Хопёр и Хопёр там такой посёлок, вернее, деревня Мача была, и там возвышенность – большие горы, и постоянно

весь город ходил в воскресенье, вот мы в центр приходим, переходили через реку. Там лодочная база была, и прокат был, там прокат коньки были, и лыжи и все брали и уходили. Шли километров 5, идёшь по дороге, вроде просеки идёт. Там уже 5 километров трасса, 3 километра трасса, трамплинчики, всё такое. На стадионе тоже было всё, коньки давали. Всё на прокат было, копейки стоило. Не скучали мы, по крайней мере. Дурных мыслей никогда не было, никуда ничего, дружно было. Даже сейчас, сколько лет прошло, встречаемся. Когда я приезжаю, я приезжаю и всем говорю что приехала, они мне сразу говорят: «Когда ты можешь? Когда за тобой заехать?» Все уже при должностях. Все мои одноклассники, те, что со мной в родном городе остались.

Если честно, меня муж всегда знакомил. Я никогда, никуда не выходила. Никогда не выходила ни с кем знакомиться. Я приходила, открывала окно, кресло пододвигала, занимала так. А так, мне приходилось из-за мужа, я была председателем совета полка. Мне приходилось и все мероприятия проводить и даже художественную самодеятельность, которой я вообще петь не умею и ничего. Приходилось быть, для количества (*улыбается*). Конкурс был, я говорю: «Девочки, не буду, ну как такое? Я не буду». Все ж должны и я должна. Вот ко мне, ну ладно, я буду стоять, и рот открывать - песни петь. Выходим, и тут, что-то такое, народ как-то так двинул меня, и остановили возле микрофона. Я чуть сознание тут не потеряла. Думаю: «Господи, не дай Бог!» (*смеётся*). Вот действительно я бездарная, ни слуха, ни голоса, ничего нет.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1956 г. н.

* * *

В Болгарии были. Проходили турслёты, и мы ездили на них. В 1978 году нам дали путёвку, комсомольская она была в Болгарию. Нам дали их на колхоз «За Родину», я тогда ещё не замужем была. Оказали нам помощь от профсоюза, от колхоза, и она стоила в то время тогда 380 рублей. Курс рубля и доллара был в то время примерно приравнен. Наш рубль был очень ценен, говорили даже и одного доллара не было, девяносто два цента. Болгария для нас была тогда очень интересная. Мы приехали, нигде очередей не было: ни на вокзалах, ни в магазинах, а у нас везде столпотворение и в кассы невозможно добиться было. Помню, что на автобусы было не пробиться: людей столько много. А очереди в магазинах сумасшедшие были. А там в Болгарии придёшь, бери что хочешь, никого нет, приходишь и сразу всё покупаешь. Особенно для девушек важно ж было киоски с бижутерией. Ой, там всё завешено, всё красиво! А денег-то что, поменяли нам только триста наших рублей, даже не полных 270 левов было. Скромненько всё было, туда-сюда. Помню сапоги купили такие красивые, с толстой платформой. Не хотелось и замуж выходить, хотелось поездить вот так и чтоб денег было больше. Зарплата для меня молодой 137 рублей была.

Это был, наверное, 1986 год. Ну, вообще не понимали, что это такое, и не знаю, теперь мы уже начинаем понимать это. Ну и потом уже, а сразу, я как раз беременная была в это время была, и мы вместе в колхозе дружили парами, постоянно во всякие мероприятия мы собирались, то Новый год, то Рождество, то Восьмое марта, то на «Аганькі» все вместе. И у нас получилось, что я беременна, ещё одна, и ещё одна, нас трое, и потом ещё одна. Ну короче, где-то 4-5 женщин, мы в это время как раз беременными были. И наши дети, они все такие полноватые. Мы говорили: «Может это Чернобыль так повлиял?». Мы были дальше, мы просто слышали, начали потом думать: «Ай-яй-яй, а как вообще». Нас начинали успокаивать, говорили, что всё нормально, ничего страшного. Может к нам какая-то часть залетала ветром, никто не знает, но особо, чтобы настолько, именно от этого, я не могу сказать. Весной, как пройдёт дождик, такой желтенький налёт на воде, и все начинали: «Ой, смотрите, это радиация». Вот так было. Но это не радиация, от одуванчиков эта пыльца, или от сосны. В то время всё было тихо, как могли они скрывали вот это всё, чтобы поменьше было информации.

До этого мы ещё как-то жили неплохо. В 1986 году мы денюжку перечисляли на книжку, и потом после этого можно было пойти снять. Пришёл, сказали, что в Нарочи есть секция. Я тут быстро Сашу своего к соседке и быстренько поехала 9 километров на велосипеде смотреть, что там за секция и быстро приехала, денюжку сняла с книжки и поехала купила. Сейчас этого не сделаешь, как бы ты этого не хотела. Допустим я, я не знаю, у кого-то же денег навалом. Я не могу сказать. Когда я сейчас ещё на другой работе с декабря месяца. Вот выйдет со строя вещь, я не куплю её за раз. Нет у меня. А тогда вот так было. И потом, как развалился Союз, что у нас стало, что мы стали получать. Стало денег не хватать. Вот так я что-то помню, вот эти зайчики, вот эти купоны какие-то, и дефицит товаров, и всё на свете. Да, это было сложно. Но всё равно, как-то привыкаешь к этому, ну и находишь выход какой-то из этой ситуации. Был у нас момент, муж выпивал, в этом колхозе ни черта не зарабатывал. У нас не было чем кормить скот, отправили в Гродно заготовливать, упаковывать, рулонить, чтобы сюда отправлять. Мы собирали картонные коробки на свалке и сдавали, чтобы до зарплаты дотянуть. Запрягали лошадь, отправлялись ближе к Нарочи, где была свалка. И вот так вот ездили, так перебивались. Свекровь тогда ещё пенсию небольшую получала. Ну как-то было немножко сложно, но как-то выжили.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

У дзярэўне жылі і куда мы там ездзілі? Да Пастаў, базар был, у базар прыезжалі пакупаць што-нібудзь. Базары маленькіе такія былі, ніхто нічога не прадаваў, у кожнага сваё ўсё было, а кагда ўжо паявіліся ваенныя, ужо людзі на чачалі малако прынасіць ваенным, ячкі, масла на базар прадаваць. А так, базаров такіх і не было. Былі такія што-нібудзь там, можна сказаць, прыезжалі с другіх стран, прывозілі што-нібудзь, но эта очэнь рэдка было. Кагда ваенныя папрыезжалі, тагда насілі ім, заказывалі. Напрымер, дагаворацца і пранасі малако. Сколькі? Два літра, тры літра. Нескалькі сямей набярош дзесяць літраў і раз у нядзелю, два ў нядзелю прынясеш ячкі ім. Ну, літр малака тады дзешэва был. Магазіны пастроіліся, адкрыліся спецыяльна для ваенных. Я вот работала ў шэстом гарадке для ваенных, там магазіны, там былі лётчыкі асобенна, а ў пятом гарадке былі ракетчыкі. І для ваенных спецыяльна быў магазін, куда гражданскіе очэнь рэдка хадзілі – і не пускалі, даке стаяў салдат і не пускаў. Напрымер, муку прывазілі, крупу всякую, пачэнь, макароны – гэта для народа не давалі. Калі распрадавалі, набяруцца ізішкі, тагда можна і прадаць народу. Асартымент у ніх был багачэ.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Ну вот, я работала ў апцеке, ну ўсе былі дружныя, нікагда нічога ніхто не спорыў. Нада работу якую – памагаеш. Аднаму там нада прынясці што-та ілі дома с апцекі нада паполніць што-та, дык я, еслі я маю час, я пайду ім памагу. Хадзілі мы як-та перамяралі ўліцу ў 1960-х, сколько метраў сейчас не помню, но было 60 дваров. І ў нас только пару чалавек, там былі такія мужчыны, каторыя любілі выпіць, ну і паганяць жену. Все асталыя друг другу так памагалі. У дзярэўні очэнь была дружба. Ніхто ні з кім не ругаўся, не было такога. Патаму што былі ўсе занятыя работой, ну калхоз быў. Я всё время ў калхозе жыла, сколько дзярэўня была, дык ён не только калхоз, сена нада было гдзе-та найці ўкасіць, ну была такая дамашняя работа. Ну мы і ў калхозе памагалі, малацілі лён. У то врэмя, я бы сказала, быў очэнь дружны народ.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Да і саседзі очэнь харошыя ўсе. Тут і вот, нашы разам усе прыехалі сюды жыць у адзін год, маладыя ўсе, 1977-й.... 1979-й год... Вось так вот жывём. Вот тут 3 дома падрад, ва ўсіх муж'я паўміралі. Дак мы тутакса сабіраемся бываіць. Вось учара ўтраіх сабраліся, тут на лавачкі, пагаварылі. Успомнілі моладосць... Хто што там раскажаць (*смяецца*), адна, другая, трэцяя. У нас і радасць тады. Тут жа 3-4 Цэхава, а наша вуліца самая дружнейшая. Вот, напрымер, бяда случылася. У мяне вот муж памёр у хаце тут, унязапна, ці інфаркт, ці сэрца разарвалася ноччу, ну а што рабіць ноччу. Адна я.... Усе саседзі прыбеглі. Яго ноччу забралі ў бальніцу. Усе саседзі прыбеглі ўсе, хараніць памаглі.

У гэтым гаду дажэ дзень Пабеды пасядзелі, хто які празнік, сабярэмся, но без мужыкоў, няма ў нас тут мужыкоў, адзін толькі ёсць, Антон, во сасед, во калі гэты было, дажэ папіялі, пасядзелі. Ну гарэлкі не пілі, там нямножка, я ваабшчэ не п'ю, пасядзелі, танцавалі дажа... У баню дажа ходзім к саседке, суботу я таплю, суботу яна, ну штоб дроў меншэ было... Тут вось саседзі пастроілі маладыя жывуць. І мама ёсць. Але яны маладыя жывуць, дак тожа мяне завуць.... У то врэма, як кажуць, я заслужыла аўтарытэт срэдзі гэтых саседзей, няможна было макарон купіць, не было нічога, прывязеш гэтыя... Так бяз вочэрадзі дасі, і каўры па талонах былі, у тое врэма, у 1980-я, у 1990-я гада... Дак как-та ўважаюць мяне тут, вот. То сахару, то мукі, то таго прывязуць у магазін....

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1956 г. н.

* * *

Я ездзіў нескалька раз у Польшу, быў у іх. Вот, знаеце, адзін мой родственік, ну іх нескалька, і це, я не помню, як гэта места называецца, які эта горад, де яны там, галоўная фабрыка Ікея ў Польшы. І я хацеў да іх, прывязацца, каб што-нібуць рабіць для іх, каперацыя каб была. Я паехаў туды, на завод мяне не пусцілі, ну вобшэм вышаў ён там рабіў нейкім чыноўнікам на заводзе на гэтым, траюрадны той брат, ён выйшаў, прыслаў мне потым па факсу тады яшчэ чарцяжы, гэту дэталі я зрабіў, ну як пашчытаў, сколька яна будзіць стоіць у нас палучалась у Беларусі... Метал ужо быў тады, 1995-ы хай год быў, ужо метал быў даражэйшы, чым у Польшы. А перавозка? А вязці ж ты будзеш не 200 кілаграм этай дэталі... Паэтаму мы палічылі, што эта ўбытачна проста. І пака ты накупіш гэтых дэталей... Каперацыі ў нас не палучылася, ну яны там жывуць. Тады яшчэ адзін мой брат, я да яго ездзіў, машыну купляў там і раз, і другі раз. Тады ж можна было ганяць машыны сабе. Ну, тады адну прадаў, а другую... Ну, не важна... Ён быў там дзірэктарам прадпрыемства тожэ па металаапработке. І я ў яго пытаюся, помню, гавару, а язык ты знаеш дапусцім. Гаварыт: «Разумныя людзі заўсёды дагаворацца, не нада язык». Не знае ён не англійскага там, не французскага, ну ён быў дзелавы.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

У Індыю я трапіла дзякуючы таму, што працавала ў камсамоле. Ведаеце, я вельмі любіла індыйскія фільмы. Вы ж ужо новае пакаленне, да іх па-другому адносіцеся. А я моцна любіла індыйскія фільмы. І я нават перад паездкай у Індыю, такі ён Батыр Закіраў, узбек, ён на розных-розных мовах песні выконваў. Шмат і ў яго сястры, Луізы Батыр-Закіравай, яны таксама спявалі на хіндзі. Ну і я, разумею, я як, хто-небудзь спявае на ангельскай мове, ён разумее ангельскую мову. А я на хіндзі нічога не ведала. Толькі ведала, што “пріа” гэта любімая, усё. Больш на хіндзі я нічога не ведаю. І я едучы ў Індыю, я вывучыла з пласцінак песню на хіндзі. І некаторыя нават урыўкі з кінафільмаў. Наша школа, я ўжо ўсіх так атравіла гэтай Індыяй, што ўсе спявалі, усе на гэтым на хіндзі гэты куплецік спявалі. І цяпер, калі сустрэнемся, ну яны ж усміхнуцца. Нават мае вучні

ведалі гэта, тут і школе, ой, мы прадстаўленне арганізавалі такое індыйскае цікавае. Ну і вот я моцна хацела трапіць у Індыю. Для мяне, я казала: “Калі я пабываю ў Індыі, значыць я магу ўжо і паміраць”. Дык пасля як я з’ездзіла ў Індыю, сустракаюць помню; не, ня помню, ну нехта з хлопцаў з нашых, з былых аднакласнікаў. Кажуць: “А ты яшчэ жывеш?” А я кажу: “А што такое?” Кажуць: “Так ты ж у Індыі ўжо пабывала!” А ведалі, што я так хацела. І як я працавала ў райкаме камсамола, вот тады мы рыхтавалі канферэнцыю, першая мая канферэнцыя, толькі мяне выбралі. На пленуме выбралі сакратаром, а тады я ўжо канферэнцыю рыхтавала са сваімі работнікамі. І да нас прыехалі метадысты з абкама камсамола. І кажуць: “Дак ты Індыю любіш, а ў нас у абкоме ляжыць пучёўка гарашчая, што трэба ўжо дакументы аддаваць, а ніхто не хоча”. “Іх! Што вы?” - кажу. І я так загарэлася, у момант. Тут жа ж сталі афармляць дакументы, но гэта было чуда, як афармлялі гэтыя дакументы. Паслалі, ну ўсё аформілі, паслалі дакументы. Прыходжу: “Ты знаеш, там напісана “палітычэскі граматына”, а недапісана “маральна ўстойчыва”. А за мяжу ж трэба, каб была маральна ўстойчыва. Усё дадрукавалі “маральна ўстойчыва”, накіравалі. Ну і ўсё ж такі я паехала ў гэтую Індыю, вот пабывала ў Індыі. Я часта цяпер і ў раённай газеце, і ўспаміны друкую, вот калі шоў ковід, там паказвалі страшныя спальванні гэтых індыйцаў, дык я нават пісала артыкул і ўсіх вучыла. Вот часта вы бачыце па тэлебачанні, па радыё, ну так дапускаюць памылку, гэта моцна неграматына! Я думаю вы са мною згодзіцеся. У Індыі, і іх не адна рэлігія, ну так, як у нас: католікі, праваслаўныя і... Так і ў іх; у іх жа не толькі індусы, у іх мусульмане, у іх будысты, у іх ідзе дзяленне на рэлігіі. Не, усе: “Мы пагаварылі, індусы таксама згодны!” А чаму вы не задумываецеся, што зараз мусульмане падумуцца, скажуць: “Да якія ж мы індусы, мы жа мусульмане!” У мусульман адзін Бог, у хрысціян адзін, у індусаў шмат. Дык індусы - гэта рэлігія, індусы - гэта не нацыянальнасць. А вось моцна часта і па тэлебачанню гляджу, і дзе “60 хвілін” - гэта перадача расійская, дзе стаіць гэтая Вольга. Ну ты ж вядучая, ты ж граматыная жанчына. Не, індусы! Калі гавораць пра індыйцаў, у іх індусы! Ну дык я ў раённай газеце тлумачыла, што там ну якіх спальваюць-спальваюць, дык тлумачыла, што хто-та спальваіць. І нам жа паказвалі гэта, мы ж бачылі, як спальваюць. Мы паплылі па Гангу, і я, разумею, цяжка нам было з сацыялістычнай краіны бачыць, што там робіцца. Вот мы прышлі, 2 лодкі, мы ж павінны расесціся ў лодкі, і ў нашу лодку садзіцца хлопчык, такі гадоў 12 і мужчына. А індыйцы, яны ж маленькія. Вот іх паказваюць у фільмах высокімі такімі, а яны вот як в’етнамцы, у большасці мужчыны такія дробненькія, худзенькія. І садзіцца такі худзенькі, такі нейкі знямоглы чалавечак, садзіцца на гэтыя на вёслы. Што вы! Нашыя хлопцы тут падыходзяць, просяць гэтага хлопца і мужчыну падняцца, што будуць самі працаваць. А нам, які нас суправаджаў з аддзелу турызма мужчына сказаў: “Не рабіце, таму што ім не заплацяць за цэлы дзень працы”. І ўсё, мы плывём, прабачце, барчукі; а гэтыя няшчасныя гэтымі вёсламі кіруюць. А нас было 22 чалавекі па 11 у лодцы. Дык нам было цяжка. Ну вот як мы праязджалі, мы назіралі гэты абрад індусаў, як адзін чалавек ужо дагараў, касцёр дагараў. Гэта па Гангу было. Індзіра ў нас пасля запытала ці купаліся мы ў Гангу. Дак мы толькі паднялі вочы на кіраўніка з Масквы і на перакладчыцу, ніхто і слова не сказаў. А яны не ведаю, што там па-ангельску гаварылі, там нешта гаварылі. А чаму? Падыходзім да ракі, там столпатварэнне, там народу ўсялякага ўзросту, усялякага адзення, дзяўчаты дак усе ў сарі. Найбольшая разнастайнасць ў мужчын, у іх і спадніцы, і вышэй, і ніжэй рознае адзенне ў мужчын. І вот стаят тыя, хто пракажонны, яны свае язвы абмываюць, гэта вада сцякаець сюды, а тут жа ж побач стаіць хтосьці ўнутраныя хваробы лечыць. І яны падхопліваюць гэтую ваду і тут жа пачынаюць піць. Гэта ж глядзець няможна! Тут нейкія буйвалы плаваюць, тут нейкія хлопчыкі плаваюць, яны сплёвваюць гэтую ваду. І вот тады мы паплылі далей, ну і вот гэты бераг, дзе спальвалі ўжо памёрлых. Так вот я кажу, што адзін чалавек ужо дагараў, а тут перад намі прайшлі. Вот як у нас працэсія ідзе сзаду, суправаджаюць ужо чалавека. А там толькі некалькі, адзінкі ішлі. А так, 4 чалавекі нясуць насілку. А на насілках неслі жанчыну. Дык вот адзенне на вуліцы, яно не яркае, нейкія бледныя колеры. А вот тая

жанчына, якая ляжала, там ужо яркія колеры на ёй, і кветкамі яна ўпрыгожана. І вот яны здымаюць гэтыя насілкі, на зямлю ставяць; з Ганга вадой яе апырскалі, паднялі гэтую жанчыну, перанеслі на касцёр, дровы былі складзены ўжо. І тады яе паклалі зверху і падпалілі. Дык у час ковіда гэтых кастроў было шмат-шмат, дык там страх забіраець, як гэта столькі індыйцаў гарыць. Ну гэта толькі індусы, а мусульмане яны ж хаваюць. Но толькі індусаў не блытаць з нацыянальнацю. Індыец - гэта ёсць індыец, а індус гэта як каталік, праваслаўны. Ну і там сярод нас сядзіць Індзіра Гандзі і член парламента гаспажа Чаван. У нас ёсць гэтыя фотаздымкі, гэта перакладчыца з ЦК камсамола, гэта яе целахоўнікі два, гэта містар Акуджа з аддзела турызма і вот мы сустрэкліся. Гэта алтайцы; мы былі беларусы і Алтайскі край. Вот гэта я сяджу. Нас перасаджвалі, я адразу села недзе тут, нас рассарціравалі, перасаджвалі; не ведаю чаму, што там глядзелі. Ну і вот тут мы, таксама вот на гэтым фотаздымку; вот гаспажа Чаван. Адразу прыехалі, ведаеце, прыехалі туды і вот гэтыя вяночкі, якія адзяваюць сустрэўшыся, калі вы іх будзеце ў Індыі, наперад запомніце, іх трэба тут жа зняць. Нас гэта навучылі, а мы, ну адкуль мы гэта ведалі?! Я так шмат ведала пра Індыю, я кніжкі перачытвала, но вот гэты абрад сам не ведала. Нам тады растлумачылі, што гэта нам такую пашану аказваюць, а нам трэба паказць, што мы яшчэ не заслугоўваем такой пашаны і здымаем вяночкі. Ну дык вот тут ужо гаспаджа Чаван, яна сабрала сваіх родных, іх шмат-шмат было, і нас запрасілі туды. І я не ведаю як: можа я ў пакоі гэту на хіндзі наспявала песню; перакладчыца кажа: “Рэгіна, а просіць індыйцы, каб ты праспявала песню на хіндзі!” Божа, я ж не ведаю хіндзі, кажу, што толькі для сябе спяваю. “Нічога! Яны згодны, яны паслухаюць”. Ну вот і я з фільма “Гаспадын 420” стала спяваць гэтую песню. Як жа яны слухалі, і прытопвалі, і прыхопвалі, і прыхопвалі, і ківаліся! Ну што, прыехалі беларусы, яны можа гэтых беларусаў ніколі ў вочы не бачылі. А тады праспявала, а яны: “Яшчэ”. А я таксама другую, быстрэйшую. А потым пытаюся ў перакладчыцы, а ці многа я дроў наламала. А перакладчыца ім перавяла. А яны: “Ноў-ноў! Сэнк ю вері-вері мач!” Ну думаю, трэба ж хваліць. А як я там спявала, ну вот, што я з пласцінкі спявала. Ну вот прабачце, надурываю я вам галаву, ну вот я моцна люблю Індыю, я і прадаўжаю яе любіць. Дарэчы, “Зіта і Гіта”. Артыстка, якая выконвае роль і Зіты, і Гіты, яна мая равесніца, мы з ёй аднагодкі. І цяпер я глядзела ў газеце, паказвалі, як яна цяпер выглядае; ну яна ж таксама пажылы чалавек. Я кожны раз, як гляджу фільм, думаю: “Ну Божа! І я ж яшчэ маладая ў гэтыя часы”. Дык я так цешусь, што актрыса майго ўзросту выконвае роль.

У нас у школе вельмі любяць... я пісала кожнаму на юбілей такія, як іх называюць, буслянкі. Яны даюць дадзеныя там, ну вот, у якой вёсцы нарадзіліся, як прозвішча было, таму што жанчыны прозвішча змянялі, хто муж, хто што. І вот у такой шутачнай форме, у такой гумарыстычнай, я кожнаму прысвячала гэтыя буслянкі. Ідзе поўнасю іх біяграфія. Дык у нас у школе моцна любяць гэтыя буслянкі ўсе напамяць. Дык цяпер, я ўжо сказала, што пасля смерці плямяннікаў адказваюся пісаць, а вот наша старшыня камітэта прафсаюзага падыйшла (*і кажа*): “Я вас прашу, я ўсё жыццё чакала буслянку”. У аўгусте, у жніўне, у яе юбілей. Ёй будзе 50 год. Першыя буслянкі бываюць у 50. Тады ў 55 і ў 60, і ў 65. Ну і вот яна на 50 просіць, каб я ўсё роўна напісала буслянку. Можаце паглядзець. Вот:

“Сонца міла глядзела, цяплом усіх сагрывала,
З нябёсаў птушка ляцела, да Галовак у двор кіравала.
Павел выбег з хаты, услед за ім і Анна.
Збегся народ быкаваты, на неба глядзелі ўсе апантана.
Птушка – белае знаменне – лоўка ў двор скіравала
І на агульнае здзіўленне клунак на ганак ураз паклала.
З пакунка вочкі глядзелі дзяўчынкі. Нібы маленькія,
Ад шчасця бацькі зіхацелі. Імя дачушкі будзе Ірынка.
Суседзі да клунка спяшалі. Красунька ж усім усміхаецца.
Бабулькі хорам рашылі: ой, майская ды намаецца.

Застолле бацькі распачалі. Пітво лілося ракою.
Госці спявалі, скакалі. Ніхто не быў у спакоі.
Зімы ляцелі, вёсны міналі, з імі Ірынка прыгажэла, расла.
Інстытут у Віцебску, настаўніцай стала. У абаяльным Валодзю шчасце знайшла.
Бусел да іх прылятаў аднойчы. З пакункам, перавязаным ружовай стужкай.
Аттуда блішчэлі смяшынкі-вочкі: птушка прынесла Насечку-дачушку.
Таленавітым вырасла іх дзіцятка. У сталіцу скіравалі яе вучыцца.
На жаль не убачыў гэта тата: пайшоў з жыцця, бо ад бяды не адкупіцца.
Але жыццё прадаўжаецца, бягуць за днямі дні, майскае сонца ўсміхаецца.
Не сумуй, на мяне зірні!
А сёння шчыра мы сустракаем Ірыны Паўлаўны з пазалотай юбілей.
Здароўя моцнага ўсе жадаем, павагі ад дарослых і дзяцей,
Каб ад сяброў не мела здрады, цяпла ад родных вам людзей!
А мы вітаць вас будзем рады ў стогодовы юбілей!”

Ну вот у кожнага свая біяграфія, у кожнага там свае прозвішчы, у кожнага свае мужы, у кожнага хто там памёр, хто не памёр. Там і памёршых бывае ўспомнім, і сляза бывае. Ну а ёсць з гумарам вот такія буслянікі. Усе так любяць гэтыя буслянікі. Ну так вот у кожнага ёсць такая бусляначка. Цяпер і 50-ці-гадовая. Вот кажу, што пасля смерці пляменнікаў не магу, вот, як гумар, вот такое тады, баліць. А так у мяне шмат-шмат гэтых складзеных для нашых настаўнікаў, шмат пакаленняў. Но яно, канешне, гэта не вершы, но гэта ад душы такі фальклор. Свой настаўніцкі, свой мясцовы. Вот, а кожную біяграфію, ведаеце як усім хочацца прачытаць пра сябе ды, ну, хаця б сказаць, і ў вершах. Пагэтаму шмат у мяне такіх твораў. Ну іх буслянікі назвалі. Пагэтаму буслянка гэта толькі ў нашай хаце.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1948 г. н.

* * *

У нас у дзярэўне не было ніякай ненавісці. Саседняя дзярэўня была 42 дамы, а ў маёй 7 дамоў, была многа людзей, і ўсе добрыя такія... Во як-та такое было, карова першая пераставала даіцца, і ў нас не было малака, і трое дзяцей, а так пачці ў кожнай сям’і было, магазін у саседняй дзярэўне, ідуць з другой дзярэўні праз нашу ў магазін: адзін нясе малака трохлітровік, другі – масла кусок, трэці – тварага. “У Фаіны ж з Васілём карова не доіцца, нада ж занесці”. Патом, калі ў іх у каго чаго-та няма, ім занясеш, хто-та картошку сажаіць, а ў каго-та не пасаджана яшчэ, збіраюцца і пайшлі памагаць садзіць, ілі капаць памогуць, ілі сена сухое і не згрэблена, а дождж ідзець, лятуць памагаць. Мой папа шафёр быў, раней на служэбнай машыне можна было і дамой ездзіць, не глядзелі бензін, усяго хватала. Во мой папа і дзяцей да школы вазіў, патом яшчэ папа мой быў умны, рукаты – трактар зрабіў, самы першы мапед купіў, матацыкл “Восток”, патом “Іж” з каляскай, памагаў людзям і яму памагалі. Во, жніво пачыналася, ва ўсіх жа каровы, сена нада было людзям, папа інагда дажа ноччу вазіў сена людзям. Добрыя людзі былі, і цяпер ёсць... Но самыя худшыя –эта равнадушныя людзі і завіслівыя.

Оой, славамі не раскажаць, якая я злая была, злая, разачарованая, агарчонная, аж плакаць цяпер мне хочацца. Як мы жылі, як мы ўсе дружна жылі, як салдаты былі са ўсіх рэспублік, друг да друга, ні паспартоў не нада было, нічога, білет купіў, самалёт гэты, дзяшовыя білеты былі, сеў і паехаў, а тут рэферэндум. *(голас дрыжыць, падступаюць слёзы)*. Ніколі не магла падумаць, што гэта вот так будзіць, што людзі прагаласуюць за распад, хаця ўстрачала ярых такіх, што за аддзяленне. Ругалася, спорыла, дажа ў акружэнні маім была такая жаншчына, якая была за распад, дзебаты ў нас былі сур’ёзныя. Як пачулі пра гэту Белавежскую пушчу, не перадаць вам, плакаць хочацца. Палучалася, што кожны барахтаўся ў сваім дзярме. Проста гэтым вярхушкам захацелася пабыць прэзідэнтамі ўсім. Яны прынялі гэта ад балды, яны не падумалі.

Навернае, ужэ з путча гэтага дэфіціт пайшоў, 1991 год гэта, аўгуст, нейкія там первыя чысла гэта, ці серадзіна аўгуста. Навалачка рыса была, талоны давалі і чорт яго знае, ці браць рыс па-поўнай, ці не браць, што там далшэ будзець, хто яго знаець, не іспорціцца ж. Ну вот, навалачка рыса ў сундуку ляжала, макароны там, грэчка, смятана была дзешовая, многа сметаны, ложкамі елі сметану, ну некаторых прадуктаў не было і адзежды тожа.. Мяне выручала то, што я ва-первых запаслівая была, я і мамка мая, у нас былі матэрыялы, усё.. А яшчэ я шыць умею, ну не сказаць, што па-навучнаму, но еслі нада, то я магу і рубаху старую раскраіць, прылажыць к новаму... Машынка ў мяне была... Чык-чык – і зшыю, і трусы зшыю, і брукі – сыну і мужу зшыю, дочары разныя рубашкі. Вот у нас быў родствеінік ваенны, яму выдавалі парадныя рубашкі разныя, і там матэрыял белы такі, блузку саш’ю, выш’ю, што-небудзь прыдумаю, ну матэрыялаў было, раншэ ў савецкае врэмя закупаіліся матэрыяламі, там матэрыялы ёсць – зшыю ўсё, дзе абрэзкі якія, так з абрэзкаў скамбінірую эта ўсё, вот так вот і выжывалі.

А пра Чарнобыль тожа на дэманстрацыю пайшлі мы тады, намернае, толькі пасля 1-га мая аб гэтым і ўзналі мы. А можа што-та такое і вітала ў воздухе... І мы не паніамалі, што такое радзіацыя, мы не паніамалі, у школе пэўна блага вучыліся, да нас не дахадзіла. Мой брат ліквідатар, ну ён не быў непасрэдаственна... У Брагіне быў, патом там радам якія дзярэўні, дэакцівацыя была. Гаварыў, што там вот можна было за 4 часа аднаму чалавеку насабіраць цэлы кузаў грузавой машыны вот такіх вот (*паказваець сантыметраў 10-15*) баравікоў, гэта ад радзіацыі. Патом вот гаварыт: “Многія і грушы, і вішні елі, я не еў, картошку – ну капалі картошку, елі.” Дазіметры хрэновыя былі, устарэўшыя, хоць якія, ніхто там ім не верыў. І вот адным дазіметрам у чорны хлеб – паказывае радзіацыю, у белы хлеб – не паказывае. Гаварыт: “Што мы там пілі, што мы там елі – я не знаю”. Ён як прыехаў з Чарнобыля, не жэнаты быў, забралі яго з работы. А вот там яго сатрудніка тожа забралі, дак той, каб не паехаць, паламаў руку сабе, ну а мой брат чэсны чалавек – паехаў. І вот, па медыцыне яго пастаянна правяралі. Дзяцей яго пастаянна правяралі, ну ў дзяцей там то такія, то такія адкланенні былі, ну там, каб сказаў, што эта іменна радзіацыя – не. Ну а так, канешна, мы ўсе былі ў трансэ патом, як ужо асазналі, што гэта такое. У маёй знаамаі – кавалер – той, хто гэтыя 26 ліквідатараў былі, адзін з ніх ён быў, ну зразу і пагіб, вот...

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Жылі ў вёсцы людзі, былі фэсцівалі, сабіраліся ў клубе, у клубе пастаяна сабраніе якое. Пасля сабранія тоже канцэрты, людзей было многа. Нас у вёсцы было 80 чалавек, на работу ісці, рабочых, а сколькі яшчэ было старых усякіх. Вёска была вялікая. Вот так і жылі, было вясёла і добра за тое, што мы былі маладыя, нам не страшна была ні работа, нічога. Паробіш у калхозе, да дому прыляціш і дома работу зробіш, і яшчэ на канцэрт куды паляціш.

У калхозе і пасмяешся і пагукаеш – стада людзей зберыцца, ну рабілі, цяжка рабілі, нада было жаць ці лён рваць – усё рукі рабілі. А там можа год камбаін прыйшоў, дзіка было, цехніка ў полі топчыць зямлю. Вот так і сталі калхозы. Былі маленькія калхозы, вёска была, потым саедзінілі, саедзінілі наш кусок тутака раёна нашага, саедзінілі ўжо была «Іскра» калхоз называўся, вот у этай Іскры быў прэсэдацэлем калхоза прысланы тут быў, так вясковага чалавека паставілі прэсэдацэлем калхоза, вясковы чалавек, а патом саедінілі і прыслалі прэсэдацэля калхоза, саедінілі весь калхоз у месных і зрабіў калхоз багатым, гаварыў, што і свет правёў, усё чыста і нам даваў зярна.

1999-ы год, тады бедната была, былі мы зусім на купонах. Якія грошы тады былі? Купоны тады былі. Тады я рабіла ў лаўцы, купоны сабірала, вазілі начот, у Шаркоўшчыну вазілі, у раён, у сельпо, здавалі начот гэтымі купонамі. Колькі там было грошай. Тады ж самі плацілі, што браілі такія тавары, плацілі ж тады грашамі, былі тады купоны, але я

тады считала іх. Было бедна гэта время, ну мы як у калхозе жылі, ўжо капейка была калхозная, нам у калхозе грошы плацілі. Калхоз у нас усё время чысліўся ці той развал, ці не развал, а калхоз у нас был. І пасля этаганачалі саедзіняць калхозы. Гэта, што было нажытае, усё пашло ў старану, і машыны, і камбайны, і калхоз пачаў бяднець. Вот, як бедны калхоз прысаедзіняе другі калхоз вот і на, а это ўсё прападаець.

Мы рабілі сваю зямлю, нам усё, агароды нам давалі, зямлі давалі, ужо коней дзяржалі сваіх. У нас жа коні, калі калхоз саедзінілі, коней пабралі ў калхоз, кармілі свіней. А пазней мы куплялі коней ужо. Быў конь і карова, і свінні былі. У нас было сваё хазяйства, нам толькі прывазілі хлеб, лаўка прывазіла. Ну так жылі, а этого распаду яго відзелі - не відзелі, тое што работалі і работалі, распад можа дзе ў горадзе адчуваўся, а нам нічога не падзействавала. Калхоз быў, так мы рабілі. Калхоз пабяднеў, стаў мене начысляць. Тады зноў прэсдацеля змянілі. Гэта ж не адзін прэсдацель, сколько іх мянялі. Каждый стараўся для сябе.

Нашы песні старэйшыя, яны харазэйшыя, чым цяперашнія. Цяпер усе песні, якая песня, толькі гукаюць. Я ж уключаю вечарам гэту, дзе паздраўляюць. Ну, еслі запяюць гэту старую песню, значыць, голасам пяюць. А цяпер, як голасу нету, маладыя. Вот піялі ўчора, піялі «Рабіна, што стаіш, галаву качаеш»... «Тонкая рабіна галаву качае». Ай, забылася. «Да самага тына». «Как мне рабіне к дубу перабрацца, як тады не стала, буду ўсё качацца». Вот такую песню піялі ўчора. Песня наших гадоў. Піялі харошыя песні, галасамі піялі. А цяпер пяюць, толькі словам гукаюць. Голаса нет.

Усё роўна цехніка цяпер ўсё робіць: цехніка робіць, цехніка сушыць, цехніка меліць – усё робіць. Каб свет адключылі бы – усё б стала, ўсё робіцца пад свет. Тады быў свет, няма свету, лямпу запаліць, да гэтага былі прывыкшы, і лучынкаю паліліся. Пасля вайны лучынку палілі толькі, вы ведаеце што такое лучынка? Лучынку палілі, свет быў аж такі. Лучыначку паставіш, торкнеш і яна гарыць, згарэла гэта – другую бярэш, дык так і жылі. Жылі ў зямлянках. Бані даже не было. Вот баню, якую хто зробіць дзірку у зямлі і там мыліся. Усяк жылі пасля вайны. 3-4 хаты ў адну баню хадзілі, а так была па ўсякаму, кожнаму свая баня была. Мыліся – у банях, воду грэлі там, із дома насілі ваду, дома воду грэлі на пячы, каб вечарам у баню несці. Каждый день не мыліся, раз у 2 нядзелі мыліся. Мыла не было, ніякіх срдстваў не было, ну нічога не было. Мыла пасля вайны самі варылі, камні нейкія. Ад температуры маліннік заварывалі. Пілі вішню, багульнік, рамашку варылі, усякія травы. Усякія травы зналі.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1936 г. н.

* * *

Тут был целый очаг музыкантов доморощенных. Они играли и свадьбы всякие, играли серийные ассамблеи, собирались музицировали. Их много было. Оркестр состоял из 50 с лишним человек. Вот этих народных музыкантов он собрал тогда. Для того, чтобы эти цимбалы чем-то сдобрить, они же достаточно примитивные, ограничены их возможности были, набрали студентов. Вот, в частности, я на четвертом курсе попал в состав этой группы, человек 10 нас было, которые усилили этот оркестр. Нас отвезли тогда на декаду. Тогда декады были приняты белорусского творчества и так далее. Ну масштабное мероприятие, в оперном театре, всё это такое грандиозное по тем временам. Сейчас вы уже привыкли, избалованы этими шоу, а тогда что-то такое несравнимое ни с чем было, потому что собраны были все музыканты, со всей области. 32 автобуса ВАЗа только из Витебской области ехало туда, значит, на этот фестиваль. Нас расположили... Гостиницы какие-то были тогда, стояли вагоны железнодорожные, плацкартные вагоны, на ваших минских путях. И мы там, в этих вагонах, жили. Прямо там тряпками этими кто завешивался, знаете как. Жили и всё. При чём жили достаточно долго, репетиции были, где-то около десятка дней мы собирались. Вот эти гроздовские музыканты, когда мы ехали, был забавный случай. Автобусы остановились где-то там на перекрёстках. И тут переходят - тогда, по тем временам редкость была - негры переходят. И вот, значит, крик

на весь автобус: «Сымон, смотри, чёрные люди!». И весь этот автобус хлынул к окнам туда, негры, конечно же, тоже увидели, что автобус качнулся. Но это было. Вы представляете, какие времена были, что тогда, потом они... Ну, я же вам рассказывал, вагоны плацкартные, слышно всё, лежит и рассуждает: «Сымон, а вот каб яго сюды затыгнуць и паглядзець ці увесь ён чорны?» (*смяецца*). Ну, потом, действительно, оркестром очень много пришлось путешествовать. Мне даже было неловко, ну, такой шумный был казалось, и примитивные партитуры все. Нас повезли в Ташкент, тоже на декаду, это всесоюзная уже была декада. С этими цимбалами, в Москве, на эскалаторах, с белорусского за казанский вокзал... То есть, мы парализовали метро полностью. Внизу вот эти ящики все, свалка такая была. Падали эти. Ну, переехали как-то, этот оркестр отвезли туда. Я говорю, думаю: «Ну, кого везут? Куда везут?». Оказалось, что там казахи играли своё, карпаты играли своё, эстонцы своё играли и этот оркестр им вполне показался таким грандиозным, шумным. Нас там здорово принимали. Вот такая была история. Много с ним ездили. И в Москве были, в Гродно, по Беларуси, по России. Вот этот оркестр довольно долго существовал. А потом, ну, потихонечку старики все уходили, умирали, инструменты эти все старились.

Запісана 05. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1947 г. н.

* * *

1986 год я была в 6 классе. Шестой-седьмой. Я помню просто этот день. У меня вообще папа служил на подводной лодке и оставался там, ну, как бы, как сказать, в общем, там можно было отслужить и уйти, а он не ушёл, он продолжал служить. То есть, ну, на сверхсрочную, то есть как работа по контракту сейчас, ну, как-то это раньше по другому называлось. И когда они были в автономном плавании длительном, там, в общем, в отсеке взорвался снаряд с ядерным боезарядом. И когда они стоят, отсек, вот этот, где эти снаряды, стоит заряжающий, там какой-то направляющий химик-технолог и, наверное, командир вот этого всего взвода, он стоял вторым от входа. Этот солдат роняет снаряд и он, ну или там, что делает, и он взрывается в этом...

Ну, в стволе вот этого вот. Это все идёт на пульт командира корабля. Они туда побежали с аварийной командой, первых двух вытянули и у папы, ну, было поражение очень сильное радиационное заражение и поражение кожи. Взрыв, потому что он был второй. Первый меньше пострадал, он сильнее, а те сгорели, погибли. И вот они задраили этот отсек. Лодка всплыла и его комиссовали. Он получил очень сильное заражение, лечился долго, восстанавливался, но поскольку организм молодой, ну, как бы все... У меня в детстве из-за этого был острый лейкоз, потому что химич, ну, вообще, слава Богу, что там без рук, без ног не родилась, то есть потому что он получил большую дозу радиации. Вот. И ну, мне это повлияло на кровь, заражение было кровью в детстве, белоокровие. Ну как-то это все пережила. И вот 1986 год было очень жаркое лето, очень жаркое. Это был апрель, 26 апреля 1986 года. Мы сеяли картошку, вскопали огород, сеяли картошку, и он был, ну, обнажённый. Копал землю, чтобы сеять картошку, и такое, понимаете, было, был день такой очень-очень жаркий. И все было оранжевое.

Все было оранжевое. Вот я помню этот день. Оно так, он прямо вот как вот оно все вроде бы зеленая-зеленая листва, потом хоп – все оранжевое. Вот этот момент я очень хорошо помню. А у него вот эти вот места поражения, все покрылись коркой, как крокодилья кожа. Потому что и он, сказал он сразу мы узнали, вот после, что у него это было, потому что он подписывал документ о неразглашении. И только недавно, по-моему, в прошлом году этого командира корабля представили к звезде героя. И там говорили, что один был моряк, которого он спас из Белоруссии. Да, это был мой папа. Вот, и мы как раз сидели это по радио слышали. Говорили там у инвалидов, когда я сидела. И вот все было оранжевое. Потом мы стали лечить, и никто не знал, что и мама говорит: «Что это? Что с тобой?». Ну, мы думали, что это, тут рядом Игналина, что это Игналина взорвалась. Он

сказал, наверное, где-то какой-то ядерный взрыв, потому что у меня было это ядерное поражение. Ну и тогда врачи поняли, каким лекарством лечить. Из Индии тогда здесь служили военнослужащие. И из Индии привозили какие-то мази ему специальные, которые лечат радиацию. Ну, в общем, у него было лучевое поражение кожи. И вот это вот, вот, ну, радиационное поражение, его надо было лечить определёнными там лекарствами, и их доставали там, ну, в общем, вылечили. Ну, это вот так вот мы узнали, что он пострадавший на ядерной подводной лодке, но нельзя было об этом говорить. И только вот недавно только об этом можно, было, стало можно, но его уже нет. Он потом у него началась атеросклероз нижних конечностей, и он умер. Ему было 52 года. Вот оторвался тромб...

Это все влияет очень сильно. И, в общем, ну, потом, да, потом я окончила институт, и у меня были дети, я на 3 курсе работала в детском пионерском лагере. У нас была практика. Вот как у вас сейчас практика. Так, у нас была педагогическая практика в детском лагере и у меня были детки из вот этих гомельских, ну там этих областей, и вот они, они говорят, они светят. Вот они реально светились. У меня были дети с лейкозом. У меня были дети с заболеваниями, там рак щитовидки в группе. Вот у меня было 26 детей и у каждого ребёнка был страшный диагноз. Это я была, ну, на практике с такими детками.

Вот лужи были жёлтые, но нам говорили это, это пыльца. Это пыльца. Это пыльца была 2-3 года. Вот эта пыльца все время выпадала, и после дождя всегда лужи были такие вот с жёлтым осадком. Как ну вот реально, как пыльца такая, какая-то пена, и она жёлтая такая. Вот, ну, как-то, да, стало сложно сказать, мы же немножко дальше от этого всего. Ну, у нас здесь свой был, свои же были, стояли части. Сверхсекретные ядерные. Стратегического назначения. Поэтому мы тут заражение хлебнули. Столько детей инвалидов очень много сейчас.

Ну в Поставы не отправляли наверное, но у нас там, где части, сейчас «Ветразь» санаторий. Не там, где стояли эти, а где солдатики жили, где воинская часть была. И на этой территории была проведена там рекогносцировка местности. Полностью очистка и построено новое здание. То есть там снимался слой земли, убиралось это все, насыпной песок, там все насыпное. И поставлен санаторий «Ветразь» детский. Но вроде бы там как чистая зона теперь. Именно в этом месте, а как там вокруг? Я ж не знаю. Но у нас есть затопленные эти части. И рядом построен могильник, тоже на литовской территории. А здесь у нас идёт тектонический разлом.

Когда я училась в институте, я как-то сидела, ехала домой на вокзале, и ко мне подходил какой-то мужчина и предлагал, давал прямо вот документы, визитки. Он говорил, что в Канаде провинция Онтарио для белорусов, вот пострадавших от Чернобыльской аварии предоставлена территория. То есть тогда были какие-то программы. У нас прямо по институтам ходили вот такие и можно семьями было выехать тогда. Видимо, это было как эмиграция какая-то. Кто-то, наверное, соглашался, я ж не согласилась на это.

Записана 02. 07. 2024 у г.Паставы ад жанчыны 1973 г. н.

НАРОДНАЯ КУХНЯ

Сустрэча з супрацоўнікамі сельскага клуба в. Палессе

* * *

Раўгеню пілі – гэта сладкаваты такі напітак. Я ўжо не помню як мама рабіла, ён як з мукой такі, ці як закваска, я не любіла гэтых раўгеняў, мне лушчэ сялёдкі з’есці (*смяецца*), ці мяса... Чаі не пакупалі ніколі, пілі ўсе травы і малако было. Малоко мы пілі замест вады всегда. У нас папа плотнік быў, санаторый “Нарач” ён начынаў строіць, прарабам быў, патам ушоў у калхоз. Мама ругала, ругала, гаварыт, жылі б на Нарачы. Так вот ён такі шкафчык прынёс вуглавы, ён стаяў в углу ў нас, малако ў нас там стаяла. Малако ў нас раздзялялася: ставілася ў банкі, банкі гэтыя ў калодзец апускаліся, каб ахладзіліся, халадзільнікаў жа не было, а банкі такія жалезныя, жэсцяныя з акошачкам былі і кранік быў такі, спускалася гэтае сіняе малако, адгон, а сліўкі зверху заставаліся, сліўкі ў адну банку, а малако ў другую. Вот мы гэтае малако і пілі. А сліўкі ўжо была смятана, якая закіслася, а патам, як скісла малако – у печы адагрэлі яго, палучаўся тварог са смятаны. Былі і маслабойкі такія дзяравянныя, такія кадушачкі, палка была, на палке крэст, ён апускаўся туды, зверху крышачка з дыркай, што б білі туды-сюды. Ну і білі там поўчася, а ці сорок мінут, таўчэш да тых пор, што б масла палучылася. Потым палучаюцца крупінкі масла і сыворотка, патам вот масла так вот сабіраецца, накручаваш гэтымі крыжыкамі, перамываш у нескількіх водах, яно аддзялялася тады і патам чыстае масла палучалася, а эту сываратку ці ў бліны, ці каму там... Свінням аддавалі. Так вот, малако ў гэтым шкафчыку стаяла, так мы пілі пастаянна. Ааа... я не дагаварыла пра куццю, закончылі мы, папілі раўгеню, а тады – у каго судзьба даўжэйшая ілі лепшая, так цягалі саломкі, сена гэта, у каго длінейшае – значыць у такога длінейшая судзьба, жыць.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Ну клёцки с душами – у нас в семье это просто драники с фаршем внутри. Я их обжариваю, а потом тушу, клецки это или не клецки, я не знаю, но у нас в семье их все очень любят, ну муж макароны больше любит, он Россия, а я еще люблю добавить туда всего в dranку, чтоб не только одна dranка была, по сезону – кабачок так кабачок, и лучка

и чесночка и какой зелени, чего там я придумаю, того и добавлю, и получается очень вкусно. Главное, чтобы с любовью, вот и всё. Мы вот были на “Цимбалах” и в “Млыне” нас там приглашали на эти клёцки, ну они там просто формы немножечко другой, ну по моему вкусу – драники с мясом, ну это очень конечно вкусно и сытно точно, особенно если со сметаной, у меня сестра в деревне живет, у нее своя корова, и она привезет этой сметанки, ложкой берешь ее – одной ложки настолько хватит (*смеется*)

Готовить я если честно не очень люблю, но готовлю, когда есть из чего, для кого и знаю, что заценится, я с удовольствием готовлю, но чтобы каждый день – это не мое точно. Я вот драники даже больше без мяса мне нравятся, со сметаной, с зеленью. Мы свадьбу в 1993 году делали, в плане спиртного было очень трудно. Мы расписались, нам дали талоны, нам дали только две бутылки шампанского, я к коллежанке, она была такая запасливая женщина, у мужа был еще “Запорожец” такой дедовский, мы к ней, я говорю – выручай, получим – отдам, она выделила – и всё, по-быстрому поляну накрыли, с миру по нитке, горячее даже что-то было, ну наверное были котлеты, бульба ж конечно, салаты. Такое было отмечание (*смеется*). Куцця на Коляды – я сама не делаю – сушки там какие или пампушечки покупаю, мак разотру, чтоб он белый стал, сахарку, заливаю, оно набухает и все. Обязательно варю кисель, но не из брикетиков этих, а вот со своих ягод, крахмал, потом два дня можем пить его, вкусный получается, раньше с клюквы, какие есть. Рыба, грибы, поливка из сушеных грибов – растирается, мука эта зажаривается, соединяется, и аромат нежный такой получается, я правда два раза ее делала, муж не заценил, ему не понравилось. А параллельно готовишь что-то мясное, чтобы завтра отдыхать, слюну глотаешь, и это ж схаваць надо, да таго часу, каб не ушло (*смеется*), и чтоб на следующий день ты в костеле побыл и ты знаешь, что у тебя уже шух - поляна готова, хочется ж расслабиться. На Пасху пекла я как-то булки, последние годы уже нет, ну конечно покупное оно не то, у меня как-то сын еще служил, попала закваска с Почаевского монастыря, и я потом стала печь, такие булочки вкусные получались, мне еще невестка такие формочки силиконовые подарила, и я стала делиться этими булочками, они же получаются вообще нежные такие, в пост я пеку их на растительном масле, а потом уже сдобные и я вместо куличей пекла эти булочки. Потом уже запас пропал, но главное не верить забабонам, как теперь вот в Интернете – обязательно передай дальше, а то случится что-то плохое. Ну Боже мой миленький, ну о чем вы говорите! А тот, кто не имеет Интернета, что ему будет тогда? Ну что ему будет, ничего.

Я люблю отбивные, я их и делать люблю и есть люблю. Я полендвицу беру, выстукиваю, складываю потом в яйцо, муку с приправами и обязательно чесночка чтобы побольше и потом легонечко обжариваю и дотушиваю и они мягкие, сковорода с крышечкой и их надолго хватает. Котлеты конечно, но завернутые не люблю, я попробовала там сыр, масло внутрь, да ну, много очень с ним возни, а вкус одинаковый. Настоящая котлета с доброго фарша мне вкуснее, чем все эти изощрения. Шубу я очень люблю, и делать и есть. Вот на Восьмое марта, вот когда в коллективе собирались. Раньше ж корпоративы были. Знали уже все, что я делаю шубу. Так что это моё. Вы знаете что, на Новый год раньше делала разные салаты, бутерброды, это всё-всё, а теперь мы поужинали где-то там в девять-десять часов, потом только вот сладкое, фрукты, там что-нибудь, стол такой, потому что ночью, это вообще, ну, нереально. Тем более, как мы последнее время с мужем остаёмся, это чисто прямо чуть ли не компотом, и всё. Абсолютно, да, совсем ничего не надо, абсолютно.

Торты не пеку, я не знаю, я как-то попробовала, он у меня блином получился, и всё. Это не моё. Я вот разные, знаете, печенюшки, такие вот, эти самые, из слоёного, песочного теста. Теперь вот ягоды пошли, я пробовала один раз, очень хорошо. Тесто сделала, эти ягоды положила, чуть сахарком. Первый раз сделал без сахара – не, не очень вкусно. Чуть-чуть сахарком. Клубника, по сезону как есть. Сверху это, в духовку, разрезала – и пожалуйста, тебе гора, чем не торт. Вот так вот, да. Муж сладкое любит, он даже чай может пить так, а ему надо вот потягать... Даже вот, сестра ему купила такой,

как теперь переносные столики такие, знаете, потому что ему надо перед телевизором на диване это всё. Я говорю: “Дорогу жизни делаешь”. Блины вот заварные очень люблю, заварные блины. Вот, сейчас приеду, кисляк уже готов, буду делать заварные блины. Это сода гасится кипятком. Кефир там или кисляк, именно нежирный, подогревается на маленьком огне, а сода гасится кипятком туда, пышит. Яйца отдельно разбиваются туда, и потом муки, соли чуть-чуть, сахара и вымешивается как густая сметана. Всё! Поварёшкой на сковороду. Можно даже сухие, не надо масла, ничего. И вот напекаете блинов. С чем хочешь ешь. Хочешь с салом, хочешь с мясным, с вареньем там, со сметаной, с чем хочешь их, гору напекаю. Дети там приезжают, я гору напекаю, ставлю на стол, полдня могу быть свободная. Варенье варю, но только для себя. Дети не берут варенье, не едят варенье. И муж не очень, избранное какое-то. А я люблю, с чайком попить. Клубничное лучше всего. А малину с красной смородиной я в соковарку, и потом получается: чуть больше сахара добавишь, получается как желе, меньше – как сок, разводи, пожалуйста, пей. Не надо эти все фанты никакие, ничего абсолютно.

Закрутки делаю только огурцы. Только огурцы теперь, больше ничего не едят. Вот, видите, что я думала, не догадалась вам малинки пособирать. Помидоры, я, во-первых, не умею с ним как-то, у меня не растут они. Я посажу, вот сколько, вот, которые с грядки поели, и всё у меня. Ну, если останется помидорка, в огурцы положу, они вроде как стоят лучше. Не, помидоры я и сама их не очень-то... Перцы – ращу, люблю. Но перцы я только свежие. Муж любит вот эти, такие, как голубцы начиненные. Фаршированные, да, фаршированные, слово забыла. А я люблю свежие, прямо ни с чем. И хранятся хорошо, до Нового года свежие еще хранятся еще у нас перцы обычно. В этом году не знаю, очень мокро было, у нас всё под водой, всё под водой стояло. Клубника вот такая вот, как ноготок маленькая. Хорошо, что выжила вся. Разводье очень большое было, и дожди потом были. Февраль, потом в марте и, наверное, в апреле еще. Мы в конце мая только огород сажали. Але ж ничего, во. Теперь во начинает пышить всё. У Бога дней много, до октября вырастет.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Рыбную тушонку я раблю – 8 часоў сцерылізую. Вару фасоль, патам моркву абжарваю, дабаўляю, лаўровы ліст, перац душисты і 8 часоў сцерылізаваць нада. Нада ж каб сварылася. Там костачкі растушываюцца, з бальшой нада выцягіваць, а маленькая растушываюцца. Ну, канешне, надаедаець чысціць эту малую, ну а самую маленькую курам аддаем каб нясліся.

Надраць картошкі нада, нацёрці, выціснуць на бінт, дабавіць солі, а тады фарш запраўлены на дранку ложыш, закручываеш, а патам нада кідаць варыць, паварыцца сколько, выцягиваеш, а тады абжарыць на скаварадзе. Раньшэ у печ ставілі, сметанай палівалі. Нічога там мудрага няма, толькі трэба выціснуць, з крахмалам смешаць, каб крапчэйшыя былі.

Записана 03. 07. 2024 у в. Галбея ад жанчыны 1948 г. н.

* * *

Нас группой переводили, как расформировали училище, и очутились в Лепеле, а это Восточная Беларусь. Ещё как-то, это ж Западная, там, где вот сейчас Поставы, ну и там такая беднота, даже по сравнению с нами. Там жир продавали, на фунты, не на килограммы. Вечно хотелось есть. Там тупик из Орши, поезд приходил в Лепель и дальше никуда не шёл, разворачивался. Была там железнодорожная столовая, а мы втроём жили, вот пойдём в эту железнодорожную столовку, там щи: вода и плавают капуста чуть-чуть.

Съешь и хлеб берёшь, але на вес. Мы брали по 300 граммов хлеба, на человека. Потом придём домой и все голодные. Так хочется есть, вечно были голодные. Какой-то пахнет, намазать, рыбный, так это было уже сверх блаженства и желания. Потом я маме написала письмо: «Мамочка, пришли ты сала и луку». Мама прислала сала кусочек и луковиц. Тогда вот придёшь от туда, кусочек сала этого отрежешь и луку гэтага съешь сырого, тогда не чувствуется голод. Вот так.

Записана 27. 06. 2024 у в. Галбея ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Клёцки... Обычный, стандартный рецепт. Я делаю всё по старинке: на тёрочке, сама, вручную, пока всё это натру... Правда, муж помогает, он обычно трёт. Я картошку чищу, он натирает. Я люблю чуть-чуть перца, чесночка — в саму дранку. А мясо... Муж больше любит с грибами даже. Грибы обжариваются с луком, морковью, свежие. Дети, естественно, с мясом. Я не люблю с фаршем, лучше, конечно, когда вручную рубишь, кусочками чтобы было мясо. Обжариваешь, обвариваешь... Потом в печке, в духовке... Печки уже нет — я разобрала — хотя в печке намного вкуснее. Рецепт один и тот же, но если в печи готовишь, то это конечно... Осталась плита такая — на плите тоже протушиваем либо на сковородку и сверху еще обжариваем. В среднем сантиметров 6 диаметром. Делаем и маленькие. Вот сейчас на «Цымбалы...», когда был фестиваль, стояла выставка национальных блюд, тоже готовила клёцки. Вот такие (*паказвае некалькі сантыметраў*). Там, конечно, мало фарша, там практически не помещалось. Такие маленькие делали, чтобы удобнее было пробовать. А второй вариант делали — просто внутрь начинку. Потому что сложно сделать маленькие с начинкой — делали просто без начинки как клёпочки-дранки и просто засыпали жареным салом с луком. Заливаем сметаной. Если в печи, то сметаной. Если на газу, иногда и на газу. На газу быстрее, естественно, получается. Но тогда без сметаны. Уже просто на стол подается сметана. А если в печи, то сразу сметана. Масло тоже. Хорошо они с маслом — более сочные. Все так делают. Единственная разница — кто-то использует фарш, кто-то нарезает. Трофимович, он тоже, по-моему, нарезает всё время. Хотя иногда и из фарша делают клёцки. Мы периодически, когда проводим праздники каких-то деревень, его с собой приглашаем. Также угощает своими клёчками, рассказывает, как делает... Теперь, конечно, возраст уже, ему посложнее стало. А вот несколько лет назад — с удовольствием. Он конечно расскажет, как он там делает всем, всегда привезет котелочек с собой, угостит — попробовать обязательно...

Записана 03. 07. 2024 у в. Гута ад жанчыны 1982 г. н.

* * *

Мама наша готовила всегда такую еду, что нет такого, что я что-то бы не любила. Мы всегда ели крупу. То белая была, то каши, мама тыкву готовила вкусно. В котёл, так раньше назывался горшок, который был чугунным или железным, мама накладывала туда тыкву, видно в воде она была, потом она доставала, сливала. Всё это потолчёт, маслица, сливочек туда. То есть у нас коровы были, сметаны этой хватало, всего. Потом опять в печку. Всё было очень вкусно. И перловая крупа была вкусная, и сечку мы все любили есть. Это крупа такая мелкая, или сейчас она называется ячневая. Сечка тогда звали, потому что она посеченная такая вся. На праздники, на Рождество, на Пасху, особенно мама готовила перед тем, как пост соблюдали. Овец не было, гуси и утки были. Лошадей можно было взять в центре из совхоза для обработки земли. Лично в деревне ни у кого не было лошади. Мама всегда любила печь пироги. Она делала вкуснятину «раўгеня», как она называлась раньше. Она делается из ржаной муки, ставится в печь, запаривается она стоит и становится сладкой, когда хорошо пропарится. Потом доливают воды туда, в эту

деревянную джежечку, ёмкость, скажем так, и корочки хлеба, для того чтобы оно подкисло. Да, она ещё хлеб пекла. И потом оно такое вкусное получалось, как квас. Мы любили её с картошкой варёной кушать, ну и с жареной. Когда Пасха, мама напечёт пирогов, и мы с этой «раўгеняй» кушали. Никакая газированная вода не сравнится. Я вообще их не употребляю. Ни пива, ни кола, ни лимонады разные. А раньше напиток вкусный был, не сравнишь. И мы с этим всегда любили поесть так. Ели ещё и мяса, колбас. Картошку жарили в печи. У мамы вкусные блины получались, вот эти из муки, пекла драные. Мама варила картошку в мундире, её чистила, потом на мелкую тёрку или на мясорубку, где перекручивала её уже остывшую. Добавляла соли, крахмала и делала колбаску, рубила её, а потом отправляла в печь. Когда запекутся, они такие румяные, туда мама масло добавляла и сливочек немножко. Мы ели тогда очень жирно в то время всё, ещё и заставляли. Мы всегда с братом, когда родители уедут, делал вот эти «перапечкі», такая колбаска из варёной картошки, которая потом разрезалась и запекалась прямоугольниками. Когда бывает пост, на Рождество особенно, я и сейчас делаю вот эти. Тогда позову своих детей, и мы куццю едим, а больше всего им картошка нравится вот эта.

Мама делала дрожжевое тесто. Я как-то сразу не выпекала, но потом оно все равно ко мне тоже пришло. У меня с этим дрожжевым тестом лучше получается, чем с песочным. Делаю булочки и рулеты из дрожжевого теста с изюмом и маком. Куличи делаю только на Пасху. Ещё люблю шарлотку. Немного яблок там, конечно, положить, а сверху люблю много ягод вот этих наложить, клубники. Очень красиво. Можно ещё черной смородиной украсить, которая не течёт. Можно вишню положить. Надо что-то покислее, потому что в самой шарлотке сахара много. Занимаюсь ещё закатками, делаю варенье, компоты, есть свои ягоды. Что-то замораживаю.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Например, мне повезло встретиться в Карелии, но я ещё тогда молодая и зелёная была, что называется, с такой бабушкой на вокзале. Она видела, что мы такие измождённые, и предложила угостить кушаньем их местным – «калитки». Там семь составляющих. Это как бы из чёрного хлеба с защипами наверху сметанник, а посередине какая-нибудь картошка или какая-нибудь каша. «Калитки», потому что они были сделаны защипами. Ну вот накормила она нас этими «калитками», но ей было жаль, что не было горячего молока. Они если холодные калитки с горячим молоком, или горячие калитки с холодным молоком.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Аўсяны кісель. Я і цяпер інагда, дзеткі, пяку. Хлопья ў мяне, во, купляю пачачку. Раблю, насыпаю, квашу. Во, сёння залью вадзічкай, будзе сядзеньне стаяць, заўтра будзе дзень стаяць у цёпленым. Яшчэ вазьму кусочак корачкі хлеба ўкіну, каб скарэе закіс. На трэці дзень жа, я яго вару. Во, стаўлю на газ і паціхоньку толькі мешаць, ён гусцее, гусцее. Туды грыбкоў накідаю, Анечка мне грыбкоў сухіх прыносіць, за лета сходзіць ў грыбкі, сушыць. У Анечкі сушылка ёсць, маея унучачкі. Вось, гэтых грыбкоў накідаю і вару. Даўно варыла гэты кісель. Люблю такую капусту кіслую. Такую непрывыкая я, вось квашу гэту капусту проста вару капусту. Кідаю туды і спінак. Во, сёння Аня далжна да мяне прыйсці і купіць мне спінак. А са спінак добры навар. Спінкі курыныя.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1933 г. н.

Былі дзежы, у дзяжы расчынялі хлеб, дзяжу з прэдыдушчага разу не вымывалі поўнасьцю, каб там дзе ўнізу, па бакам чуць-чуць старой закваскі штоб аставалася, і вот яе патом накрывалі чыстым, ну канешне дамацканым чымсьці, і ставілі ў асобае месца, у заслужанае такое, у пачотнае месца, каб дзе чыста было... Пачаму? Да патаму, каб закваска сахранялася на следуючы раз... Пякліся бальшыя хлеба, срэдняя хлеба, для мяне маленькія пякліся (*смяецца*). На кліновых лісцях пяклі, на капустных лісцях пяклі гэты хлеб. Дзе-та хранілася эта закваска аддзельна, і яе штоб вывесці нада 5 дней было, а каб сахраняць яе, нада ў прахладным месцы сахраняць яе і кожную нядзелю кожны раз падкармливаць трошкі: там сахарку трошкі даваць і чуць-чуць вадзічкі з мукой даваць.

Ну, зразу закваска была, патом, я точно не помню, нават ж муку, а мука далжна быць не гэты высшы сорт пшанічная, а ржаная, ну бываець дабаўлялі там нямнога пшанічнай, ну высшага сорта, тады яе там несільна асоба было, так з ржаной пяклі і замешывалі гэта гарачай, ці цёплай вадой, я не помню. Падхадзіла какое-та врэмя і вот кагда яно падышло столька, каб маме казалася, што яно ўжо нармальнае такое цеста. Тады тапілася печ, печ тапілася кожны дзень у дзярэўне, ці лета, ці зіма, патаму што не было газавых пліт, кірказаў яшчэ не было, а есці нада было кожны дзень, і свіней карміць нада было... Вот, вытапілі печ, печ тапілі крэпка, харашо, вытапілі печ, выгрэблі з печы там пепел, гэтае ўсё, па-бакам дзе разгрэблі ўсё, а штобы самая сярэдзіна, самае гарачае заставалася чыстае, падмяталі ўсё. І вот патом лажылі лапаты дзяравяныя, на саму лапату, засцілаліся лісця кліновыя, капустныя, а туды лажылі той хлеб падышоўшы, засувалі ў печ і скідывалі з лісцямі ў печ, там адзін, втары... ну еслі былі ёмкасці, бальшыя міскі, то можна было ў скавараду. І вот яно пяклося на гэтых лісцях. Тады мама ўжо вытасківала, шчэпачкай, дзеравяшчак правярае, ліпніць – не ліпнець, калі ўстраівае яе – тады даставала, а тады была прыгатоўлена крваць, засцеленая чысценька. Можа скацёрццю чысценькай, і тады на гэту крваць занасіўся гэты хлеб, зразу мама трапачкай з вадой вярхушку змазвала пачаму-та, не знаю, а тады чыстым палаценцам дамацканым накрывала. Зразу гарачы хлеб нельзя есці – непалезна, не разрышалі, толькі цёпленькі, а тады цёпленькі... Як вясна з малаком, дамашні, там і кіслінкавая такая ёсць. А вам можа дажа і не панравілася б, вы жэ другое пакаленне. І хлеба былі розныя: і бальшыя, і меншыя, і прадаўгаватыя, і круглыя, і патом гэты хлеб мы елі цэлую нядзелю, а то і палтары, складывалі ў якія-та ёмкасці, у прахладу вынасілі... Патаму што працэс трудаёмкі, многа врэмені занімаець, а ўсім жа на работу надо, вот паэтаму так і было.

Як у дзярэўні была печ, а не газ, варылі ўсё зразу. Утрам былі бліны драўняны ілі бліны мучныя, і жаранае сала, і яйца. Кожны дзень, як хадзіла ў школу было гэта, раступісь зямля, як мне гэта надаедала. Патом, як вот у нас ставілася капуста, шчы, а сем'і ж бальшыя, дзяцей жа па трое, і старыкоў бываець яшчэ двое, і вот у кацёл гэты закінуць пару кускаў мяса з костачкай, мяса ж тады не было столька ж, не ездзілі, не куплялі, тады ж і дзеняг не было столькі... І тады туды капусту нейкую нашынкуюць, кінуць маркоўку нейкую, лукавіцу, лаўрушку, усё зразу там кідалася, патаму што сям'я, нада ўправіцца хазяйке, жывотных управіць, дзяцей дзе каго адправіць і самой жа на работу нада сабрацца па быструху, знаеце гэта як. Уставалі ў 5 часоў утра. Патом яшчэ бацвінне – гэта батва ад буракоў, ад свёклы, яно тожа як шчы варылася, замест капусты, патом свёкла, буракі варылі тожа, ну проста суп, картошка там з якімі макаронамі ілі з крупамі варылі, ну ў нашая сям'і яшчэ, як мы елі, у нашай сям'і всегда стаяла кружка літровая з вадой, як у інастранцаў (*смяецца*) всегда была ў нас вада, ну вот што-та з яды, ці бліны, ці супы якія, і всегда былі звараны малочны суп ілі крупы, любыя крупы былі, ілі пшонка, ілі грэчка, ілі пярлоўка. Пярлоўку очэнь любілі, патаму што яна разапрэвала ў печкі, эта ж не газ, дамашняга масла дабавіш, а яно такое пахучае, пахучае, эта ж дамашняе, не тое, што ў магазіне цяпер. Ну і патом ужэ “засёрбаць малочным супам” – гэта ў нас так называлася (*смяецца*), после ўсяго вот так. Мы адну ілі пару місак ставілі на ўсіх чалавек, а то паставь

5-6 місак, патам перамыць хазяйке, значыць ставілася ўсё гэта на адну, кусочак хлеба дзержыш і з міскі кусочак хлеба нясеш да сябе (*смяецца*), вот так вот кушалі.

Эта дранікі ж, з картошкі – драныя бліны. Ну яны ў нас якія бывалі: аладушкамі, тады бывалі такія патоншэ, чым палец, але на ўсю скавараду, яго можна было перавярнуць, і патам быў яшчэ ну тожа блін у нас называўся, у бабушкі яшчэ “з прыпёкам” называлася – гэта вот шкваркі нарэжаць, сала паложак, на гэтыя шкваркі выліваюць дранку, ставяць у печку і запякаюць. А я іх так не любіла, гэтыя прыпёкі, а бабушка яшчэ звала “з жукамі”, ну хай яны гараць гэтыя жукі, яно жырнае эта места, я не любіла, малая была. Ну вот патам, у нас жа эта Мядзелка і возера Мядзель, у нас рыба была. Жарылі рыбу очэнь часта, варылі ўху, сушылі рыбу, патаму што былі пасты, а вядома, людзі работаюць, а нада што-та кроме авашчэй такое паесці, так сушылі гэтую рыбу, асобенна браканьерскую, яна з ікрой такая была, ну тады ж хватала ўсім усяго. Людзі ж тады не такія наглыя былі, бралі толькі тое, штоб паесці, а не як цяпер усё грабуюць. Так вот, мама засушыць у печы, яна ўкусная-ўкусная такая... І вот, гэтую сушоную рыбу варылі з бацьвіннем, з капустай. І вот, другую рыбу, там шчуку, ці што, перемалывалі, снімалі кожу, косці вынімалі, і перемалывалі на мясарубку нескалька раз, дабаўлялі нямнога сала, што б яно было не такое сухое, і дзелалі такія круглыя цеўцелькі і варылі ў кіпятке, у вадзе. А патам тапілі масла, дамашнее, пахучае такое, жоўценькае – жоўценькае. І вот, зверху палівалі, і эта такая ўкусната была. І вот, на свадзьбах, да нядаўняга врэмяні, на Нарачаншчыне, на Мядзельшчыне. І тут на Пастаўшчыне такое вот дзелаюць, ну не так тут вот распастранена, там вот большэ. Ну а так вот рыбу там проста тушылі, картошка і мелкая рыбёшка – сялява – яна не такая кастлявая, яна дліненькая, тоненькая, ну сляямі перекладывалі картошку і рыбу такую тоненькую лажылі, тоже ўкусна было. Ну і канешна - цэпіліны, гэта літоўскае блюда, ну яны па-другому гатовяць, яны абжарываюць па-мойму, і дабаўляюць яны яшчэ варонай картошкі да картошкі, а ў нас звалі эта “цэпіліны”, “каўдуны”, “мядзевыя яйкі” (*смяецца*). Таму што яны балышыя такія, як мядзведзі такія (*смяецца*). Дзелалі фарш, картошку проста аджымалі, ложку мукі дабаўлялі і ляпілі гэта. У нас не абжарывалі, не тушылі, а абварывалі зразу, а тады хто як хацеў, хто са смятанай, хто з маслам, хто проста еў, а хто абжарываў. І ў мяне цяпер у сям’і мы так робім. І яшчэ мы дзелалі не толькі з мясам, а яшчэ грыбы сушоныя тожа варылі, дабаўлялі сала, лука нямнога, ну і ўжо другой формы, штобы атлічаліся, штобы не папутаць, дліненькія такія дзелалі і ў нас всягда эта было прынята, калі госці якія, ці што.. Сыры дзелалі, тварагі дзелалі, вот сыр клінком быў: спецыяльна шылася такая торбачка трохвугольнікам, туды тварог закладывалі ўжо і зразу ён звісаў, сцякала з яго, а тады папа зрабіўшы такія ціскі па форме гэтага мяшочка, ціпа як сярдэчкам рабілася гэта ўсё, ну было ўкусна, ляпёшачкі рабілі, мама ў печ засунець, высушыць, яны такія сушоныя і тады хрусціш, ходзіш.

З мяса яшчэ, кагда ўбівалі кабана, ужо банкі былі сцякляныя, ну не так распастранены. Так, як у нашай сям’е, кабан гэты зразу мыўся, каб чысты-чысты быў, на чысты кант, было ўсё очэнь чыста зроблена і зразу секлі на маленькія кусочкі, еслі косці. Вот робра... Мама гаварыла: “Парэжце мне так, так, так”. Робра, ці што, зразу з соллю, з перцам складывала ў банкі. Еслі не было банкі, то мачавой пузыр быў. Раздуваўся, чысціўся ён, там і солі, і вод многа было, і закладывалася туды і мяса і фарш, хто як, і тады так ён жжымаўся сільна-сільна, каб там не было воздуха, каб не спорціўся, тады вынасілі на холад і сушылі гэта. Тады кумпякі былі – гэта салілі ў вадзе, расол дзелалі такі спецыяльны, ілі так проста ў соль закапывалі, прасаліваўся ён так, ну і патам у халодным месцы, у кладоўках падвешывалі, там яны віселі. Калбасы тожа начынялі так вот з мяса. Вантрабянка была – гэта патрахі: сэрца, печань, почки, шчэкавіна, галавізна там якая... Усё гэта пракручывалася, фаршу нямнога дабаўлялася і патам кішкі напайняліся неяк, ну і тоўстую, і тонкую кішку начынялі, ну яно доўга не хранилася, толькі еслі на вуліцы. Ну і так вот калбасы дзелаліся тожа. Яшчэ мама мая паляндвіцу брала, где-та сантыметраў 2 якіх наразала, патам у солі абмаківала, патам у баначкі якія складывала, не было ж

халадзільнікаў, а патом вымачыш, ну і адбіўнушкі дзелалі. Паляндвіца і шэя – гэта ж самая смачнае, самае сочнае.

Бліны тварожныя, сырнікі дзелалі, тварог вот дзелалі са смятанай і чуць малачка дабаўлялі, можна было і з мучнымі блінамі есці, і з дранымі, я і цяпер такое дзелаю сабе, толькі солькай прысалівала, а хто сладкае любіў – сахару. Патом эці... Мама звала “завівальнікі” – гэта цеста, сладкі тварог, чатырохвугольнікі складаваеш, а патом у печкі запякаеш.

Ніхто там сільна з намі не замарачываўся: пяклі хвораст, былі формачкі розачкі, ну жыдкае цеста і ў гэта цеста апускаеш такую формачку, ціпа цвяточка, ціпа звязды. Гарачае, раскалённае апускаеш у цеста, цеста прыліпваець і тады ў расціцельнае масла гарачае, яна раскрываецца, хрусцячая такая, ну ўкусна было. Патом мама торт пякла. Я не знаю адкуль яна рэцэпт гэты ўзяла, як кароўка, як канфеты гэтыя. Былі там сліўкі, сахар, масла слівачнае... І вот варыла, варыла доўга, палучалася такая маса густая, ну мама варыла толькі, калі нада ў госці, ці каму на свадзьбу нада, ну і падружкі, родственнікі прасілі, што б яна зварыла такі торт, а мы малыя бегаем: «Каб не ўдаўся, каб не ўдаўся»! А як не ўдаўся, то палучаецца ірыска, а як ірыска ўдаецца, то ўсё гэта нам ідзець, там у каструлю якую выліць, а з гэтай каструлі неважможна дастаць. Так мы бралі далато, у ім на самым канцэ вузкае і вострае, так мы бралі малаток і яго адбівалі далатом з каструлькі. А мама пякла трэці замес, а мы з брацямі бегаем: «Каб не ўдаўся, каб не ўдаўся»! Яна нам якім махрачом стукнець... Ну а так печанюшкі там нейкія выпякалі, варэнне варылі, варэнне грушавае, яблачнае і слівачнае. Так я ненавідзела гэтае варэнне, і цяпер не люблю.

Тварог мама лажыла, варэнне, павідла. А капусныя, ці мясныя – у нас такія не пяклі. На Пасху там болей пяклі, патаму ўжо, ну знаеце, людзі калхозныя, яны ну так заняты гэтай работай... А сваё ж хазяйства, а сям’я, і прыбраць там надо, і тое і сёе... Очэнь трудавныя людзі гэтыя калхознікі...

Да Пасхі ўсягда дзяржаліся, штоб калбасы... Калбасы дзяржаліся так, штоб і на сенакос былі летам, і на картошку капаць, штобы было, штоб з мяснога што аставалася, таму што ў горад хто даедзець, хто не даедзець, не всегда так і аўтобусы тыя хадзілі. У нас чэраз дзярэўню так і не хадзілі аўтобусы, нада было ісці кіламетры 2-3 да аўтобуса... І вот гэты мачавы пузыр, які напаўнялі мясам, ці фаршам – “посік”, у нас называўся «посік», ну я ў інтэрнэце сматрэла, гэта не толькі ў нашай меснасці, многа дзе эта, у каго гэта “сякун” звалі. У нас “посік” звалі. Вот гэтак дзяржалі на сенакос, а на Пасху ногі, ушы, яны салёныя сахраняліся, патом іх вымачывалі, дзелалі халадзец на Пасху всягда. Патом нейкае мяса там аставалася, тожа варылі многа мяса. Рыбу жарылі, гэта ж вясной было, всегда нерэст, мы всегда з рыбай былі. А ўгры... Як укусна ўгрэй нажарыць, а тушонкі з угрэй... А у нас не толькі ўгры такія малюсенькія, як у магазіне прадаюцца, а ў нас вот такія велічынёй (*паказваець прыкладна 70-80 см*) прадаваліся... Адзін раз папа так набраканьерыў, што ён іх прынясці не змог, прыйшоў, запрог каня. Іх там большэ 40 штук было, а адзін угар, ён пад 2 кг. І вот, дзелалі тушонкі... А яны як змеі ізвіваюцца, а як жалка іх... Вам не раскажаць. Ну мы прывыкшыя, мы дзяравенскія, гэта наш быт, мы так жылі, панімаеце?

У банкі сцяклянныя закладываеш апрэдзялёнымі кусочкамі, рэжыш этат угар пачысчаны. Радзіцелі яшчо ложку слівачнага масла лажылі для ўкуса, перчынак пару штучак, лаўрушку папа лажыў. Гэта папа ў нас такім занімаўся. І станок быў спецыяльны здзеланы, 14 банак паўлітровых у вываркі. Варылі яго можа 3 часа, можа 4 часа... Укусна... Но ён жырны-жырны. Вот, калі жараны кушаеш, куска 2-3 з’ясі і ўсё, ён сільна жырны, а капчоны які... Папа сам капціў. Наша дзярэўня сем домікаў, мае радзіцелі пераехалі ў саседнюю дзярэўню, калі мне 5 год было, радзіцелі дом пастроілі і папа капцільнію зрабіў, я прыезжаю ўжо папозжэ з Пастаў... Кагда я ўжо ў школу стала хадзіць, можа клас ужо пяты, толькі тады ў нас угры распастраніліся. Так прыязжаю, ён: “Алачка, пайшли пакажу нешта”. Пашлі, мы ў ласы жылі, у нас усе грыбы ў агародзе раслі... Ну і

там баня ў нас у лясу, капцілья... Пайшлі, а там копцяцца штукі 3 такія балшэзныя... І тут хлопцы замячаюць – браты - што Алачка недзе прапала, пэўна з бацькам у лес пайшла, ну і яны падцягваюцца ўжо, а ў папы там ужо ўсё прыгатоўлена было, ён парэжыць - пробуем. У нас харошыя радзіцелі былі, нас любілі і ўнукаў нашых любілі, і самі шутнікі такія былі...

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Какоркі робяцца так: варыцца бульба ў шалупенях, адбіраецца гэтая бульба, а тады яе таўкуць, як стаўкуць, дабаўляюць яйкі, дабаўляюць мукі, але не вальсаванай, але такой крупічатай, ну па-руску “крупічатая”, а па-беларуску лепш называецца “крупнага памола” такая, “буйнага памола”, і гэту муку з цестам гэтым, з яйкамі ўсё перамешываецца, робяцца такія ляпёшачкі, і ў кожную ляпёшачку кладзецца: або смажаныя грыбы і цыбуляў, або тушаная капуста з гэтымі скваркамі. А тады закручваецца гэта, накладваецца другі блінок, зашчыпліваецца, у муцэ абвальваецца, і у печ. А ў печы чым добра? Што ўнізе пячэцца і зверху румянец такі застаецца... І вот, такую лупку паставяць гэтага. А тады да гэтага ставяць цэлую міску канаплянага масла, цяпер ж дзе знайдзі канаплю – так пасадзяць жа, таму што гэта анаша, а тады ў кожным агародзе расла, мак – у кожным агародзе рос, а якія прыгожыя макі гэтыя... Садовыя макі называліся, во такія вот кветкі, ярка чырвоныя, ярка сінія, ружовыя, крэмавыя, ведаеце як прыгожа у агародзе? А макаякая прыгожая з іх, як адцвятуць, ну і шла са стограмоўку, ну і гэтая макаяка, макавае малако рабілі: мак гэты труць, труць, ён стане белым, тады дабаўляюць у яго крыху бурачнага соку. У кожным агародзе вырошчвалі цукровыя буракі. І з гэтых буракоў рабілі сіроп. Вот, надраць нада было, вымыць чыста, надраць буракі, а тады дзве дошкі, гэта драпка складаецца ў льяны мяшок, паміж доскамі закладваецца, і вінты былі такія зроблены, гэтыя вінты называліся «клямары», накручваюць іх, а сок сцякаець. І вот, круцяць да таго часу, пакуль увесь сок не выцячэць. Тады гэты сок, у гэты самы зліваюць, у гарнушак. Гэта з гліны гаршок, паліваны ён унутры, такі бліскучы, і знаружы так папаліваны, а зверху яго накрывалі крышкай - і ў печ. Ён так змажыцца, атрымоўваецца мёд смачны, ну трохі заносяць бураком, але салодкі, а гэты жмых не выкідваюць, з яго фармуюць такія, на вёсцы іх называюць “цясткамі” – пліткі такія. І вот, гэтыя пліткі - на бляху, на процьвінь, ну на вёсцы гэта бляха была... На бляху - і ў печ. Яны засохнуць – і вот смачнае пячэнне, салодкае такое. Так што беларусы не дурныя былі, вельмі смачна елі. Ну вот тады, хто загадку не разгадаець, таму, хто загадаў, даюць гэты таўчонак, і трэба было мачаць у малако з макам, або ў малако з каноплі, а канаплянае масла моцна смачнае, калі самой і зярнятка канаплянае пападзецца. Зубы маладыя, тады хрумсць, хрумсць. І людзі былі вельмі прызнаныя. Калі зайдзеш у хату, да якога селяніна, яны цябе ніколі там не адпусцяць: то кусок сыру дадуць, то да столу запросцяць, а там ужо абавязкова чым-небудзь пачастуюць. А цяпер сусед суседа не ведае, на леснічнай плашчадцы адзін другога не заўсёды прывітаюцца, бо не ведаюць.

Мама мне гаварыла: «Запомні, Бог сірот любіць, але долі ім не дае». Ну якая ж ім доля, калі ў цябе няма ні бацькоў, нікога, сам ідеш па жыцці, а ў жыцці тваім жалезны ложак і тумбачка. Гэты ложак, матрас гэты без канца шманаюць. А там схавана багацце, там, напрыклад, баначка ад гэтага, ад зубнога парашку там, ці якая-небудзь... Асколак такі прыгожы пасудзіны якой, гэтай талеркі, ці яшчэ, пацерка якая дзе-небудзь знойдзеная – усё гэта ізымалася, каб нічога не было лічнага, вось. Але, той, хто крыўдзіць сірот – расплачваецца ўсё жыццё, і гэта расплата ідзе і на яго пакаленне, на яго дзяцей, дык я ж забаялася, каб што-небудзь не зрабіць, але добра. Дзеці, гэтыя сіроты, слухалі мяне з аднаго слова, і каля мяне ўсе былі, таму, што я і пагладжу, і прытулю, і ў мяне заўсёды ў сумцы былі каробачкі, жалезная каробачка цукерак, цяпер такія не прадаюць жа ж – шкада, калісьці, а былі. Яны называліся «Момпаньсье», такія гарошак, ледзенцы, вось, так

іх там многа было гэтых ледзянцоў, можна ж было кожнаму даць, і яны тады за шчаку тыя ледзенцы, вось.

Вот я памятаю, як бабуля хлеб пякла. Хлебапечэнне было святым для чалавека. Жанчыны абавязкова перад тым, як садзіць хлеб у печ, перад гэтам мыліся: і твар, і сама памыецца. Белы фартух надзевала, белую касынку вышываную, вот, нарукаўнікі. І вот тады над хлебам малітву гаварылі, а як малітва, таксама цікавая малітва, вот забылася, ня ўспомню. Над дзяжой над гэтай. Тады рукамі яго... Гэта цяжкі труд быў, цяжкая праца мясіць гэта цеста, так аж пот выступаў. Чым болей і чым лепей месіш, тым смачнейшы хлеб атрымоўваўся. А тады гэтыя боханы рукамі бралі і на лапату, а на лапату клалі клён або аір. Аір гэты наразалі і сушылі, вот гэты аір. Або кляновыя лісты, таксама яны такімі звязкамі, букетамі такімі віселі на печы. Вот, і гэтыя ўкладалі на лапату, зверху пасыпалі мукой, такой крупнага памола, і тады клалі гэты хлеб, рукамі бралі і клалі. І абавязкова рабілі фальбонкі. Фальбонкі - гэта з аднаго боку і з другога пальцамі так прыціскалі і ён атрымоўваўся такім, як цвяток такі. А пасярод крыжыкам, пальцам рабілі дзюрэчкі. А тыя дзюрэчкі трэба, каб дух з гэтага хлеба выхадзіў, як пячэцца. Вот і крыжык такі зверху праваслаўны. Усё гэта па часах, часы былі ходзікі. Гэта вот гэты вочы бегалі і стрэлкі гэтыя рухаліся. Тады гіра спаўзала, а тады, як яна ўжо нізка дапаўзе, тады трэба было пацягнуць зверху, тады яна зноў апускалася. Ну і гэтыя ў печ сажалі і апрэделёны час, засекалася врэмя, не больш, не менш. Тады выцягвалі гэтыя хлябы. Тады была з курыных пёрак, вымытая, ашпараная, усё гэта вадой змывалі гэты хлеб. І скарынка зверху такая бліскучая рабілася, вот. І накрывалі вышываным рушніком белым, каб ён трохі падпарыўся, гэты хлеб. Вот і даўней было, што толькі гаспадар меў права рэзаць хлеб. Хто ў доме гапдар? А той, хто хлеб рэжа. І вот, калі не дай Бог гэты хлеб што-небудзь, то гэта была вялікая загана для чалавека. “А ён з хлебам дрэнна абыходзіўся! Які гэта чалавек?!” Смачны той хлеб такі, дух такі ідзець, калі хлеб пякуць. Гэта была паўсядзённая ежа, раз у тыдзень. А тады застаўлялі абавязкова трохі рашчыны і пяклі так называемыя кукачкі, такія маленькія, як калабкі такія. Гэта быў дзіцячы хлеб, для дзяцей. А печ была самым дарагім месцам у хаце, быў перад печчу на такіх паясах плеченых, з кутасамі такімі эцімі. І бабуля казалі: “Унучачка, ніколі не еш за голым сталом; жабраваць будзеш». На сталі абавязкова павінна быць сурвэтка, скацёрца”. І гэта скацёрка для ўжо такіх урачыстых адзельна вісела, а так гэта для кожнага дня гэта звычайная скацёрка. Сурвэтка называлася і вот на гэтай сурвэтцы абавязкова павінен быў быць стол застланы.

Запісана 03. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

* * *

В туристическом формате кухня упрощена. Потому что, вы ж понимаете, это туристы, которые ограничены по времени. Люди, которые говорят: «У нас детская группа», ну понятно, что детская группа, это там какой-то хворост, какие-то хрусты напекли, печеньки к чаю на травах сделали, зверобой, липовый цвет, какие травки есть, на том и заварили. Есть такие люди, которые любят покруче отдохнуть, ну соответственно там уже, 20 капель, салко, вот такое. Если такую национальную кухню брать, брендовую готовить, допустим, какое-нибудь культурное наследие – клёцки з душами. Это мы уже готовим для таких больших посетителей, больших делегаций. Конкретно, что у нас поступает заказ, что эти люди едут на наше нематериальное культурное наследие – это клёцки з душами, драники с творогом, тоже, особенность есть в нашем регионе. Значит, делают драники, в которые делают с добавлением творога. Кстати на Камайщине, у меня свекровь очень часто делает. Я сначала удивлялась, а потом поняла, правильно, когда у тебя корова, у тебя вот это всё девать некуда, и ты начинаешь пускать это всё в переработку. Вот остался у тебя творог, брала, подмешивала. Потом начали узнавать и действительно, та сторона, потом туда, дальше. Потом опять же, по быстрому, на кусок хлеба этот драник натёрли, поджарили в сковородке – драник на хлебе. Тоже у нас тут встречается.

Блюды, значит, у нас по НКСу (*нематерьяльная культурная спадчына*) – два кулинарных элемента – клёцкі з душами і стравы з таркаванай бульбы. Там стравы з таркаванай бульбы, туда входят драники, бабка, кишка из картофеля, запечённого, в общем, всё, что связано с тёртым картофелем. И сейчас вот, ни одного дня и ни одного года. Сейчас девочки по крупицам достают, скажем так, у нас не было традиции свадебного каравая. Как бы это нам не пытались навязать, но не было, не пекли у нас на Поставщине свадебный каравай – покупали. Заказывали, покупали, но вот каравайного обряда такого не было. Но, всегда ставили пекарскую скульптуру, на свадебный стол. Приходили с пекарской скульптурой выкупать молодую и украшали свадебные столы. Вот мы собираем, собираем, собираем и может это тоже будет НКС, года через два.

Шли выкупать молодую, значит, ну, молодая ж цвяце ружа-кветка, соответственно сваты несли на выкуп, отдавали друзьям, делали такие розочки печёные. Украшали свекольным соком, морковным соком, что б они были такие красивые, разноцветные. Вот на кошык з ружами отдавали друзьям. На выкуп молодой. Значит, вот на Гроденщине, допустим, есть такая традиция – на Рождество, на польское, печь барашка. У нас барашка ставили на стол молодым, не в Рождество, а ставили молодым на стол. Причём барашки были, по той стороне сладкие, там больше католиков. Сюда, ближе, барашки были печёные, из теста и внутри была начинка. Если семья была более-менее зажиточная, это было мяско. Если попроще – картошка, грибочки, ну что было. Так вот, суть в чём была, что как рога у барашка крепчали год от года, он же растёт, рога становятся всё крепче и крепче, что бы так-же и семья, укреплялась ваша, год от года, была всё крепче и крепче. Потом, я ещё удивлялась, это было в 1990-е годы, мне было сильно удивительно, потому что молодая была, а теперь... Значит, делали буслов на свадебный стол. Это символ семьи, продолжения рода, были у нас буслы, причём здесь, на Поставщине, их делали из хлеба. Лепили из хлебного мякиша буслов. Ну, туда, подальше из пряничного теста делали. Суть в том, что здесь, на Поставщине, осталось вот, что лепили из хлеба, делали буслов. Ёжиков делали, потому что ёжиков, это вообще символ благополучия, оказывается. Это сильный семейный оберег. На здоровье заговор, на семейное благополучие, оказывается, и лепили вот эти ежиные семьи. Вот интересно, тоже связались, почему ежи? Оказалось, что ёжик, он вообще олицетворяет собой крепкую такую семью. Он действительно охраняет молодых от всяких там, от сурока того. Вот тоже эти ёжики. У нас встречались, вот барашки на столе, грибочки, но понятно, грибочки тут не надо даже долго думать – сколько в лесе грибочков, ці пянкоў там, хай у вас столькі будзе сынкаў. Это ж вы понимаете, что чем больше грибов вы напечёте в корзинку и поставите на стол, тем больше вы желаете молодым детей. Сами знаете, что в начале прошлого века – чем больше детей, тем богаче семья, потому что тем больше растёт работников, которые будут обеспечивать этой семье её благополучие. Вот такая пекарская скульптура. Но каравай, понимаете каравай... Может быть, когда-то, где-то, в какие-то времена. Традиционно, это ж не болото, это Виленский край. Это мануфактуры, это производства, значит, здесь жили люди не бедные, у которых были деньги. Поэтому, вплоть до того что ехали у Вильню. Ездзили у Вильню, заказывали там каравай, и у Вильне даже штучным, какими-то украшениями, украшали штучными цветочками. Могли себе позволить. Поэтому, этих каравайных, песенных обрядов... Единственное, что да, конечно, если там уже старались, если там уже каравай, желательно что бы мужчина его сажал в печь. Он же тяжёлый, это тесто подходит, каравайное, тяжёлое. Женщина могла уронить, соответственно, если она уже каравай уронила, то всё. Плохая примета. Потому старались чтоб мужчина, сильный, который мог поднять, на лопату посадить в печь, чтобы каравай удался. Потому что мужчина должен быть крепким, чтоб он мог эту лопату усадить в печь. Чтобы этот каравай не развалился. Но это так, условно, на уровне предположения. Каждый год мы делаем «Свята клёцак». С чем я столкнулась? Я пробовала в своё знакомство с мясом – это вообще святое, праздничное. С грибами пробовала. Когда стали искать, нам приносили со щавелем внутри и, самое интересное, нам приносили с салом и укропом. Вот такие

начинки. Не знаю, я думаю от того, что есть под рукой в данный момент. Клёцки со щавелем я первый раз ела и только у нас такое видела. Или просто люди не задумываются, когда везут на дегустацию. Они везут самое лучшее, что у них есть. Не каждый думает со щавелем это всё тереть. Пока ты его отваришь, пока обжаришь... Его же надо обработать термически. Натирается картошка, она обязательно отжимается в абсолютно сухое состояние. Вот эта водичка в отдельной посуде стоит с картошкой. Она должна постоять, чтобы от неё отделился крахмал. Пока эта вода стоит, картошку вы отжали, тогда вы начинаете начинку. В идеале, если вы делаете с мясом, оно мелко-мелко крошится, режется ножом. Но, скажем так, жизнь диктует нам свои реалии, и сейчас редкая хозяйка будет резать вам это ножом. Скорее всего, вы возьмёте уже готовый фарш, перекрутите через мясорубку, заправите луком, укропом, тмином, что у вас там есть. Потом в эту картошечку добавите уже, в отжатую, настоявшийся крахмал, который у вас отстоялся с этой воды, и немножко соли. Это в идеале. Если хозяйка у вас не такая удалая, соответственно она добавит яйцо, чтобы эта картошка у неё не развалилась, и немножко муки. Но, если у вас сделано всё правильно, вы туда добавлять ничего не будете, только картофель и крахмал. Начиночка... Слепили эти клёцки ваши красивые и в кипящую воду бросили. Многие... Я ленивая хозяйка, я сначала обжариваю, потом уже закладываю тушить. Там в утятницу, жаровню толстостенную, такую чугунную посуду. Ну, это уже современное. Всё в этой жизни трансформируется. Но самые вкусные они, конечно, тогда, когда они отварные.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1974г. н.

* * *

Мы ездзілі на, таксама на Гуту. Гута ў нас багаты край, Варапаяўшчына. Гута - там гэтыя традыцыі... Трошкі Лынтупшчына, яна так на Пальшчызну больш скіравана, вось, а нашы такія традыцыі, беларускія, Цэнтральнай Беларусі, на Варапаяўшчыне больш. Ну так вот, там мы прыехалі да дзядзькі, вот ён нам паказываў, мы гэтае рабілі, я хачу сказаць, што ў мяне бацька так рабіў. Маці па-іншаму рабіла, яна з Пскоўшчыны, яна таксама ўмела рабіць, яны таксама там драную бульбу елі, вось. Бацька мой, менавіта варыць, а маці жарыла, смажыла. Значыцца, там рабілі так: значыцца, гэту бульбу нада падраць, тады нада ў мяшочак, палатняны, льняны, трэба туды, адціснуць, каб трошкі менш было гэтай вадкасці. Тады, значыцца, гэтае ўсё клалі ў гэтую масу, вось і тыды, калі адстаяць, крухмал гэты, крухмал гэты дадаць, каб сліпалася больш гэтае месіва бульбяное. Тады, значыцца, ён рабіў са шкваркамі, да, шкваркі былі ўнутры, а не проста мяса, а менавіта с тлущам. Рукамі, рукамі трэба парубіць. Тады ён гэта клаў, фармаваў, тады варылі, ну там ужо і печ расчынілі рускую. У гэтую печ, туды ўсунулі, а тады, яшчэ, калі паварыцца, на патэльні клаў, на патэльні яшчэ з цыбуляй. Смачна, слюнкi цякуць, як успомніш! *(Смяецца)* Ну я, ведаеце што, мы ўжо рабілі гэта ўсё на святы, таму што трэба ж было працаваць, каб яшчэ хто дапамог. А ён яшчэ клаў і кроп, і кроп клаў, таксама з гэтым, з начынкай гэтай, вось... Але раней, я была сведкам, давалі на пахаванне, на памінкі. І нават цяпер (ужо памёр мой дзядзька), калі памёр мой дзядзька, заказывала мая цётка у вёсцы Дзедкава, гэта тут недалёка, каб накрылі стол, гэта цяпер модна, можна выкарыстаць усё гатовае. Прывязаць і накрыюць на стол. Вось, і яна заказала клёцкі с душамі, гэта значыцца, яна памятала, што гэта падавалі на памінкі. Пагэтаму, тут дваякае, можна разумець. Клёцкі з душамі, то ёсць клёцкі з мясам, з начынкай ілі з душамі, якія яшчэ не адышлі, можна і так разумець, да.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954г. н.

* * *

Мы не прывыкшыя да рынку: усё сваё было. Нам нічога не нада было. І мяса, і яйкі сваі былі. Жылі сваім, што было, то і жылі. Не былі прывыкшыя да этай роскашы, цяпер што нада: ну нада ў магазін смачнога купляць. Тады мы сваё рабілі смачное. Што ёсць, таго наеўся і добра, харашо. Бульба, малака паеў вечарам.

На прадзнікі, ну, усякія булкі. Пяклі смачную булку, такую, боле здобную, смачную. А эці булкі тожэ былі вусныя. Цяпер не пахнуць булкі. А тады пахлі, можа пахла за тое, што рэдка была. Вот за гэта, можа, была смачнейшая. Каждый дзень пяклі з мукі другога сорту, куплялі, дзешавайшая яна была. І была нам вусна, усё была вусна. Сахару пасыпеш і будзе смачна

З начынкай рабілі. Не знаю, як сказаць. Пяклі жа к святу, вот Пасха, Раждзество – усё гэта большыя святы, больш стол гатовіцца. І кілбасу на нядзелю гэтак, не як цяпер кілбасы. Таму што свінью заколіш – трэба падзяліць. Каб была на ўвесь год, вось складалі то ў слоікі, то куды. Бывала, у соль закопвалі, усягды было смачна, у солі дзяржалі.

Свіней вырашчвалі, авечак у нас было многа. У восень авечак рэзалі, мяса іх елі. Вот, усе дзяржалі. Усе дзяржалі, на полі ганялі, дажа ганялі. А пеша, дзе гарох быў, вось і любілі па гароху хадзіць.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1936 г. н.

ГАСПАДАРКА

Фотаздымак з архіва жыхаркі г. Паставы

* * *

Мы очень много бегали по улице, особенно зимой, по снегу. У нас постоянно снега навалом в этих валенках или там в сапогах. Ноги мокрые, простывали, на санках катались, на лыжах. Приходили все облепленные снегом. Но у нас была русская печь. Мама в первую очередь отправляла нас греть пятки на печи горячей. Потом чай с малиной. Мама заваривала нам чай. Ну и аспирин. Такое вот лекарство было. Да, она варила эти сучки малины, именно дикой. В печи они томились. Такой красивый чай был, помню. Вот это да!

У нас, во-первых, всё наше, и у других тоже было. По отдельности не было, как сейчас строится. У нас было: дом, а дальше крыша идёт на сарай. Там сарай для курей, для животных крупных, и свиньи, сарай для сена, потому что коровы были. В принципе крышей, но переход был. Сначала был дровник, чтобы дрова складывать, чтобы подальше был от этого запаха. Ну стены были глухие, не то, чтобы всё вместе. И всё да, было под одной крышей. Нет, вот в один ряд всё рядом было. И баня ещё была. Баня стояла вообще отдельно. Она была на всех, на всю деревню. Вот так мы мылись, раз в две недели баню топили. Так вот мы ходили. Боже, как это всё было, теперь вспоминаю. Мылись же как-то, наверное. Баня была без трубы. Была она черная. Да, дым сначала шёл в помещение, а потом выходил через двери, и камни там были, огромное количество, очень горячие были. Я не выносила этого, я сидела на полу всегда. Нас заставляли лезть попариться, но я не соглашалась ни за что.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Мы на хуторе жили, там и построили дом рядом. Хозяйство держали там, и мы к работе привыкшие были. Мне к трудностям вообще не привыкать, не белоручка точно. Колодец вот, лес был – грибы, черника, а еще отец захотел – уток хочю, а воды нигде, а уточкам воды надо сколько, кролики. У меня брат младший и сестра на полтора года,

один за одним мы, я помню сенокос, мама ехала на сено, а нас малых вот таких оставляла за няньку. Мне 5-6 лет было, а мы уже где-то помогали что-то, пололи, я помню как рассказывали – это не трогай, а тут рви, кроликам траву рвали, кошками перебирали, маленькими грабельками даже сено грабили.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Мы яблоки продавали, таскались с этими яблоками, сначала на чердак, а потом эта зима, холодно. У нас дом был из трёх частей составлен, даже не из трёх: свиран, варывня, Свиран – где зёрна хранились, варывня – где бульба хранилась. Потом кухня, и в основном мы жили на кухне, и как умещались, я не понимаю, и кухня небольшая, потом вторая половина, там летом только, а зимой там было закрыто всё, ещё боковочка такая, так вот в этой боковочке хранили яблоки, потом переносили, сначала их надо было туда донести, собрать... Я и по яблоням лазила, собирала... Короче говоря, море работы было... И сено складывать. А сена у нас было... Потом уже начали стожки какие-то оформлять, а то сначала было на чердак у сарае сено... Работали очень, очень.

И коровы были, и свиньи были, и овечки были, и куры были, и все... Свиньи... Даже, помню, свиноматка даже была, так мы свиноматку переводили в хату, в ту боковку, просто может мороз... Помню, что свиньи были в хате с поросятами. Поросят продавали. Овечки в поле, а я пасла коров, очень любила это дело... (*смеётся*). Загоняли в стада, и получается люди пасли по 3 пастуха, ну очередь придёт... Например, я, второй сосед, третий сосед. Там и овечки вместе были, и коровы вместе были...

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1946 г. н.

* * *

Я з 1939 года, мне было 5 годзікаў, када немцы прыйшлі у вёску, нас было пяцера, сабралі і павязлі, кагда мы вярнуліся – у нас ні хаты, ні таты. Мамае кажуць: «Бяры свой вывадак і ухадзі!» Прышлі в Ліпнікі і яшчэ малое на руках у мамы, і асталіся, хата разбурана, і печ разбурана, ні вокан ні дзвярэй, нічога. А я помню, што у нас балышая сабака была і пчолы былі. А вабшчэ у нас парцізанская вёска, усе эці хлопцы былі у парцізанах. Две нашых жанчыны ўбілі, адну у сараі, а другую – маю матку хросную, растралілі, а малага жыўём у яму ўкінулі і закапалі. Вот мы і асталіся, хадзілі, жабравалі, пабіраліся па хатах, па вёсках хадзілі, вот такое дзетство было. Нічога не было есці, хлеб пяклі, у лесе ёсць такі цвет, верас збіралі, сушылі і пяклі хлеб. Як мы выжылі –эта чуда. Два браты выжылі, а малая памярла. Браты падраслі, пашлі нанімацца пасвіць, а тата вярнуўся, як асвабадзілі, паляжаў нядзелю – памёр. Саседка прыйшла, а мы рабілі ў калхозе, лён рвалі, а есці што было – булён, картошачка і чуць малако, і яна кажа: «Пайшлі ў нянькі! На мясакамбінаце дырэктар, трое дзяцей». Ну мы прыйшлі, а эта мне кажэць хазяйка: «Каго ты мне прывяла? Яе самую няньчыць нада, а ты прывяла» (*смяецца*). Тады не паспарта гэтага не было, нічога, можа сямнаццаць... Ну дык я да гэтага яшчэ хадзіла па другіх у няньках, ну і засталася я ў яе, восем гадоў атработала.

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

* * *

Раней, канешна ж, калі было 30 сотак пасаджана аднэй картошкі, свіней жа ж гадавалі. А цяпер трохі, да не дагледзець! Я зімой снег не пераварываю, летам - траву (*смяецца*), алергія невынасімая. Чаго не было – эта гусей і коз, а так усё трымалі – і ўткі, індаўткі, і індыкі, і авечкі, і каровы, і па две каровы... Авечкі – і на мяса, і на шэрсць, мяса там накруціш, но як мне – нейкім яно кажухом аддаець (*смяецца*). А кролікаў жа скока было, пака не пазабалелі да не паздыхалі. Госпадзі! А шэрсць мянялі на ніткі, да і валенкі валялі – у Варапаева вазіла, быў вальшчык. Як тока падумаць – страшна робіцца – скока было ўсяго. І вот відзіце, як малады – ўсё ўпраўляўся.

Запісана 03. 07. 2024 у в. Галбея ад жанчыны 1948 г. н.

* * *

Когда-то объявляли в школах сбор растений, собирали, сдавали. У меня ещё сын собирал, но говорили, что на нужды ветлечебницы собирали конкретные растения: тысячелистник, зверобой, подорожник. Когда-то можно было сдать в заготовительный пункт и получить какую-то копейку. Мне интересна тема травничества из-за того, что у нас бабушки с одной и с другой стороны были травницами. Только бабушка с одной стороны больше косметикой занималась, всякие порошки делала, чтобы лицо вместо мыла протирать, добавляла ещё белую и красную глину в эти травяные порошки. В то время тоже были красавицы, которые знали, как пользоваться всеми этими вещами, которые сейчас называют уптан. Это по-восточному травяной порошок, в который может быть добавлена глина, может быть ещё там что-то. В частности, моя бабушка добавляла овсяную муку. И вот так для кожи полезно очень. И очищающее, и может быть как скраб, и может быть как маска в зависимости от того, сколько вы подержите на лице. А с другой стороны – прабабушка со стороны моего отца. Она прожила около 120 лет. К сожалению, она умерла не по своей смерти даже, не по старости, а она лезла на чердак за яйцами. Тогда зимой держали кур на чердаке, чтобы они не замёрзли. Планка сломалась, она упала и рёбра побила, возможно, сломала. Зимой человек пожилой полегит – воспаление лёгких. И она таким образом умерла, но она знала очень много всяких таких рецептов и лечила в округе ну всех людей. В частности, лечила коклюш у детей. Мне отец показал это растение, которым она лечила, а это одно из самых ядовитых во флоре нашей Беларуси. Всё, что мне отец рассказывал, хотя он рано очень ушёл из жизни, я запомнила, потому что и носила ему обеды, когда он косил. Какое-то время, когда мы отдыхали в тенёчке, он подгребал под себя сено, доставал по стебелечку и про каждый мне рассказывал. Именно вот эта любовь моих родителей, бабушек, дедушек к природе меня подтолкнула к тому, чтобы я закончила биологический факультет.

Растения можно у себя выращивать, как я говорила уже, на окошке, можно где-то на грядке у себя выращивать. Я вот попробовала у себя мяту. Не совсем удобно выращивать большие площади, особенно в закинутой деревне, потому что на соседних участках у нас растут там и осот, и всё что угодно. И эти семена все падают и очень трудоёмкие. Я сейчас пробую перейти на выращивание мяты в ящиках. Это, может быть, немножечко попроще будет. Когда растение растёт в естественных условиях, когда туда не добавляется не удобрение, ни перегной, ничего – это растение больше накапливает полезных веществ. Если мы начинаем пичкать его, оно избалованно всяк, как раз-таки тогда всяких полезных элементов и масел в них будет поменьше. Ну и некоторые растения я держу у себя на огороде как "флажок". Ну вот, допустим, куст огромный зверобоя. Он зацвёл, и я знаю, в какой он приблизительно стадии, такой он будет и в природе. Я знаю, где его много, мы едем на машине, набираем сколько нам надо в чистой зоне. Я даже отказалась большие площади у себя иметь у дома. Я туда приезжаю на дачу, и там, чтобы были чистые площади, не под деревьями. Тогда там меньше засорённости. Ну и стараемся собирать после дождя, когда дождь уже смывает вот эту пыль, потому что пыль может быть не только от дорог, но и от растений.

Зверобой в нашей флоре белорусской уникальный, потому что нет другой травы, которая так хорошо пролечивает нервную систему. В частности, депрессии. Но зверобой нельзя сильно много принимать мужчинам, а ещё нужно быть очень осторожным, если принимаете какие-либо лекарства. Скажем так, вреда особо не будет, но зверобой сводит к нулю усилия тех лекарств, которые вы принимаете. Особенно лекарств, которые выписывают вам для пролечивания сердечно-сосудистой системы. Вот поэтому надо его очень аккуратно принимать и всегда читать аннотацию к лекарству.

Насколько я заметила, у наших предков не было такого, что в один котёл кидали очень много травы. Обычно кидали три травы. Ещё добавляли ещё ягоды и фрукты. Есть ещё, допустим, успокаивающий чай – душица, зверобой, чабрец. Это, или эти витаминные – наши местные напитки. Я изучала, бабушек расспрашивала в других населенных пунктах. Обычный чай – душица, зверобой, чабрец и мята там ещё. И различная компоновка. Ну, когда у кого-то температура была, добавляли ещё туда малину, землянику, добавляли ягоды сушёные. Если какие-то проблемы с желудком – добавляли чернику, если со зрением – календулу.

Сейчас очень удачное время собирать зверобой. Вот я собрала с цветущего куста. Но зверобой у нас в республике двух видов есть. Одна веточка раскидистая, это видовой признак – зверобой продырявленный. Есть с менее раскидистыми веточками, которые больше растут вверх – это зверобой обыкновенный. Чем он отличается? В фармакопии допустимо, если зверобой будет содержать процентов до 5 этого зверобоя. Он не есть вредный, но и полезного в нём мало, потому что тут не содержится эфирных масел. Почему зверобой продырявленный? Если посмотреть на листики на свету, можно заметить такие дырочки. Но это не дырочки, это такие капсулы, в которых содержится эфирное масло. А во втором зверобое нету. Ещё чем отличается помимо формы и этих масел? Если вы посмотрите здесь на стебель, у обыкновенного четыре грани на стебле, а на продырявленном – две, только они меняются под углом 90 градусов в каждом междоузлье. Междоузлье – это там, где веточки отрастают.

Сейчас во всю начал цвести иван-чай. В прошлом году я на мастер-классе показывала, как ферментировать его. Пожалуйста, не пропустите это время. Это культура наших славян, которую надо возрождать, потому что иван-чай – это напиток, который гораздо полезнее, чем напиток с китайского чайного куста. Он не содержит те кислоты, танины, он не так действует на нервную систему. Считается так, что чем иван-чай севернее, тем он больше содержит питательных веществ, микро- и макроэлементов. В частности, ученые доказывают, что в ферментированном иван-чае содержится 69 элементов таблицы Менделеева. А наш организм нуждается во многих веществах. И скажем так, что все травяные напитки – это поливитаминный продукт и поставщик микро- и макроэлементов. Кроме витаминов, макро- и микроэлементов есть ещё различные гликозиды, сапонины, кислоты, которые тоже необходимы для нашего организма. Есть и витамин К, который сгущает кровь. Он содержится в иван-чае, в той же самой крапиве и тысячелистнике. Они как бы похожи по своим свойствам, но настолько разные. Если переборщили весной и переели крапивы, всё поглощая не думая, то можно до тромбоза какого-то доживать. А если в организм попадает какой-то тысячелистник, он тоже способствует сворачиванию крови, но он никогда не допускает образование тромбов. Аналогично и иван-чай. Как моя бабушка говорила, иван-чай сам находит дорогу в организме человека и пролечивает то, что вы даже не знаете, что надо лечить.

Итак, каким образом собираем. Мы ветки иван-чая держим сверху одной рукой, а другой сдёргиваем листья вниз чтобы было их штук 10-12. Ну я обычно надеваю рукавичку, чтобы руки потом не были зеленые. Потом обязательно собираю в корзину или в дышащий мешок. Дома расстилаю скатерть, слоем таким не очень толстым, чтобы эти листья провялились, складываю. И потом проверяю, если лист гнётся, то с ним можно работать, если он ломается, то тогда он будет просто разбиваться на листья, иван-чай у вас получится, просто он не будет красиво разворачиваться. И потом этот собранный иван-

чай мы перетираем. Можно просто скатать руками в трубочку, чтобы он стал такой зелененький. И потом просто бросаете в ёмкость. Много, конечно, надо так натереть, продавливаете. Потом полотенце какое-то взяли или салфетку, увлажнили и сверху накрыли, и у вас этот чай стоит. Ещё можно иначе сделать: вы берёте полотенце, желательно льняное, намачиваете, отжимаете, раскладываете. Потом нужно сделать колбаску из полотенца, положив внутрь листья иван-чая, затем закручиваете и мнёте. И говорили в старину, если родители вот так помякают чай, сделают такой иван-чай, он ещё принимает силы и матери, и отца, и тогда этот чай получается очень полезным. Потом нужно переместить листья в какую-то ёмкость. Допустим, у меня есть глиняные бочонки, как для солёния огурцов, я туда набиваю. Если у меня уже туда не влезает никуда, я уже беру целлофановые пакеты и складываю в них и потом выдавливаю воздух. Есть ещё один способ. Когда у меня дедушка и бабушка уезжали, продавали дом в деревне, я тогда совсем маленькая была и еле-еле помню, моя мама, что оттуда взяла – коляску. Она погрузила туда лавку, больше ничего не взяла, мелочь только какую-то. Зачем она взяла лавку, думаю я. А она ножки ей открутила, сверху вот эту доску, широкую и толстую. Оказалось потом, что мама на этой лавке делала чай. А там дерево очень толстое было срезано, и от старости вот эти мягкие ткани ушли, остались такие ребрышки, годовичные кольца. Ну в общем, получился как бы такой круг вокруг сука большого. И она потом брала тарелку глиняную, выпуклая такая была, очень удобная для руки, она потом разбилась. Значит, она набивала эту тарелку иван-чаем провяленным. Потом переворачивала на эту доску и водила по кругу. Пока я жила, училась и ездила туда-сюда, у нас в доме там жили много и невесток, и дом снимали и отдыхали, пытались на этой лавке дрова рубить. В общем, эта лавка ушла в незабытие. Я мужу рассказала, и говорю ещё, что видела там у одного мастера, он мне сделал вот такую вот доску. Она как солнышко. Когда лист этот водишь по лучам по кругу, ближе к центру – он заворачивается. То есть доска работает как китайский роллер. Вот как в Китае вялут листья и делают на роллерах этот чай, скручивают, аналогично и здесь. Самое главное, после того как закрутили размятый иван-чай в целлофановый пакет, не передержать грушевый запах. Сразу запах свежескошенной травы, потом карамельный, вишнёвый, смородина. Как только вы почувствуете запах груши, надо моментально остановить ферментацию. Ферментация – это окисление, а далее – гниение. Останавливается ферментация одним способом. Сразу же поместить в горячую прогретую духовку, где-то 100-110 градусов, и минут 10 чтобы это чай там побыл. А потом вы убираете эту температуру, допустим я часто сушу в домашней газовой плите, но у меня там лежат два красных кирпича для печи. Потом можно уже досушивать при открытой дверце, чтобы уже поддерживалась температура градусов 40-50.

Сразу после того, как высушили, нужно вылежать иван-чай, чтобы он пахнул. 2-3 месяца в стеклянной банке с плотно закрытой крышкой. Обязательно все травы, если вы хотели, чтобы они сохранили цвет, надо хранить не более года крупными фракциями. Травы я помещаю в коробку, проклеенную скотчем по всем пазам в темном прохладном помещении. Надо в сухости держать. Если вы храните крупными фракциями, в них сохраняются эфирные масла.

Восьмого июня я была на выставке Белагро в Великом Камне, и там были делегации Китая, тоже подходили смотрели, я показывала мастер-классы как вот скручивать. Они посмотрели, попробовали и оценили чай. Они посмотрели на эту доску и сказали, что аппарат точно как у них, только у них электричество крутит. У нас совсем другая цель. Цель моя – сохранить аутентичность, сохранить наши традиции.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Муж рассказывал - там дети бегут на речку, и я побежал. Весь потный, а потом окунулся и горло болит. Так дедушка говорит, масло в ложке и обязательно на пороге зажжёт лучинку, растопит на этой лучинке масло... И вот, выпей этого масла и лезь на печь, ложись – и всё лечение было. Моя свекровь, когда уже совершенно заболела, мы врача вызвали, ей уже было 87 лет, врач спрашивает: «Когда в последний раз были у врача?», а она говорит: «Я никогда не была у врача». Вот так. А теперь у нас томики истории болезни. Конечно, травки какие-нибудь. Помню, мне так было плохо, я одна была у родителей, бабушка была у меня, и что-то вот такое, может глисты какие или ещё что, ну плохо стало. Так мама и бабушка: «Ай, это один ребёнок, как ни одного!» И мама там неки скипидар где под носом помазала, где на грудь нанесла. И всё, я даже не знаю, чем нас лечили, сами мы выживали, как могли. Это теперь мы бежим к врачу. Кто нас там лечил? За то и умирали.

Записана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Там вот хутар быў, два дамы, два брата радныя жылі, два дамы, там і сараі іхнія былі, і лядоўня адна на дваіх была. Лядоўня –эта ў зямле капаецца такая бальшая яма, глыбако капаецца. Над этай ямай вазводзіцца крыша, без сцен, без нічаго, проста вазводзіцца крыша, і вот ўсю зіму возяць з рэчак там, з возера, лёд, бальшымі глыбамі, выразают, высыкают, там па-разнаму, і закладываюць этак лёд. Ну зімы ж тагда суровыя былі, не нада было ўкрываць, а тады ўжо пад вясну, ані ўжо ўкрывалі саломай, многа саломы зверху лажылі, дажа зямлёй дзе прысыпалі, штоб этак лёд храниўся, і лажылі туда рыбу. Рыба – ана ж маментальна порціцца. І мяса так хранилі. Вот, этак лядоўня ў нас звалася. Ну вот, этак лядоўня была. Так я малая была, пайшла ў лядоўню, а там лодкі былі, залезла ў лодку, лет 5-4 было, і ўснула ў лодкі. Мяня ўжо іскалі ўсюды, па ўсім вадаёмам дзярэўняй усей. А я выспалася і прыйшла дамой...*(смяецца)*

Записана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Всё только для себя выращивали, конечно: лук, морковку, капусту, но в основном зерно, потому что было два коня, корова. Зерна было один гектар, но это было для колхоза. У колхозе уже было 30 сотак. Так, конечно, меркавали, семья наша вяликая была, дык картошки побольше садили. То ж у магазінах же не было до 1950-го ничего не было, дык вот так. Ничем не торговали, только для себя, только так проживали, было 30 гектарау зямлі, а цяпер зямля дорогая...

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Хто пайдзе – заблудзіцца, а я пайду ў лес, знаю дзе сядзяць падасінавікі, дзе баравікі, і столька ўжо кош набяру, разы два хадзіла ў лес за грыбамі на дзень. І цяпер я як знаю дзе сядзіць, я б пашла, я яго там знайшла, лес у мяне быў знакомы. Лес, ягады, усё гэта і было. Усякіх грыбоў было. Падасінавікаў, зашла раз, 20 баравікоў сядзяць, сядзяць... То наткнешся на падасінавікаў, лезуць яны, лезуць і там, і там. Кош наб'еш, пойдзеш на заўтра на гэта месца, пазней апяць яны там сядзяць. Ну дык я ж знала кожны куст, я каб не нага, шчэ і цяпер схадзіла б. Кош прыцягнула б. Калі знаеш, дзе яны ёсць, а не знаўшы і не найдзеш *(смяецца)*. Рыбу лавіла. Возера гэтак во ў мяне праз дарогу ад хаты. Тады ж рыбы многа было ў азёрах. І акунь, і ляшчы, і падлешчык. Усякая рыба такая была. А што

казалі, возера казалі травой... Ужо зялёная вада. Жабы паздыхалі. Кажуць, вада ў возеры абы-какая.

Ракі былі! Пойдзеш і з фанаром і вета́м, ко́шак э́ціх ра́каў на́ловіш, нясе́ш пра́даваць. Во вoсь тaкoe бoлo. Стoлькі ж ра́каў ужо нeт. Мусі́ць ё́сць, казалі. Ры́бу ўжо за́прэ́т лаві́ць, але яшчэ́ пoйдзеш, вудачку за́кі́неш, дык яшчэ́ тaкoгa ля́шчa вы́цягнеш! Часу́ ж бoлo, тaму штo нa пeнсію пaшлa. Ні́хтo нe ча́паў мя́нe, і́дзі куды, абы́ то́лькі нe заблудзі́ся. Да-да, нa вудачку, ну нoрат, нaраты ставля́лі, на́кі́двалі тaкія зрoблeныя, у бeра́жку пaставі́ш, тaкая дужкa за́гнéная і нa яe пaлaчкі, пaлaчкі тaкія, і нa гэ́тыя пaлaчкі сeтку на́цягвалі, і вoт тaгды́ бы́ў нoрат тaкі. Пeршaя мaя бoлo, нoрат гэ́ты мoй, ягo ж нaдa бoлo на́цягну́ць, ра́біць я́му aбaдoк, тaды ўжо́ нясeш ягo ў oзeра, бoлo тaды, a ця́пeр мeнш. Мі́рoжa бoлa, яны́ і ця́пeр мoжa ў кaгo ё́сць. Яны́ тaкія дугі... Штук п'яць і тaды на́цягвaе́ся сeткa, і тaды ў сeнax тaкая мі́рoжa; і тaды э́тыя мі́рoжы вo тaкія, кaб пpaвeе́ прaхoд бы́ў за́хaдзі́ць к ры́бe. І́нц'я́рэ́сная тaкая, мі́рoжa гэ́тa. І лeс пaвы́разалі́, ця́пeр усе́ рэ́жyць і рэ́жyць ягo, і ягaд нe тaк мнoгa, як бoлo даў́нeй, усе́ тaкі́ даў́нeй нe зб́іралі́ як шчac'я́кaсь гэ́тымі́ скpaбaчaмі, і тaды зб́яру́ць і ў́сe. Даў́нeй нe бoлo і́х кaмy зб́іра́ць, стары́я нe йшлі́: блудзі́ць бaя́ліся. Мaлaдoмy – нeкaлі́. Ця́пeр нe тaк ужо́ ягaд ё́сць. Лeс ужо́ нe тoй... Уні́чтoжы́лі і́х. Oй, гры́бoў бoлo! Рaслі́ яны́ са́мі пa са́бe, ця́пeр слaбa, як нaсeя́нa бoлo. Бoлo бaлoтa, жуpaві́ны бы́лі, a кpyгoм лeс. Вoсь, маé дзeткі́.

І тpaвы́ э́тa ж тpэ́бa пaні́мaць, як яe са́бpaць. Мoжaш атpaві́цца, нaдa знaць. Пpы́ даў́нeйшым мoжa сці́лe xтo і зб́іpaў, маé ба́цькі́ – нe. Ягaды́ і гpы́бы тoжa ядaві́тыя, і ягaды́ aбы-я́кія, у гэ́тым я ў́жo знaлa, я́кі гpы́б і ягaду́, якую́ бpaць, якую́ - нe нaдa бoлo бpaць. Уну́шэ́ннe сі́льнa тaкoe, нaвyкy нa і́х, яны́ бы́лі пaхoжы. Бapaв́ік пaхoжы нa ядaві́тaгa бapaв́ікa. Бapaв́ік пaд'я́лoв́ік звaлі́. І мyхaмoры́ бы́лі. Тpэ́бa знaць бoлo, штo са́б́іpaць.

За́пі́сaнa 26. 06. 2024 y г. Пaстaвы́ ад жaнчы́ны 1939 г. н.

* * *

А́ я бoлeй лoб́і́ў за́ кaнéм хaдзі́ць. Ну́ я вaбшчэ́ кoнeй лoб́лю, дaжa і́хні́ зaпax лoб́лю. А́ за́ кaнéм ну́ тaк нe ўтoпчaш гэ́ты́ aгaрoд, тpaктap гэ́ты́ нeбaльшы́ бы́ў. Тpaктap для́ мeня́ гэ́тy ну́, дa. Нa пpы́цэпe, сeнa зaв'язці́, ці́ тo тaм гнoй вывeзці́ нa пoлe з-пaд хaты́, ад тaгo, штo кaрoвa тaм бoлa ў́ хл'явe. І тaды́ яшчэ́ ё́н яшчэ́ нaшoў кaсі́лку двyxкoннyю́ і мы́ тaды́ гэ́тy кaсі́лку зpaбі́лі, кaб я́нa ца́плялaся́ за тpaктap за пpы́цапнoe ў́стpoйствa і нa гэ́тaй кaсі́лцы́ кaсі́ў. Oй, кaсі́лі́ мы́ мнoгa. І мaлaтapня́ ў́ нaс бoлa, дa гэ́тaгa тpaктapa ў́ нaс бoлa сцэ́пкa бapoль, мaлaтapня́ бoлa, э́тa штo б мaлaці́ць нa пoлі́ тaм, ждaлі́ зямлю́ ў́ 1990-я гaды́, бoлeй зямлі́ далі́, чым кaля́ хaты́, і мoжнa бoлo сeвaвapoт са́блoдaць, дзe бу́льбy, дзe тaм пшaні́цы, дзe ячмeнь. І тaды́ скoсі́м, пpыв'язэ́м, у снaпax пpыв'язэ́м пшaні́цy. Ё́н тaм, дaпyсці́м, зpaбі́ў, бoльшы́ тaкія́, пaвeткy бoльшyю́, і тyды́ склaдвaлі́, хaця́ і нa вулі́цы́ склaдвaлі́, снaпы́ гэ́тaй пшaні́цы. А́ тaды́ мaлaці́лі. Дв́ігaцeль л'яжы́ць ЗІТ, ё́н вы́мяні́ў дзe-тa, і тaды́ пpывaд бы́ў paмéнны пeрaдaчы́ нa гэ́тy мaлaтapню́. А́ мaлaтapню́ ё́н тoжa дзe-тa нaшoў, ну́ відзeў́ жa ё́н y пoльсќія́ чaсы́, як бы́лі. Дыќ я рaскaзвaў́, штo ў́ дзяду́лі́ мaйгo бoлa мaлaтapня́, ну́ гэ́тa бaцьќі́нaгa бaцьќі́ мaлaтapня́, як пpы́eхaў́ з Aмepы́кі і гpoшы́ ў́ ягo бы́лі, і штo ё́н кyпл'я́ў бoлeй, нe знaю́. Дыќ вoт, ё́н нaшoў́ тaды́ бapaбaн, (нeрaзбopл́івa), ну́ пaд бapaбaнaм ставі́цца, зyбы́ гэ́тыя́. І тyды́ пaдaeш́ снaпы́ салoмы́, ну́ нe сплaшнeы́e, тpoxý ягo paссыпaeш́, paссoўвaeш́ pyкoй, кaб бoлeй плaў́нa я́нo і́шлo paссыпaнae, хaй са́бe нeйкі́ слoeц́ 3-5 сaнці́мeтpaў́, нo нe тo, штo кyчaй нeйкaй бaльшoй, вoт. І тaды́ зpaбі́ў нoгі́ дa гэ́тaгa, дa гэ́тaгa бapaбaнa. Бapaбaн, кaб кpyці́ўся́, зpaбі́ў шќівoк. Хaй са́бe гэ́тa бoлo дaвoлі́ пpымі́тыў́нa, нo ё́н paбoтaў́, усе́ paбі́ў. Я́ тaды́, як ё́н ужо́ пaмéр, y нaс гaспaдapкa пaмя́н'ялaся́. Я́ тaды́ і гэ́тyю́ мaлaтapню́, і ЗІТ пpaдaвaў́, poзны́я чaсці́, тaму́ штo зaxaвaць тaм н'ямoжнa. Жывéм тyт, a гэ́тa 50 кі́лoмeтpaў́ і тaм кpaлі́. І кpaлі́, і дaгэ́тyль кpaду́ць. Здaeц́цa, штo тaм кpaсці́? Усе́ poў́нa кpaду́ць. Шкaдa бoлo з гэ́тaй гaспaдapкaй, як ужо́ ў́цягнyў́ся́, бeз яe aстaвaц́цa. Ну́ штo тyт зpoбі́ш? У́ вéсцы́ бoлo двa кaні́, нeйкі́ пepы́яд бы́ў, штo гэ́тых́ кoнeй нe хвaтaлa, вoт. А́ тaды́ кoні́ ў́ людзeй

меньшылісь, а коні свабаднейшыя. Я дужа любіў з канём працаваць. А тады цесць захварэў. І вот эта я ўжо знаю, што ён хворы, крэпка хворы і перад тым, як паехаць у бальніцу, ну там яму хіміатэрапію правялі. Ну, карочэ, пасля гэтай размовы (якая запісана на касету), праз 3-4 месяцы, я не помню, калі яна была запісана, можа ў фебрале, а ўжо ў канцы мая ён памёр. Так. А дужы быў тожа. Невялікі быў ростам, ніжэйшы за мяне. Но такі дужы! Помню як мы рубілі зруб, паміж усяго іншага нада яшчэ і снaroўку яшчэ мець, і знаць як што рабіць. Рубілі зруб, а я ж малады, здаровы, бяруся, брэвно мне гэта не нравіцца, а ўжо яно там на лесах рубілі ўжо там вянкi вышэй акон былі. І вот я падхаджу, а бровна там здаровыя, ну гэтай хаты. І перад сабой гэта беравяно паднімаю і цяжка мне! Ну я ж ужо начаў паднімаць, мне ж ужо нада падняць, мне ж ужо нада паказаць, што я не так гэтка слабак, узяўся і чаго ўзяўся? І я з цяжкасцю яго пераклаў, што б яно тут не мешала пэўна хадзіць. Праходзіць мінут 10-15. А цесць жа, ён жа самастаяцельны, ён жа майстар, не па ягонаму зрабіў; прыходзіць, плячом цісь, лёгка! Нада - ўмеюць гэту работу рабіць, і зусім лёгка. Так і сам расцеш, глядзячы на другіх, удзельнічаючы ў розных працах, занятках. Тады што яшчэ сказаць, як памёр цесць, тады я прынцыпіяльна, на гэту хату мы многа чаго загатавалі: досак там, на падлогу і на пол, многа куды. І я прынцыпова з тых досак, каторых мы загатавалі. Прынцыпіяльна папрасіў, каб зрабілі яму гроб з ягоных досак, з лесу, пад маім кіраўніцтвам.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

З Расіі прысылаюць некаторыя людзям спірт такі врэчны, што ім вокна працяраюць, і вот гэты спірт разбаўляецца з вадой і людзям прадаюць спекулянты, зарабляюць грошы. Ён очэнь врэчны для здароўя. І дажэ ў Паставах был такі Ляўкавец, начальнік над ўсімі магазінамі был. І ён зрабіўшы для сябе завод, падпольна. А людзей наймаў, прывазіў спірт гэты, разбаўлял вадой і па магазінах. Людзі травіліся, і еслі вып'еш более, то памрэш. І звалі "палёная водка". І вот, начальнікі прыедуць...А што, пайду ў магазін, што я знаю, ці гэта разбаўленая Ляўкаўцова водка ці гэта з завода добрая прывезенная. Дажэ прадаўцы гаварылі, што еслі Ляўкавец прывязець, так людзі травіліся. Мы гналі самагонку, але не да прадажы, а для сябе. Кілаграм шэсць сахару, хлеба буханачку пусціш туды, дражжэй, как хадзілі яны; нядзелі дзве пастаіць, гоніш і літраў дзевяць выйдзець, сорок пяць градусаў. І нармальна, без ўсякай фальшы. Так калі начальнікі прыедуць, так пьюць самагонку. Самагонка лепей, чым у магазіне купляць. І кагда замуж выхадзіла, нагналі водкі. У нас у вёске была мода: браму робяць, мужыкі зберацца, ну і прапускаюць маладых чараз браму, паздраўляюць і даряць ядро водкі.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1941 г. н.

* * *

А як доставалі – цяжко, нічога ж не было. Нейкі лоскут аднекуль ехалі купіць што. Вот ездзілі, а ездзілі ўсюды, горады ж у вялікія ездзілі. Вот так ездзілі веласaped мне купляць, ездзілі яны. Ну там ж открыта ж было ў Латвію, у Рыгу ездзілі куплялі. І лоскуты там, мацэріалы, кусочак штапелья прывязут там, ну тут сашыець нехта ўжо, потом носяць так. А тады мы ўжэ подрослі ўжэ такія сталі, ездзілі ў Латвію і ў Літву за чым... За прадуктамі ездзілі, у нас жа тут не было так. У Вільню ездзілі на поезде, каб колбасы купіць, каб яшчэ что-небудзь. Ездзілі ў Даўгаўпілс. Гэта бліжэй нам было і паезда хадзілі туды. Дык цяпер у нас жа ж усяго, а раньшэ... Тады ўсяка жылі. І купоны былі, цяпер яшчэ бадзяюцца. Давалісь на рабоце купоны. Нейкія выражуць так купонаў там і мне дадуць нешта за гэтат ужо. Я заплачу, але яго няма ў достаце, каму толька прыйдзецца. То ковырк які, то хоць што, пададзеяльнік... Но цяпер як добра жыць, дык ужэ ж вот толькі жыць. Магазінаў гэтых настроілі ў Паставах, аль "Капеечек" гэтых усякіх... Мае ўсяго, і "Маяк",

і тады ўсё, а нашы гэтыя пазакрывалі, прысаюзаўскія, што былі. Ну ўжэ прадуктаў тут, чаго хочаш. Распусціўшыся мы цяпер... Што ж мы ў вайну елі? После вайны што мы елі? У нас ж нічога не было. Хлеба ж не было. Мама па васкрэсен'ям хлябок пякла, а хлябок з чаго пяклі? Вот віка была такая, ну віка, можа вы не знаеце... Сеюць цяпер у колхозе, семена такія меленькія, но ана гарькаватая сама, кагда ізмеріш. Гэту віку дабаўлялі. Тады елі, канюшыну сабіралі, бо той клевер гэты такі... Сушылі, цёрлі і яго дабаўлялі сюда і гэныя вікі. І што яшчэ? І крапіву, ну прадукты чыстыя елі мы. Крапіву, алад'і пяклі з крапівы, троху нечым. Так, паявілася нейкая соевая мука. Дзе яна бралася – не знаю, такая жоўтая-жоўтая. Размяшчалі гэты блін, як алад'і, і гэтыя алад'і зялёныя, бо крапіва ж зялёная. Больш нічога, елі гэты. І гэты хлеб чакаем ў васкрэсенне, калі мама спячэ булчкі хлеба. І пахнуць нам яны так...

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1934 г. н.

* * *

Бабушкі маі траўкі збіралі, лячыліся. Раньшэ ж не было столькі лекастваў, усё травамі, заговорами. Мамка мая загаварывала, бабка адна загаварывала. Мамка загаварывала ад вывіхаў. Я как-та верыла, і как-та не верыла. Гавару: “Мама, вот скажы, памагае?” Яна гаварыт: “Не знаю, а еслі б не памагала, людзі б не прыхадзілі”. А ей папа яе перадаў, эта мой дзед. Радзіцелі мае ў Мядзельскай раёне жылі. А патам як пастарэлі так добра, так пераехалі сюды, у Паставы, тут цёткін дом астася, яны там жылі. Ну так дажа адтуда прыезжалі. Загаварывала жывотным і людзям загаварывала, вывіх нагі там, рукі. Ну, раз едут, значыць – памагае. Адні і це жа людзі прыезжаюць, ну значыць – памагала. Чыталася малітва зразу “Отчэ наш”, а патам там надо было пафукаць на руку ілі на нагу, ну і патам вот яна рукой так вадзіла, вадзіла і загавар чытала, а патам апяць малітва. Тры раза загавар чытала і прахадзіла.

Да, вот трава тысячылістнік, беленькая, яна кроваастанавліваюшчая, і патам мая бабка гаварыла, што эта трава ад жалудка. А мы в детстве этат тысячэлістнік, вот нагу пацарапаеш, кроў ідзець, і бывает не хоча астанаўлівацца, вот лісточак этава тысячылістніка размяў, размяў, так што б з яго аж сок пайшоў, ну і прылажыў там трапачкай, бінцікам прывязаў там, памяняў пару разоў, ну і ўсё, і нармальна, і зажывала. Падарожнік у нас, у дзяцей, было первае срдства; дзе што - зразу падарожнікам, і дзе камары там кусаюць, наплюеш, прылажыў падарожнік – усё. Вот так. Ну і ліпу ж сабіралі, вот у нас там на хутары, дзе радзіцелі маяго атца, там ліпы многа-многа было. Ані дажэ самі саджалі ліпы ў рад, тры рада былі ліп, і такія бальшыя-бальшыя, і столька пчол было, мора, і дзед дажэ пчол дзяржаў. І вот, выходзіш у сад, гул такі: “УЎУЎУЎУ”, вот так, і мёдам пахнець і цветамі пахнець, і ў саду была такая крыша, вот пакосыць травы нямножка, паложыць туда, і спалі там у саду. Прыйдзеш у сад – атдыхаеш, харашо было... Ліпу сабіралі, ліпа ад кашля, ад бронхаў. Зверабой сабіралі, эта тожа, бабка гаварыла, ад жалудка, там ад 100 балезней... Вот тут у мяне дамашнія: мятка, втарая мятка, меліса, патам душыца – душыца эта з родзіны маеі прывезены, сама пасадзіла тут. Чабарок расцець, тожа вот чабор очэнь харашо ад кашля, харашае срдства. Гарлянка – панаучнаму другое названіе, а так вот сярэнявыя шышачкі такія - ад горла.

Усе травы сушацца, канешне, не на сонцы. Сушылі як у дзярэўне: сабіраецца там ну нескалька, 5-6 штук пад крышу. А загатаўлівалі па-рознаму, некаторыя травы дажэ ноччу, еслі вот па-правільнаму загатаўліваць. Я вот чытала, что некаторыя нада ў поўдзень: пашоў за гэтай травой і сонца засланіў сабой. А ва-первых, нада папрасіць у леса, у прыроды ўзяць траву... Вот, ад сонца засланіў траву, каторую сабіраешся рваць, і толька тады рвэш. У мяне і адна, і втарая бабка вучылі, што еслі выдзіраць траву, то не полнасьцю. Еслі нада вяшкі – то корань не паврэждай. А еслі корні нада – значыць не ўсё выдзірай, штобы аставалася. Усё так, штобы бераглі прыроду, бабка мяне вучыла. А патам, я вот к цётушке сваёй паехала ў адну дзярэўню, ёй там што-та нада было да адной

бабкі. Вот, прыйшлі мы да той бабкі, зайшлі ў дом. А ў ніх там веранда ілі сенцы перад входам у дом. Вот, у яе ў гэтых сенцах проста зямля і паложаны аір –эта такая балотная, азёрная трава, яна такая пахучая, церпкі такі запах, на гібіскус можа пахож. Вот, а патам зайшла ў дом, а ў доме, знаеце, пол дзеравянны, но не крашаны, абыкнавенны, чысценькі-чысценькі. І тожа аір паложан, і тожа такі запах на весь дом. А патам вот у доме на паталке балкі падбіты, а ў балках дыркі такія, і па ўсім гэтым дыркам травы пазасунуты - ветачкі траў сохлі. Ліпа там, зверабой, разныя такія, якія яна толькі збірала. У доме каруначкі ўсюды: на радзіо каруначкі, цялявізара ў яе не было, на сталі саматканы абрус, тожа салфетка гэта... Вот, такі вот дом, старажытны такі, маленькі такі. Ізбушка на кур'іх ножках, і бабка старэнькая... Ну, бабка такая акуратненькая, чысценькая, без запаха, адзета чысценька всегда была. Вось усё, што я пра травы знаю.

Ну вот, цяўцелі рыбныя ў нас былі, у старыну ў нас всягды яешня, яе пяклі, не было ж чаго асоба паеці, а ў кождага куры ёсць. Тварог насілі і тады свадзьба... Не то, што адзін чалавек усё робіць, людзей жа, родственнікаў, саседзей многа ж было, а дзе ж ты набярэшся... Тым более, што прыцянялі гэта, я помню, там мама ў дзетстве засячэ якую курыцу, гаворыць: “Павязу чырвоным лупам”. Я думала: «Што такое “лупы”»? Аказваецца, гэта губы (*смяецца*). Так а чаму чырвоным лупам у Паставы? Патаму што ў нас жа тут два авіяпалка стаялі ваенныя, ракетчыкі стаялі, страіцельныя... Так гэтыя афіцёрскія жоны, яны ж ізысканныя, губы накрашанныя... Ну, і яны ж імелі дзеньгі, а нашы радзіцелі работалі ў колхозе і яны палучалі трудадні, а трудадні – гэта давалі зярном, а зярно напалову з мусарам. Хто табе лепшага дасць ад гасударства? Вот... А дзенега яны буквальна некалькі рублей палучалі за цэлы год, а надо ж было і адзежду купляць, і обувь, і соль, і сахар. І ўсё, што з агарода – ці яблыкі, ці слівы – усё ў Даўгаўпілс вазілі, у Літву, штобы капейка была. Ну так гэтак вот... І курыцу, і масла мамка сабярэць - вязе прадаваць. Думаю: «Чаму гэтыя лупы ядуць гэтую курыцу, а мне толькі вот гэтыя лапы курыныя застаюцца? Ну, што яна там у суп гэты кінець – галову курыную, ды лапы». Думаю: “Чаму іх нада гэтай курыцай карміць, а мяне во, лапамі, чаму яны лапы не могуць»? Так, я сваім умом не магла ніяк дагадацца, чаму мама туды вязла...

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Я проста любіў вельмі прыроду. У мяне бацька заядлы і рыбак, і паляўнічы, нас з братам цягаў на паляванне можа з пяточку, пяці гадоў, за руку. Ён са стрэльбай весь нас за руку вядзе. Потым я сам займаўся паляваннем, было цікава гэта. Як у 2002 годзе бацька памёр, мяне як адрэзала, шкода стала страляць у звяроў. У мяне стрэльба ёсць, але паляваннем не займаюся. Рыбалка да, рыбалка гэта, як гэта. Вот, таксама бывае шкода рыбак, бывае зловіш, магла б сарвацца, магла б, але ж да гэтага не дайшоў, адпускаю малую канешне, але вялікую рыбу ўжо ладна. Ну дык вот, бацька, відаць, прывучыў, прыцягваў да прыроды, проста так любіў пайсці. Жылі там на ўскрайку Пастаў, лес даволі блізка, 20 хвілін - і ўжо ў лесе.

Брат у мяне, напрыклад, ён паляўнічы. Ён паляўнічы, не прапускае ні аднаго выхаднога. Усё мяне запрашае, я ж гавару: “Не”. А вот на рыбалку, калі заканчваецца сезон зімовы, тады з ім на рыбалку ездзім. Рыбалка – гэта святое, рыбалка тут, спінінг. Рыбалка дае магчымасць пабыць сам-на-сам. У нас тут Дзісна працякае. Я бяру спінінг увосень ці вясной і еду туды. Заезджаеш, а там роўненька, вось, дзісінская нізіна. Там, колькі відаць, ні аднаго чалавека няма. Знаеш, што на мазгі капаць не будзе. Ходзіш са спінінгам, кідаеш, злавіў – не злавіў, другая справа. А так прыгажосць, пасядзіш, адпачнеш, нешта такое цікавае пабачыш, то птушак, то фотаапарат заўсёды з сабою нашу, таму фотаздымкаў мора розных.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1960 г. н.

* * *

Даўней, не патаму што я праслаўляю даўніну, але даўней дзеці – гэта было святое. Калі рабёнак у хату забяжыць, то стараюцца даць яму самае лепшае у руку. Як гэта без нічога выйшла дзіцяці? Ну там моркавіну, дадуць які яблык, ці якую пячэніну. У гэтай хаце у час вайны... Хата наша ўцалела, яна не такая была, з бярэвення было ўсё. Добра запомніла, што ў вайну мне было 3 гады, ну пакуль вайна ішла, дзе-та гадоў 6 было, ужо добра помніла, але самае страшнае, што запомніўся - жах вайны, такі страх быў ва ўсіх. Усе баяліся, гэты жах вайны, проста дыхала ім усё. Ну, як вайна закончылася, у гэтай хаце было 4 сям'і, дзяцей можа штук 7 было розных, я там была, і ўсім месца хапала, а падлогу насілі мыць да студні, таму што не было цвікоў прыбіць, ну і трапак жа не было. Ну вот, насілі да студні, вот, а вехці рабілі – верхачь называлася, - быў хвошч, такая расліна, много хвашчоў было. Набіралі гэты хвошч, рабілі такія вяхоткі з яго, і мылі ім лаўкі, сталы. Усё было чыста, прыгожа на вёсцы, а пасля ім карысталіся, такі побыт быў.

Робяць эты самы солад, тады брага гэта. Ну, як брага гатова, кожны мужык ведае. У вёсцы ў кожнага-у кожнага ёсць, трохлітровая банка абавязкова ёсць для сваёй патрэбы. Кажуць... Гаспадар мой з вёскі, як квартэравалі, так казаў. Кажыць, што тры літры дазваляецца самагонкі трымаць у хаце, ня будуць судзіць за гэта, для патрэбы. Ну і тады такі змеявік. Брага кіпіць, а ў змеевік цячэ вада халодная і па гэтым змеевіку эта пара ператвараецца ў гэту вадзяру і капаіць. Ну, і яна дзеліцца: першак, другак, трэцяк. Першак – гэта наліць у талерку і палажыць паперку - гарыць сінім агнём, сама гэта водка загараецца сінім агнём. Дык дзе-та градусаў 70 гэтага, 80 крэпасці. О, як сербанеш гэтака першаку, аж вочы на лоб лезуць. А другок - ужо тады слабейшая, гэту пасудзіну адстаўляюць, там яны неяк, неяк знаюць калі эты другак, тая ўжо слабейшая, тая ўжо градусаў 40. А тады ідзе трэцяк – эта ўжэ такая, для алкаголікаў трымаюць, сівуха такая, а так яна празрачная, як слеза.

Запісана 03. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

* * *

Шылі самі. Хто ня можа шыць сам – у нас у калхозе была швея. Там жанчына шыла, заказвалі, на пашыў ідзе. А купляць на базары – куплялі, а дзе ж куплялі матэрыялы. А после вайны зусім шылі проста, мы ткалі, лён вырашчвалі, вялі, пралі яго, ткалі. Вот, рубяхі такія. Ну як вам сказаць, адзежа была боле проста. Вязалі яшчэ сукенкі, вязалі з нітак гэтых простых. А ўжо тады, як можна было што купіць... Тады прыхадзіла лаўка, як вам сказаць, як яна праходзіла, па жалезнай дароге, хадзіў вагончык такі. І вот, шлі там у гэту лаўку, што ў каго рубелі якія ёсць. Вот, а мы трудзіліся, як пчолы. У ягады хадзілі, журавіны былі па 2 капейкі. Насілі гэтыя журавіны, куплялі, здавалі. Вось, гэты рубель заробеш - усё, у хаце тваёй ёсць рубель. Тады вазілі ў Вільна ягады вяснушкі, назваліся, у вяснушкі хадзілі. Так і жылі.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1936 г. н.

СЯМ'Я / КАХАННЕ

Фотаздымак з архіва жыхаркі г. Паставы

* * *

Я ў цэркву хажу. Мы былі нявенчаныя, і ксёндз казаў, эта без разніцы, дык павянчаліся ў касцёле, а тады ён кажа – ну ўжо ж ты католік. Дык што ж ты абмануў? Касцёл пастроілі, адрамантавалі. Ян, каторый строіў яго, сказаў: «Я да вас не прыду болей, таму што вы ў гразі жывёце». Я кажу – а дзе гразь? «Таму што не вянчаліся». Я кажу: «Ня прыйдзеце і ня нада, бацьюшка прыйдзець памоліцца».

Ня тое, дык тое, усяк было. Жыць прахыць – ня поле перайці. Тым болей з такіх гадоў усё пачыналі с нуля, ніхто нічога. Жаніліся – не сакрэт, нам грошы злажылі – дзіван купілі. Не было за што 20 капеек хлеба купіць. Я да бацькоў не паехаў, і яна не паехала да маткі. У Юрцавай, у дзірэктаршы, тры рублі пазычылі і вот з трох рублей, дзякуй Богу, разжыліся.

А тут у Ліпніках у лесніка, брат ейны, купілі каня, а тады ужэ я купіў матаблок. Матаблоку ужэ трыццаць першы год, наш, МТЗ, трудіцца, агарод саджу трошку, а то во (наказвае) пядзі да паталка не было, картошкай заложана усё. І матаблок цяжолы быў, і матацыкл, машыну купілі, за 12 тысяч “Масквіча” сорок першага, матацыкл ужо прадаў, і гэта прадаў, матаблок астаўся, тры гаражы стаяць во (смяецца).

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1943 г. н.

* * *

Ён прышоў да мяне на прымакі, сем гадоў толькі яшчэ ў сенцябрэ будзець, з першай пражыў 45 гадоў, яна памёрла зімой ў 2006, анкалогія у яе была. Тады ён жаніўся, перашоў у апрэлі ці калі да гэнай жанчыны, яна памёрла ў 2017, цяпер во сем (смяецца), я тожэ 45 з мужыком пражыла, памёр ат анкалогіі. Ён прышоў да мяне сватацца, у мяне мама с інсультам ляжала, я кажу – якая я замужніца, вон мама ляжыць, нада глядзець, а ён гаворыць – я і жонку, і маму, і цешчу – усіх дагледзеў, і табе памагу дагледзець тваю маму. Мы на заводзе ўмесце рабілі. Дажэ у аднэй смене скока рабілі. Но ён не думаў, што я маладзейшая настолькі за яго (смяецца)

Мы з ім гражданскім бракам, як цяпер маладыя (смяецца), ну праўда, ну нашто ў старасці распісывацца, а тады яшчэ трасці, хаты гэтыя дзяліць, абломкі. А бацьюшкам мы

не кажам (*смяецца*). Бацюшка варапаеўскі вон пяцёра дзяцей, развёўся з жонкай, ну як развёўся – адвёз яе на дачу, а сам сядзіць у Варапаеве, хай падумаець, што плоха зрабіла, дык што яна яму там плоха зрабіла. Дык бацюшкі думаеце не ругаюцца? Яны такія ж людзі, толькі што вучыліся.

Запісана 03. 07. 2024 у в. Галбея ад жанчыны 1948 г. н.

* * *

Мой муж просто в армии служил. Он служил в Карелии, в то время в войсках ПВО. Два года тогда служили, с 1975 по 1977, потом приехал. Он один у родителей, они у него такие простые колхозники были, потому что колхоз Чапаева был. У нас совхоз был, у нас больше цивилизация как-то была. Они жили в такой деревне, где 6 домов было. Хотя это и недалеко вроде бы от Постав и от центра колхоза, вроде бы один километр, ну они такие вот простые были. Отец у него вообще болел. Он как человек хороший, всё, много работал, копал колодцы, и, наверное, застудил свои ноги и у него начался рассеянный склероз. Он уже тогда не работал. А мать мужа дояркой работала, колхозницей. Всю жизнь они занимались сельским хозяйством и в колхозе работали. Он (муж) один был, и у него ещё дядя с тётей, у которых не было детей. Он на две семьи был, избалованный немного. Мы, когда поженились, хотелось побыстрее уйти и жить отдельно, чтоб квартиру свою имели. Он не стремился к этому. И я четыре года у свекрови жила, пока я уже не настояла, пока уже через скандал не дали нам не очень хорошее жильё, но всё-таки отдельное было.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1958 г. н.

* * *

Никто ранее не разводился. Все жили, как кому доводилось, так и жили, такой закон был, просто не разводились и всё, сами люди дорожили, что они остались в живых. Ну, я не знаю, у нас не было проблем, а в других семьях мы не знали какие проблемы. Вот теперь в моде на гэта, як паслухаеш, паглядзіш по телевизару, як артисты разводятся, сколько разоў жанилися... Я так удивляюсь, как это так можно! Удивляюсь... Ну, у мяне не было проблем у семье, жила почти всю жизнь в доме со свякроукай, пока не получили квартиру тут, в Поставах. 38 лет я жила со свякроукай разам и адзін у мяня быў муж. И мы гэтым вельмі дорожили, мне было очень хорошо (*улыбается*). Никогда я не ругалась! Я сколько живу, ну не поверите, я никогда никого не обозвала, ну вот не знаю, такого не было у нас приучено, мама была у нас такая спокойная, только дубчика отломит у веника, там что-то кто-то не послушается и всё, такой страх был у нас, дубчик. Мама моя николи ни с кем не ругалась, и я никогда не ругалась.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1937 г. н.

* * *

Значит, он окончил Пермское авиационное военное училище и его по распределению с его несколькими товарищами прислали служить в Поставы. А я в третьей школе работала, а городок военный там как раз, в той стороне. После школы на остановке стою, жду автобус домой ехать. Заходит тоже парень на остановку в гражданском. «Ну, одинокая женщина стоит» - говорит он. «А откуда вы знаете?». А у меня портфель с тетрадками. Автобус пришел, сел рядом, сразу на ты: «В школе работаешь?». «Ну да...». Тетрадки там мои смотреть, прямо, как будто, за партой сидели. До площади доехали, выходит, спрашивает: «Ты на танцы сегодня пойдешь?». Ему говорю: «Нет». Кстати, на ту субботу я договорилась со второй, которая математику вела. Говорю: «Никогда не была в доме офицеров на танцах, давай сходим». «Давай». Это я с

ней договорилась. А почему я не согласилась? Потому что на неделю до этого был день учителя и мы всей школой отмечали в ресторане. Вот я не ходила и захотела. Вот, он вышел на площади, а я дальше поехала. Я встречаюсь с ней и говорю: «Я тут с офицером познакомилась, Сашка зовут». И вот в ту субботу она зашла за мной и мы пошли за мной. Зашли, заходим, знакомит: это друг Саши, один, другой. Там ещё был буфет внутри, а там парень, с которым ехала в автобусе. Идет. «Вон, Саша идёт!» Подошел, начали танцевать. Потом провожал. Завтра ждал. С того дня неразлучны. И через месяц свадьба.

Когда он учился, у него высшая математика лучше всех, друзья говорили, сам хвастался ещё. А ещё философию любил, кличка была «Кант». А ещё он увлекался изобретениями. Он хотел изобрести какой-то вечный двигатель. На тех порах, когда познакомились, он рассказывал, я слушала. Потом, когда поженились, начал делать, собирать. Давно это было. Я думаю, без таких материалов и условий про вечный двигатель сомнения брали. Всё время он что-то изобретал. Также и в Уренгое.

Закончил он службу раньше, чем надо. У него такой характер: никого не может слушать. Вот, в армии командир сказал сделать, а он будет спорить, делать по-своему. Поэтому в армии ему было плохо. Например, он жил в шестом городке, в части объявляют тревогу, чемоданчик бери и беги. Он, нет, станет, побреется, позавтракает и спокойно пошёл. Поэтому другие ребята, с которым он... Дружу с ними до сих пор в Интернете. У него нет Интернета. Друзья спрашивают: «Как он»? Друзья получают звёздочки, а он всё ещё лейтенант. И стал писать рапорт: «Прошу меня уволить». Рапорту ходу не дают. Армия в то время... Как кадровому офицеру уходить? Ну, он написал в рапорте, что у него с головой не в порядке, вот отвёртку в моторе оставил. Испугались они и дали ход этому рапорту. Два месяца его продержали в госпитале, выписали. Я так не хотела этого и отца из Башкирии вызвала. Ну, никого он не слушал. Я боялась, что вернётся и не пристроит его. Между прочим, везёт некоторым. Открылся такой филиал вильнюсского авиа какого-то прибора, авиаприборов завода. Кстати, одно время в костёле был. Вот туда его взяли инженером-технологом. Я так удивилась. Очень хорошая для Постав работа. Но и там отличился. В его обязанности входило: женщины-намотчицы наматывали эти определенного количества витков, должно было быть, моторчики или что там, не знаю. А он должен был выборочно проверять, чтобы правильно сколько надо. Проверял, намотчицы, что-то там, с начальством возник конфликт. У намотчиц конфликт с начальством. А он начал за них заступаться. А начальник сказал: «Не нравится – увольняйся». Уволился. Потом он попал в больницу, взяли, где кабинет оптики, оборудование починить. По Поставской больнице и району ездил. Все, что в больнице от электричества работало, аппаратура была под его ведомостью. Он всё чинил. Но не понравилось ему или сразу на Север уехали, я забыла уже. Он ещё электриком работал, много мест перебрал.

Записана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1946 г. н.

* * *

Дружыла с парнем, халера знаіць, знаеце ў моладасці якія мы бываем? Не знаём жызнi. Я і любіла за нейкай мелацы. Парень быў прасты і харошым, якабы ён мяне любіў – я гэта відзела. Усё нейкія капрызы: і то і гэта, усё цянула. Парэнь з Гродненскай вобласці быў. Тады прыязджаіць мой зямляк, марак, ён кончыў мараходную школу і плаваў у Эстоніі, у Таліне. Вось как раз у мяне выхадной, у мяне на хутары іду да бацькоў і ён зайшоў там. Гаварыт: “Знаеш што, у мяне брат жэніцца чэраз нядзелю свадьба...”. І брат, яны чатыра сыны, чатыра маракі, у мяне ёсць фатаграфіі дажэ, но яны па гражданке. Адзін у Калінінградзе быў у Рыбалавецкам флоце, адзін – нефцегруз, і мой – тарговы флот. Гаварыць: “Знаеш што, давай і мы с табой!”. Ну, ёсць галава, я как-та неяк “Ты знаеш, я цябе заўтра скажу”. Ён прыйшоў, а бацькі кажуць: “Ай, свой парэнь. Дачка, ну

што... у нас пасагі нету, цябе што даць?». І я пайшла (*смяецца*). А патам жалела, чаго мне нада было так ляцець? Мне быў дваццаць чацвёртый год. Ну, прожылі вот, дачку радзіла. Ён патам аставіў, аставіў гэту сваю Эстонію... Фатографам работаў. Ён піў – гэта бяда. Зацэпіць спяртное і ў запой. Гэта такое горэ. Ой, спачатку нядзелю быў у запое, а патам па месяцам. Ну, здароўе пасадзіл, памёр...

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1942 г. н.

* * *

Вот, у 1952 гаду выйшла замуж у Касценьях. В августце мы распісаліся, в Юнькі паехалі, сельсавет, у якім там распісь была. Селі на каня і паехалі ў Юнькі, распісаліся і сталі у мяне. Татка у мяне быў, мамка і брат яшчэ быў. Да восені знялі кварцірку тут цераз дом па Матросавай вуліцы. Па Матросавай вуліцы цераз дом жыла тут бабка такая маленькая хатка ў яе была, добра пастроеная ўже. І мы прыехалі сюды на кварціру. Прыехалі, у яе толькі былі сцены зложаны, накрыты дом і дзверкі устаўлены. А тут пала не было, пясок толькі быў, але мы ж і тут рады былі. Паставілі коечку, паставілі столік. Помню, мой жа столер быў, зрабіў столік сабе куханны такі. Каб было на чым паесці, каб было на чым паспаць. А тапіліся... А хазяйка гэтая, яна на завозе работала і кожную смену прыносіла мяшок кастры. Насыпаць кастры ў мяшок і гэтай кастрой тапіліся. Вот печачку затопім мы з ёй, моімся. А я ж не работала, прыехала так замуж выйшла. Мне было 19, дваццатый годзік. Сядзем, я сыплю, яна там што-небудзь разгатовіцца наварху на пліце, варыць. І яна сядзіць, кастру сыпіць, а я ўжо што-небудзь там, суп які-небудзь варым. Мы прыехалі ў 1952 гаду. У 1953 вясной пастроілі свой домік і пачалі жыць.

Прымацкі называлі хлеб сабацкі. На прымакі гэта прыйшоў, з іншай дзярэўні, дапусцім з Чартоў мой мужык да мяне жыць ў Касцяні. Гэта зваўся прымака. Прымакай. І дажа песня ёсць такая “прымацкі хлеб сабацкі”. А якія песні:

Арэ прымак у поле, усё паглядае
Усі жонкі нясуць есці, а мая ня дбае.
Прынесла есці, прынесла есці
Бяз хлеба, бяз солі,
Урадзіўся прымачанька, бяз шчасця, бяз долі.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1933 г. н.

* * *

Я вот помню ў пору юнасці туманнай, што торкаў жа нос, як выхадзілі замуж у гэтай вёсцы, саўсім малым. І тады шчыталася, што нявеста далжна была плакаць. І тады ўжо вяселле. Ну праўда ж ня ўвесь час, ну досыць таго, каб паказаць. Ну, гэта як абычай, як традыцыя, як ухадзіла. Ну, тое, што фата нада была, ну і нада каб нявеста паплакала. І помню і бабы паміж сабой гавораць: “Ну гэта ж плакала”. Што ў гэта ўключалася? Ну, для мяне малага проста гэта вот так адбілася і ўсё. Ці гэта значыць, што потым у яе жыццё будзе якое, ці можа раз не плакала, так вот затое цяпер жыццё ці цяжкое, ці лёгкае. Я не знаю, з чым яны звязвалі, ну ў іх былі свае абычаі і сваё наследства, як яна плакала ці не плакала, вот.

І ў сіні час змяркання наш касцёр гарыць,
Ты на развітанне многа не дары.
Падары мне хустку, хустку з галавы,
Каб у ёй застаўся водар твой жывы.
Пах таемных зёлак, што не падабраць,
Што пяром, ці словам і не перадаць
Коль буду ў скрусе, у чорныя часы,

Я ў яе ўткнуся, нібы ў валасы.
Ад бяды-напасці, дзеразы-травы
Падары на шчасце хустку з галавы.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

Вот у суботу збіраліся госці, тады сабіралася маладзёж. І вот я, дапусцім, збірала дзяўчат і садзіла за стол і яны піялі песні мне такія свадзёбныя. Ну і вот песні гэтыя спіялі, тады на стол ставілі ўгошчэнне. І яны віюць вяночак, вот дапусцім, я сказала ты будзеш мне вяночак віць. Вяночак вілі, вазон такі, „мірка” зваўся, такія маленькія зялёненькія лісточкі, ну на вазон во такія во ветачкі адразаліся, ну яны складаліся і складаліся, нітка с іголкай і прывязывалі. І вот, гэты вяночак звіюць. Ну значыць, селі аны, маладзёж ядуць, выпіваюць. Тады нада было, каб хлопец, які ўкраў бутылку водкі са стала, гэта ж каб замуж выхадзілі, каб кралі дзевак, ну і ў нас Юзюня такі быў, хітры хлопец такі быў. А дзяўчаты, што сядзяць за сталом, як бы пільнуюць бутылку, каб ніхто не ўхваціў, усё роўна ён ўхваціць, ён неяк праб'ецца срэдзі гэтых родственікаў, неяк так-сяк. Паляціць, хоп гэтую бутылку і папёр. Ну а тады так нада было. Тады на заўтра гэты вяночак прышпіляецца да галавы, да фаты, ну і ехалі мы ў Камаі вянчацца... Ну і вот, як цяпер, старшая свацця завецца, сват і свацця старшы. Першы звалі маршалак і прыдамка і вот прыдамка адшпіляець гэты вяночак, ложыцца на блюдецка і ксёндз свенціць гэты вяночак святой вадой. І тады гэта прыдамка ізноў чапляець навесце гэты вяночак. Ну і вот гэты вяночак... Ну нада, каб ён быў у цябе, дык во такая мода была, у падушку ўшывалі, у падушку ўшыць і ён там усю жыццё, можна сказаць, высах ужо усё, вот во гэтак было... Ну і тады ж у Вараноўшчыне ў нас свадзьба была, паехалі там у Сіманы да жаніха, ну я там нядзелю пабыла. Я ўжо с мамай прыйшла, так ён да мяне прыйшоў у прымакі, як сказаць... І прыйшоў да нас, ну і жылі 42 гады, скорапасціжна памёр...

Я была яшчэ дзеўкай, я ўчаствоваў у самадзейнасці, спеяла. Мы арцiсты самадзейныя паехалі ў адзін калхоз выступаць. Выступілі, едзем назад, там такая вёска Гадуцішкі, пры Савецкім саюзе ўсё наша была... Хлопцы купілі выпіць, мы закускі, на лоне прыроды селі, гуляем. Нехта кажа, што у Паставах дзень маладзёжы. Дык мы паехалі, прыехалі і ў нас такая Гарбарка ёсць, «Цымбалы і гармонік» у Паставах бываець как-та пачала іюня. Арцiсты ж прыязджаюць із Мінска, Грузіі, Расіі. Ну і мы на гэтую Гарбарку прыехалі, вострацілі Данусю такую. Пашлі мы да яе, землякі... А ў яе свакроўка гадала на картах, яна очэнь харашо гадала, ну хлопцы ўжо пайшлі, мы яшчэ дзяўчаты асталіся. Дануся, кажам, твая ж свакроўка гадалка, каб яна нам пагадала. А яна на свакроўку: «Мама, пагадай дзяўчатам». Ну вот адной, другой і мне гадаюць. Значыць: «Ты была ў кампаніі такой, ну не сказаць, што вясёлая, не сказаць, што скушная, хто плакаў, хто весяліўся». Хлопец мой у армію адхадзіў, ну ясна, матка плакала, таму што тады гэты Аўган быў, забіралі ж... Матка плакала, но хто маладзёж, не плакаў, канешна... Ладна, гэта спраўдзіла, была ў такой кампаніі. «У цябе ёсць кавалер, ён у казённым доме, але ты з ім ня сойдзеся, цяпер у Вас усё добра, але ты з ім не сойдзеся». Думаю, я ж яго люблю, ён мяне, ну чаму ж мы не сойдземся? «У цябе ў лёсе храсценны». Перакінула, перакінула, такі хлопец... Але чарвенныя, не храсценныя... Тады кажаць: «Віжу нейкія чорныя, чорныя... Віжу, нейкая чарната. Но ты знаеш, яно табе... Да, два грабы, но яны табе паколькі-пасколькі. Можа суседка памрэ ці то родствеціца якая далёкая». Точна, памерла саседка старая і мая бабуля памерла. Мама ўжо была паехаўшы туды, каб сваю маму дагледзець і яна там памерла, но я не ездзіла. Тады ж 1960-ыя гады былі, аўтобусаў не было, пешу надо было 8 кілометраў ісці. Спраўдзіла гэта, што два грабы: бабуля і суседка. Ну і ў лёсе ў цябе храсценны... Прыехаў мой кавалер з... У отпуск, а там другі хлопец кажа: «Ой Ванда, сягоння...». А я сяджу ў канторы, журнал «Вожык» гляджу, там

карыкатуры, лістаю, смяюся. А такі Янак кажа: «О то ,Ванда, я ведаю, чаму ты ўлыбаешся». «А я всегда ўлыбаюся, калі ты ці відзеш мяне скушняй», - адказала я. «Не, другое дзела». «А якое»? «Твой кавалер прыехаў у отпуск».

А ён пісаў, што вазможна прыедзе на Новы год, разам сустрэцца, але гэта ўжо было 8 январа, дык ужо Новы год прайшоў. Ага, прыходзіць мой кавалер на танцы. А гляджу, паявіўся, ён глянуў, мы перагледзіліся. Прывітаў мяне танцаваць, я кажу: «З прыездам, тыры пыры...» Ну тады, як у нас у вёсцы, нада хлопцам выпіць, гэта всегда так, ну пайшоў, нет яго, нет. Гляджу, хлопцы, якія з ім былі, прыйшлі, а яго нет. Мг... І канец танцам, і маяго Данілка няма. Ну, іду дамой з дзяўчатамі, там такая Ала кажаць: «Там у Дуках танцы, пойдзем?». Ну мы пайшлі, і там праз возера, там недалёка. Во на заўтра, васкрасеньне, пашыбавалі праз возера. А гэтага Данка дзядзька жыў у гэтых Дуках, ён жа ж тожа будзе, у дзядзькі. Ужо паявіўся, Ларысу такую дзержыць, станцавалі за бачок (смяецца). Ты з Ларысай, а ў мяне тожэ хлопец есць, кантаваўся да мяне. Ты стаіш з дзеўкай і я стаю з кавалерам, з Алесем. Ну ён і павёў гэту Ларысу дамоў... Як-та ляжу на печы, зіма ж... Ідзець нехта, прыходзіць Данік з дваюрадным братам, стаў на крэсла да мяне, «ластачак» канфет мне даў, некалі дарагія былі, 4 рублі кілаграм. Кажу, прынёс як узятку якую, ну і мы паспорылі, ну я ж ужо... І мы з ім паругаліся і да свідання, і паехаў ён у армію службыць. Ён не прыслаў мне пісьма і я не пісала. Як та сястра ездзіла да цёткі і ўгледзела Юзіка маяго, такі красівы во, чорны, трактарыстам робіць. Рэня, сястра мая, кажа цётцы: «Можа пазнаёмім Ванду з ім»? Ну і тады і пазнаёміліся мы, сімпатічны хлопец думаю. Чаму не? Прайшло полгода і мы пажаніліся. Тады напісалі пісьмо ў армію, кавалеру маяму, што замуж выхажу. Як залетаў ён! Мы 3 мая распісаліся, а ён 5 мая прыехаў. І я іду ў магазін, бачу яго, махае мне, кліча. А я кажу: «Поезд ушёл!» І я яго любіла, і ён мяне. Ён жаніўся без любові, лётаў... Пасваталі яму дзяўчыну... Мы любілі адзін аднаго, но не сашлісь...

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1941 г. н.

* * *

Прапаў і прапаў. Няма і няма бацькі, усё. А ў душы мамы жыло такое паняцце, як гэты дзядуля яе сказаў, што ваш муж жывы. І ў яе многа было прэтэндэнтаў, хацелі замуж уззяць, а яна ўсё гаварыла: «Пры жывым мужы я не маю права новую сям'ю ствараць». І я тату гаварыла: «Тата, гэта ты такі прыгожы мужчына, а як ты без сям'і»? А ён мне гаворыць: «Дачушка, ня думай ты, што я быў святы, у мяне былі жанчыны разнакаляровыя, але ж, як толькі дахадзіла да чаго-небуць сур'ёзнага, перада мной прадставала мая Ганка і яна мне гаварыла: а што гэта ты робіш»? І кажуць, у мяне ўвесь імпат прападаў. І гэта жанчына, какая са мной шукала сувязяў, пыталася: «А што вы? Я што-небуць не так делаю? Пачему? Пачему вы астылі?» Кажуць: я ж ня мог ей сказаць, што мне жонка забараняць, скажуць: дурны які. «І я, гаворыць, знаеш, каб я жаніўся ці яна ж мне б дазволіла? Была б новая сям'я. Трэба было б усё новым дзецям. А я ж ведаў, як вы тут жывеце і я ведаў, што я павінен табе даць адукацыю, павінен падтрымаць табе.»

Вельмі добра было, што першае каханне, першая жанчына была ў мужа я, а ў мяне ён быў. Такія ў нас былі, я не магу сказаць, што адразу яго любіла, я пасле як стала жонкай, стала любіць. Во тады ўсё рабіла так, каб не разлюбіў. Сядзіць і гаворыць: «Хм. Што ты мне падрабіла, што другіх баб не хочацца?» Гавару: «Мусіць, ты мне падрабіў, што да другіх мужчын не хочацца». Так пражылі добра, дзякуй Богу, вот.

Запісана 03. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

ЖЫЦЦЁВАЯ ФІЛАСОФІЯ

Фотаздымак з архіва жыхаркі г. Паставы

* * *

Я у дзедце не помню, можа год, ляжаў у цемнаце, вокны пасцілкамі завешаны, гэтакія балезні, думалі ужэ ж усё, можа шэсць, ня можна было выхадзіць з хаты, а я выйшаў, а там стаяла барана, і як я на тую барану заваліўся, і зубамі стаяла сюды, і як не параніўся, можна ж на барану на зуб надзецца і ўсё. Ці скалечыўся б. Ну вот, нада жыць ешчо.

Запісана 03. 07. 2024 у в. Галбея ад мужчыны 1937 г. н.

* * *

Усякім гаданням ня веру, і сама не гадала. Перахрасціўся, як цябе цяжка, хрэст – гэта замок для чалавека. І Атца, і Сына, і Духа Святога ўспамінаецца – і ўсё. А ня ўмееш маліцца, пагавары с Богам, ізвінісь – і пойдзеш уперад. Не абязцельна малітвы гэтыя. Бог прымець і любіць усах.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1942 г. н.

* * *

Проста, чэсна сказаць, мы проста былі более самастаяцельныя, чэм цяпер. Цяпер ж вот... Я вот, сяжу на лаўке, сяжу, сяжу і гляжу: ідзёт дзевачка красівая, дарагіе маі, красівая, папяроста во гэтака. Зачэм ана цябе? Зачэм яна цябе эта папяроста, зачэм? Няўжэлі няможна жыць без папяросты? Можна жыць. Можна, эта жа некрасіва. Дзевачка, красівая такая, ты пазорыш сама сябе. Я прэзіраю, напрымер, каторыя курят. Прэзіраю, прэзіраю. Эта не дзевачкі.

Патаму што разгільдзяйства очэнь бальшое. Я хачу сказаць, то яны ў Бога вераць, то яны, як гавораць, у чорта вераць. Яны толькі саберуцца – бутылку. Ну і што ад гэтага? Што вы ад гэтага, падрасцеце? А патом усякая ерунда тварыцца. Той ад таго адбіў, той ад таго адбіў, і ўсё, яны разумна живуць. Разве гэта жыць? Разве вы гэта живёце? Сушчэствуеце, маі дарагія. Я прэзіраю такіх, я прэзіраю, паверце, прэзіраю такіх людзей, я не люблю. Нада жыць акуратна, Бог так сздаў нас, у Бога мы верым, нада верыць в Бога. Нада верыць самаму сябе, не што вы... Важна, канешна, всем нужна імець сям'ю, каб акуратна было ў сям'і, вот, каб была сям'я, а не то што: вот пажыву сёння з адным, а

завтра з другім, послезаўтра – з трэцім. Ну к чаму гэта вот, ну к чаму гэта такое, на што!?

Трэба, каб людзі жылі талкова.

Патамушта не нада ні сплетнічаць, не нада, ізвініце, гуляць з кем-та, не нада... Как Бог дал, сышліся людзі і жывуць і нада жыць, а не іскаць, Бог мой, чаго-та. Вот, я пражыла, толькі што мужа забрал Бог, у хаце і на работу хадзіла, каб усё-такі людзі грошы здавалі. Можна было, Боже мой, што чорта вытвараць, а зачэ́м? Нада жыць, раз Бог саедзініў, нада жыць... Вот і ўсё, нада веріць в Бога, і нада жыць, вот што, я скажу... Штобы дзеці былі да старасці акуратныя, штобы пальцем не паролі ў іх, не хачу, эта пазорішчэ. Хачу, штобы в сем'ях жылі, добра жылі, акуратна жылі. Штобы не паролі пальцамі ў чалавека, а былі акуратнымі. Вот, што ў мяня самае первае.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1950 г. н.

* * *

Ну гэта нада жыць і гаварыць, а гаварыць нешта і ўспамінаць, можа што-та астанеца, можа што-та інцярэснае, можа калі ўспомніце, а можа забудзіце і інтэрпрэтацыю якую зробіце, дабавіце, як і любая кні́га пішыцца.

Магчымасць жыць была ва ўсе часы, калі ты змагаешся за жыццё, калі ты грабеш. І я гляжу на гэтыя фатаграфіі, прыятныя нейкія чэрты там нахажу свае, я віжу, што яны адзетыя, значыць яны і пад'еўшыя, не гультаі былі, значыць нешта пашло і мне па гэтых генах. Усё ж нешта я тожэ нечага варты.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1950 г. н.

* * *

Галоўнае – працаваць, працаваць, працаваць, вынік, каб быў. Ёсць вынік, ну некаму спатрэбіцца. Можа, каму з вас некаму калі-небудзь патрэбіцца, мы ж нічога не можам сказаць. Ну да, вельмі важна з блізкімі праводзіць час. Ніхто не ведае, што будзе праз год, праз 2, праз 3, можа застанецца толькі памяць. Таму, трэба цешыцца тым, што ёсць у цяперашні момант, асабліва вельмі блізкія, родныя, асабліва бацькі натуральна, браты, сястры, радня. Таму людзі і складаюць радаводы, пашырыць, родных па крыві, нядужа ўплывае. Бывае, што вельмі блізкія родзічы кусаюць адзін аднаго, врагуюць вельмі моцна. Ёсць і адэкватных людзей многа, з якімі можна весці і гаворку, і стасункі, і, навогул, нейкія справы.

Запісана 01. 07. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1960 г. н.

* * *

Старость - суровое время,
С белой стеной впереди,
Прошлого тяжкое бремя
Давит и ноет в груди.
Прежде живые надежды
Кажутся детской мечтой,
И на усталые веки
Сон здесь летит золотой.
Жизнь всё становится хуже.
Душит бессилье и злость.
Знаешь, что больше не нужен,
Как засидевшийся гость.

Апошняя вопратка ў чалавека – драўляны касцюм, вот я гэта драўлянае плацце прымерыла. А Бог сказаў: “Аддай назад яго мне, яно цябе яшчэ не патрэбна”. Ну канешне, жыццё падзялілася на два этапы: да кавіда, і пасля кавіда... Абаняніе не вастанавілася, смак такі, абы які. Але ж трэба жыць... Як мая бабуля казалася: «Трэба жыць, як яно бяжыць».

Раней ніхто ні з кім не сварыўся, не было чаго дзяліць, усе жылі, як быццам бы сягодня радаваліся жыццю, як быццам гэта апошні дзень у жыцці, а заўтра можа ня быць.

Запісана 03. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

* * *

Хто не работае – ў таго нічога і нету. На зямлі мы былі, калі не робіш зямлю – значыць бядняк, батрак, як завуць. Усюды трэба рабіць, усё трэба рабіць, і цяпер работайце – будзеце жыць, ня будзеце рабіць – будзеце ў чарку глядзець, значыць усё, прападзеце, старанія вашыя, навука, жыццё, я адно прашу: жывіце, а жэніцеся – жывіце дружна, уважайце друг друга, эта жыццё, так Бог пішуць нада ўважаць, на тое сям’я створана. Ня любіце – не жаніцеся, а жаніцеся, нада ўважаць.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1936 г. н.

РАДЗІМА

Панарама г. Паставы пачатку XX стагоддзя. Фотаздымак з архіва жыхаркі г. Паставы

* * *

Когда мы приехали в Ригу на практику, языка ж мы не знали, да я и теперь его не знаю, вначале было тяжело в автобусе, в городском транспорте, вот люди постарше – пренебрежительность эта была, во даже видно уже, что человека лучше не трогать. Мы же молодые, открыты, иногда получали, спрашивали как доехать, и бывали случаи, что отправляли совсем в другую сторону. Ну мы молодые были, посмеялись вечером и забыли.

Поставы для меня был город чужой. Я привыкла к деревне, пожила в Риге, это Запад, там совсем все другое. А тут сначала было жутко – вороны эти на площади, парк пустой. Но теперь я точно полюбила город, тем более жилье такое у нас, как в деревне, выходишь – и все тут тебе пожалуйста, все есть, коробки эти большие я никогда не любила. Бог дал такую ласку – я ездила немножко, вот в Польше была, в Италии, это я от костела была, в Португалии даже была. Съездить посмотреть я согласна, но вернуться только домой, это точно.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1962 г. н.

* * *

Приехала я когда сюда, во-первых язык мне очень понравился (*смеётся*). Когда я приходила, ну в принципе все говорили на это. Но вот, заходила одна женщина, она говорит: «Доброй раницы». Так это, мелодичнее вот это всё было. Понравилось плетение из соломы, у нас этого не было. Кулинария ваша понравилась, у нас тоже этого не было, у нас как-то проще в России было. Сейчас тоже там стало, тоже самое, а раньше не было таково. Ну, у нас молочка была лучше, чем здесь. Потому что у нас там сепараторное всё вот это, здесь как-то я начала даже на работе, когда разговаривала у них это не принято.

Не принято, например, что-то делать на топлёном масле, что-то молоко. А так, доброжелательные люди, такие очень хорошие. Природа здесь понравилась, по сравнению с нами здесь леса, леса, леса, а у нас поля, поля, поля. У меня мама, когда приехала первый раз, она была в шоке. У нас поля и брат у меня в Украине, там тоже поля. Она когда с Полоцка сюда приехала, она за голову схватилась и сказала: «Господи, как вы здесь живёте?! Яма, канава, яма, канава, леса, леса...» Ну потом хорошо. Понравилось всё, мы вернулись сюда и остались жить.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954 г. н.

* * *

Харошы гарадок, я люблю Паставы. Куды не пойдзеш – усюды красіва. Тут возера, дажэ во ў горадзе самім. І ўсе прыязжаюць вось на “Цымбалы”, гавораць, які ў вас чысты гарадок. Ну стараімся, стараімся ж. І мы вот вродзе і ў горадзе жывём, а вот, свае цвяты, усё сваё.

Запісана 26. 06. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1938 г. н.

* * *

Я в Паставы приехал из Башкирии в 1972 году. Белоруссия, скажу, чисто европейская страна. По крайней мере сейчас сложилось всё совсем по-другому, но, когда я приехал меня удивило это. У вас здесь спокойно, у магазинов очередей нет, а если есть, то тоже всё спокойно, порядок есть, в Башкирии не так. Паставы я называю «Бермудский треугольник»: одинаково, что до Вильнюса, что до Минска, так куда хочешь, туда и едь.

Запісана 27. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1949 г. н.

* * *

Мне здесь природа понравилась. Вот это окружение: рек много, озёр много. А он этим занимается охотой, рыбалкой. Поэтому ему это все понравилось: близко. А в прошлом вот в молодости мне очень не хотелось. Я совершенно хотела все по-другому построить. Я за мужем пошла. А сейчас, да, сейчас уже у нас такой возраст, когда хочется реально тишины, покоя, с деньгами можно съездить и в город отдохнуть. А всё остальное время очень прекрасно жить в таком маленьком-маленьком городе.

Запісана 02. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1974 г. н.

* * *

Для мяне Паставы –эта самы прыгожы горад. Хаця ў Мінск я ўлюблена. Віцебск мне як-та не вельмі спадабаецца. Добры Паставы гарадок. Амаль усе знаюць друг друга, калі зрабіў што-та благое, паўгорада будзе ведаць, таму трэба дзяржаць сябе ў рамках вельмі такіх.

Запісана 03. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1939 г. н.

* * *

Я беларуска, таму што, так сказаць маі корні. Як ехала я с Сыктывкара, я там жыла 10 гадоў, дык заўсёды плакала, як Песняроў там уключыць, у поездзе... Песняры спяваюць, я як пад'язжаю, ужо плачу, ай думаю, ужо не магу ад Родзіны! Сыктывкар... Там канешне, мы паехалі, што там добра плацілі грошы, я там таксама ў Палацы піянераў

працавала. Хорошая зарплата была, і так сказаць, і была там, цікава жыць было, у тым плане, што горад такі кампактны, там усё ёсць побач, далёка ездзіць нікуды не нада, усё побач. І тое, што людзі там, канешне, сабраныя са ўсяго Саюза былога. І вельмі такія, адзвычайныя, скажам так, што там на Поўначы так не пражывеш, калі не будзеш дапамагаць адзін аднаму. Вельмі такі, мне вельмі падабалася, але ж, вось неяк вот такая нуда па Радзіме, так я вось сюды вярнулася.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954г. н.

* * *

У мінулым годзе ў мяне быў цікавы досвед – я патрапіў у Гайдуцішкі, то-бок суседняя вёска літоўская, дзесяць кіламетраў найпрост. Але мне, зразумела, каб туды патрапіць, трэба было праехаць дзвесце кіламетраў праз Ашмяны, праз Вільню, бо адзін пераход толькі. Вось на дадзены момант, калі я кажу пра памежжа, змешаны рэгіён, розныя народы... У дадзены момант у Гайдуцішках дзве сям’і польскія, усе астатнія літоўскія. Рускую мову мы не пачуем там ужо увогуле. І той бок мяжы, ён вельмі цікавы ты, што ёсць тэрыторыі літоўскамоўныя і польскамоўныя. Беларускай мовы зараз не захавалася. Зразумела, раней было інакш. Хаця ў той жа час раённая газета швянчонская выдаецца на дзвюх мовах – на літоўскай і на рускай, прычым гэта два паралельныя накладны абсалютна аднолькавай газеты. Не так, як у нас, што адзін артыкул па-беларуску, другі па-руску. Адзін наклад ідзе па-літоўску, другі па-руску.

Камаі таксама змешаны рэгіён. Зараз у Камаях працэнтаў так восемдзесят насельніцтва каталікі. Праваслаўныя, якія зараз ёсць, гэта фактычна ўсе, хто прыехалі пасля вайны. Да вайны былі каталікі, татары, габрэў было вельмі шмат і старавераў вельмі шмат было. А вось менавіта праваслаўнага насельніцтва тут няма. І вось, калі мы будзем глядзець Лынтупы, Камаі, напрыклад, цэркваў тут нідзе няма. А вось ўжо Нарач, Паставы – змешанае насельніцтва, ужо ёсць і цэрквы, і касцёлы. Таму тут у нас цікавы рэгіён, і да вайны захоўвалася такая сітуацыя, што нават былі цэлыя вёскі польскамоўныя і беларускамоўныя. У маёй бабулі, напрыклад, бабуля была 1923 года нараджэння, пражыла 97 год, пару год таму памерла, да дзевяностых было так, што з сяброўкамі было прынята размаўляць на польскай мове.

У Другую савецкую вайну Камаі належалі да тэрыторыі Літвы, то-бок, немцы спрабавалі стварыць квазі-літоўскую дзяржаву, самакіраванне нейкае літоўскае, і Камаі былі тэрыторыяй Літвы. Што цікава, як распавядае бабуля, калі пачалі набіраць людзей у мясцовую адміністрацыю, знайшлося вельмі шмат мясцовых, якія валодаюць літоўскай мовай. І мясцовыя дзяўчаткі спакойна працавалі ў гэтай літоўскай адміністрацыі ваеннай падчас вайны. Камаі – назва хутчэй за ўсё балцкая, усё ж такі. Таму што ў нас пераважаюць... Гляньце, Камаі яшчэ не так выразна, а там: Ёцішкі, Мірклішкі, Гражулі, і так пайшло па літоўскай мяжы – ўсё вельмі выразна балцкае. Адна версія, што гэта ад скандынаўскага “буралом” паходзіць, таму што, там знаходзілі, дзе рэчка Камайка пачынаецца, у канцы Вялікага возера Камайскага... Але больш падобна, што “каманас” – гэта нейкая частка, аброць, можа – нешта з конскага абсталявання – з літоўскай мовы ўсё ж такі. Што больш верагодна, таму што ў нас навокал, канешне, літоўскія назвы, і распаўсюджаны прозвішчы, напрыклад. Антрапаніміка, тапаніміка вельмі выразна сведчаць...

Запісана 28. 06. 2024 у г. Паставы ад мужчыны 1976г. н.

СПАДЧЫНА

Сустрэча студэнтаў з жыхарамі в. Галбея

* * *

Як праходзіў у нас гэты "Яшчур". Надзявалі кажух на хлопца, які пераварачывалі наізнанку. Ён садзіцца на стул, і тут дзяўчаты ходзяць з платкамі і песню пяюць. Яны вось так ходзяць па кругу, а ён платок дзерганець і сабе на руку. І пакудава ўсех. Тады ўжэ абратно, чый платок выцягне, ён гаворыць, што гэтаму платку здзелаць. І вот, іспольняе. Напрымер, пацэлаваць музыканта, некую частушку ілі песню спець. Ілі самаго Яшчура. І тады танцавалі яны всякія кракаяк, падыспан, лысага па парах. І вот, мы ігралі, а гэтая маладзёж усё. Яшчэ ў нас такая дублёнка-кажух. Прасушвалі, надзявалі. Такая была гульня. І вот, занесена ў спадчыну. Мы іменна іграем. Вот, напрымер, скажут песню падпець, якую там частушку, ці польку, ці вот які падыспан, ці лысага. Мы іграем. І вот, на цымбалах ігралі, і на гармошке, і шумавыя. Самая праблема – людзі каб былі. І ахвота. Сёйчас парней такіх ўжэ і нет. В деревне моладёжкі ўжэ нету, нада каго-та са стараны браць. Як было людзей многа, тады... Парень нада такі, каб і падшуціл, і што-та сказаў такое, болей інцярэснае. А то как сядзіт, ні рыба, ні мяса. Асобенна от дзе Арцём, ён такі жвавенькі, і ён так сядзіць на гэтым стуле, і падшучвае. А другія не такія. А ён так платок дзергане, то так, то это. Ну і дзевушкі, як смотра хто танцуець харашо, нічога не баіцца, а хто больш сцесніцельны. Польку патанцаваць ці гарманіста пацэлаваць...

Яшчэ ўвялі ў спадчыну нейкую там клёцкі. Мужчына, яму 87 лет, на веласіпедзе ў гару пад'язжае, баявы мужык, ловіць рыбу. Ён спёк гэтыя клёцкі. І гэтыя клёцкі жанчына такая, Яўгеньеўна, метадыстка з Пастаў, навучны супрацоўнік. Дык яны ўвялі тожэ куда-та там, ездзілі з гэтымі клёцкамі ў Мінск. Прыязджалі сюды мінчане, снімалі ў гэтага мужыка на даму.

Запісана 01. 07. 2024 у в. Галбея ад мужчыны 1956 г. н.

* * *

Заведующей я год работаю, а до этого работала Тамара Валентиновна Масловская. Это она начинала, а с Центра культуры была методист Чатович Людмила Евгеньевна, но она тоже уже ушла на пенсию. Это они начинали. А начинали они с 2012 года – пошло возрождение этой игры, и изначально, когда ходили и собирали фольклор, эти этнографические экспедиции записывали регулярно обряды, песни, и первый раз это, наверное, вышло с деревни Бельки. Там вспомнили: «А мы же играли в Ящура!» и стали рассказывать про этого Ящура. И стали расспрашивать еще, где, у кого, где кто слышал... Но на данный момент, к сожалению, у нас вся округа — вымирающие деревни. У нас осталось очень мало людей. Мы ходили, спрашивали, как в это играли. В принципе, наш вариант Ящура (который занесен в список нематериальных каштоўнасцей) считается самым аўтэнтчным, самым старажытным. Восстанавливали тексты песен. Потом, из Косовщины женщина (она умерла в прошлом году): «Ой, а мы ж...» и стала нам взахлеб рассказывать, как они сидели, во что они были одеты, как они играли. И вот, по воспоминаниям... Это был год рождения этих носьбитов, от которых на тот момент записывалось, с 1930 года на тот момент. С их слов всё было восстановлено. И потом постепенно, постепенно мы стали пробовать в нашем кружке эту игру проводить, и стали регулярно проводить с 2012 - уже полностью мы играли и с этими играми выезжали в Поставы. У нас каждый год проводятся Центром культуры на базе разных клубов для молодежи вячоркі — «Вячоркі для моладзі на Вадохрышча». Это уже традиционно, регулярно, а вообще, на Купалу практически ежегодно проводится. И в 2018 году они внесли эту нашу игру в список. На протяжении шести лет апробация шла — пробовали, работали... В этом году на Купалу не будет, потому что не приехали наши студенты. У нас молодежи вообще не осталось! У нас и людей-то меньше стало... Проблематично собрать — не все сдали сессию. У нас только освободившихся — четыре девочки. А с мальчишек, вообще никого. У нас школа тоже закрыта и у нас маленькие дети. В старших классах нету. У нас в девятом классе одна девочка была, ну а те совсем маленькие для игры... Мы пробовали, мы даже делали с детьми детский вариант. Но не так это им интересно... Молодежи это, конечно, интереснее. Но в принципе, дети знают, даже эти маленькие. Мы в школе проводили вячорки для детей. С каждым годом всё меньше и меньше. Сложнее, очень сложно играть. Если еще на Коляды мы играем... Там как раз каникулы, дети все на месте. Там реально играть. А летом очень сложно. Молодежи очень мало, до 10 человек. Народу нету вообще. А в этом году на данный момент только 4 освободилось девочки, а так все учатся. Им интересно. Они просто заняты. Кто-то в лагерях работает.... Ну, студенты, вы же сами понимаете... Сдают сессии — не вернулись еще...

Интерес игра вызывает. Я вам даже скажу больше. Из года в год мы играем в Ящура, когда ездим на Вадохрышча — с удовольствием участвуют. Все спрашивают: «Ящур будет? Гута, Ящур будет?» То есть у них это уже всё... Ящур, да... Им нравится. Но самое интересное еще, чтобы хорошего ведущего найти - сам Ящур чтобы подвижный, активный был. Сейчас с нашего клуба три человека ведут, ярких таких парня, которым реально это было интересно. Они интересные задания придумывали, им нравилось... Три звездных мальчика таких. Нравится, нравится, любят дети играть. Не то что там забытая. Реально действующая игра, которая нравится.

Показывали, по району ездили, с молодежью играли, но сами они не проводят. Если только приезжаем сами мы туда, тогда мы уже проводим. И всегда просят: «Берите своего ящура, потому что у нас нет». Это роль самая важная, ведущая. Надо чтобы он был подвижный, активный, чтобы он сам этим, во-первых, жил и надо же придумать задания: выкупить венок или платок. Не будешь же каждый раз: «Спой или станцуй, спой или станцуй!» Надо же что-то другое. Надо что-то такое придумать, чтобы было интересно. И соответственно, для возраста. Потому что чаще всего: «Ну, спой там это, станцуй полечку, спой частушку!» А чтоб что-нибудь такое... как мой сын тоже сам был ящуром, так он любил: «Не рассмейся!» И начинает всякую лабуду нести — смешить специально... Вот

что такое, чтобы интересное было... Поэтому в этом сложность — самого ящур хорошего найти. Естественно, они меняются в течение игры, но бывает так, что второй ящур сел — и уже не интересно, никто ничего не хочет. «Ай, всё, давайте, нам уже надоело!» - и всё. То есть очень важен сам ведущий — чтобы заинтересовать, давать задания... Изначально мы писали, что ты можешь попросить за платочек, за веночек... Писали, учили, запоминали они, что можно. А потом как-то уже сами. Им уже самим стало интереснее: «Ай, этой уже надоело, давайте, то...». «Ради Бога, давайте, лишь бы вам было интересно». Выкуп — там же нет стандартного, что должно быть. Всё, что угодно.

А в Воропаево русскоязычная школа. Но там, где мы проводим, мы всё равно проводим на белорусском языке, вне зависимости от... Некоторые, понимаете: «У-у, а почему на белорусском?» Ну, есть... Мы пробовали даже текст сделать на русском — не то, это того не стоит. Это получается вариация непонятная, странная. Естественно, такое — нет... У нас было очень много — приезжали, снимали видео, наши белорусские каналы, нашу игру. Очень много приезжает журналистов, тоже спрашивают. Даже с России тоже приезжали. Записывают, и снимали, даже участвовали с нами, тоже играли в этого ящур. Нравится, нравится людям. Ящур он же всюду есть — эти цмоки, такой, культовый образ.

Бывает, даже на вячорках: «А я не хочу играть!» Ну, не хотите, ладно. Там пели, танцевали, посидели, посмотрели... А другой раз, бывает: «А, не, я не знаю». Особенно когда бывает, первый раз дети... Вот, в Андроны приезжали... То же ж не представляют особо, что такое. Ну, где-то видел... Кто-то ездил. Которые дети активные, они ездят, они участвуют, они это уже проходили, знают. Кто-то не знает: так, со стороны: «Ну, мы пока посмотрим». А начинаешь играть: «Ну ладно, мы тоже уже будем, поиграем». То есть посмотрели: ну ничего, нормально, можно поиграть.

Музыкантам замены нету. Когда мы ездили, Геннадьевич наш был заболевший, брали мы музыканта — ну, не то... Он, во-первых, привыкший, знает и дети к ним привыкли... Весь район его тут знает. Удобней намного, гораздо, когда свой человек — проще просто. Последний раз мы ездили на Вадохрышча в этом году. У нас каждый год Вадохрышча — это постоянно... Только разные места. Это 100 процентов играет. И думали на Купалу... Ну, на Купалу никак они не собрались, наши дети... Хотя бы их десять человек было здесь... Четыре человека — это ни о чем, это очень мало. Тем более нет мальчиков. Ну а ящур должен быть мужчина. Ну, десять хотя бы человек активных участников, остальные могут быть зрители. Все, кто становятся в круг, они, как правило, все всегда на всё согласны, во всем участвуют, поют и танцуют.

На Купалу в позапрошлом году... Мы там немножко не совсем, конечно, хорошо, но кроме молодежи мы пригласили всех желающих. У нас играли просто все желающие, кто был на представлении, около тридцати человек стояло. Но немножко затянуто, это уже скучновато, это не совсем то... Захотелось людям: «Давайте и мы!» «Ну, давайте и вы». Участвовали все желающие.

Затянуто по продолжительности. Немножко скучновато. Пока одна и та же песня снимет с тебя этот веночек, а потом же пока каждый выкупит... Те, кто уже выкупил, им уже не интересно. Человек, 10-12 — это самое оптимальное. Хотя может быть больше. На Вадохрышча у нас, наверное, человек 16-18 стояло. Там молодежь, девочки...

Надо чтобы один возраст был, без смешивания. Конечно, так интереснее. Совсем же другие задания... Когда, например, тот же ящур — молодой парень сидит, и женщины возрастные играют, то какие будут задания? Начинают стесняться, теряться... «Ну, спойте, ну, станцуйте, расскажите что-нибудь». Сразу по-другому... Всё таки молодежная игра есть молодежная игра, специфическая.

У нас идет тенденция, что мы — инициатор, мы организуем, но на районе где-то, на выезде. На месте это уже фактически невозможно. Вот, у нас детей в школе осталось 15 человек. И те со следующего года уезжают в воропаевскую школу. Все эти 15 человек. Из

старших детей, если взять 8-9 класс, это 4 человека. Ну вот... Невозможно практически что-то сделать. Ну, в Воропаево знают, но не хотят они пока. Говорят: «Это пока ваше, пока вы еще можете, пока у вас есть, вы лучше знаете... Они не отказываются. Они без нас, наверное, даже что-то проводили, потому что они просили, чтобы прислали тексты им с песней выкупа и хоровода. Я так понимаю, что они пробовали сами проводить. Ну, если они будут водить... «Пока вы, а когда вас не будет, тогда уже...»

Понимаете, интерес то есть... Оно же никуда не деётся, оно останется всё равно. Мне кажется, всё-таки основная причина — в людях, в отсутствии людей. Оно интересно, идёт всюду... Заинтересованность есть. И население, там где это проходит, смотрит. Даже интересно посмотреть: кто-то говорит: «А мне кто-то рассказывал...» Или бабушка там или мама говорила, что у них то-то делали. Иногда бывает и такое. У нас на сегодня это всё живое. Снижается очень большими темпами количество населения. Это, конечно, большая проблема. Самое оптимальное, что мы может сделать — это передать в близлежащие населенные пункты, которые покрупнее, где еще есть молодежь, там, где есть дети. Ну и Центр культуры... Наверное, самое оптимальное — это чтобы сам Центр культуры почаще где-то, во всех этих фольклорных праздниках... Просто добавлять, вставлять ее в программу почаще, чтобы знали. Регулярно у нас — это два раза в год на вячорки эта игра, а больше нет. На той же Масленице — как забаву — почему бы и нет? Можно сделать легко, поиграть. Оно же еще, получается, исторически проводилось на Коляды и Купалу — в эти промежутки времени, поэтому и не особо где-то добавляется в мероприятия...

В зависимости от того, куда выезжаем. Чаше всего это либо клуб, либо школа. Большое помещение — зал. Это более осовремененный вариант игры. Хотя летний интересней. Летний интереснее, особенно, когда мы ходили и для съемок, и так мы ходили с детьми на озеро... Совсем по-другому воспринимается. Природа там, эти цветочки, всё это натуральное, водичка... Ящур этот по-другому совсем смотрится, конечно, красиво.

Записана 03. 07. 2024 у в. Гута ад жанчыны 1982 г. н.

* * *

Знаете, был у нас такой случай, это был 2022. Ну, такой ливень с утра зарядил. Ну, стеной. Все звонят: «А Купалье будет? Не будет?». Другие районы все переносили. Потому что ну просто стена стоит дождя. Костёр складывают мужчины, под проливным дождём, соларкой пропитать что б только... Ну, не загорится! Ну, просто вот! Как будто Бог раскрыл это небо. Собираемся, значит, там готовимся, Купалье и приезжают бабули. Приезжают бабули, время, наверное, 20:30 вечера. «Ай, дзетки. Нам бы попеть, надо отрепетировать» - ну давайте, бабки, давайте. Выходят бабки на сцену, как затянулись: «Сягодня Купала, заутра Ян». Слушайте, дождь уходит, солнце выглядывает. Прямо такое вот, понимаете, сосны залиты заходящим солнцем. Мы все стоим: «Бабушки! Где вы были с утра?». Это реально был случай, там все упали. И людей набралось, как мураши, на этот парк набежали. Во, так вот, это случай реально такой. Это идёт из неба это связь такая странная, глубокая. Я говорю, они, как затянули, и всё. Тут же! Вот раз и по щелчку тучи разошлись.

Это всё-таки идёт корнями к язычеству, когда дракон был, когда задабривали, выкупали, вот эти все легенды о том, что дракон поедал этих девушек и надо было ему дать выкуп, чтобы задобрить. Это всё идёт с той стороны, с того времени. От бабушек я своими ушами слышала два варианта. Это деревня Войшкуны, там Лынтупская сторона, бабушка была войшкунская, и она вспоминала его. Если в Лепельском районе у нас была «Женитьба Терешки», в Поставском районе её не было, такой игры молодёжи. У нас играли вот в этого «Яшчура» на вячорках. Собиралась молодёжь, выбирали вот этого Яшчура, старались выбрать самого языкатого и веселого парня, потому что ну иначе чего

тогда играть. Он же подначивает, подшучивает. Старались его так одеть и кожух вывернут, и шапку наденут, и сажей смажут, чтобы страшный был. Потом начинают вот эти девочки ходить, петь. Если это Рождество, если это вячорки зимовья, то девочки ходят с платочками и он отбираем у них их. Но всё равно выпрашивают в песне обратно веночек, то есть игра такая больше к летнему циклу. Выкупали платок, выполняя разные задания. Ну, все вы понимаете, что это обычные фанты. Или играли в летний период на Купалье. Во время купальских игрищ, когда молодёжи всё можно. Я думаю, XIX век ещё застало. Купальская ночь была единственной ночью, когда парням и девушкам было всё можно. Одна ночь в году. Если ты что-то хотел от своего, скажем так, партнёра, если ты имел какие-то симпатии обоюдные, то это была единственная ночь в году, когда позволялось. Это вот всё из язычества идёт. Ну, это же эротический всё равно смысл, смотри: они бегали по росе, качались, босыми ногами, в этих рубашках. Когда ты полётаешь по мокрой траве, в этой рубашке, соответственно, мокрый в этой росе, всё же видно, всё это красиво, туманит взгляды. Эти парни играли в догонялки, а когда ты с девкой ещё через костёр попрыгал... Это всё эротизм. Это природа в себе говорит. И если там что-то случилось, то в купальскую ночь это всё было можно. Поэтому вот на этих игрищах тоже выбирали Яшура, только уже он брал веночки у девочек, и они выкупали свои венки. Принцип был тот же самый: выбирали парня, пели песни, только уже были венки, а не платочки, и всё это проходило на улице, в поле, на полянке, уже не в хате.

Играть в Поставах не будем, но в Гуте они точно будут. У нас играют на Купалье в Гуте. Но в Поставах в этом году не играли. Объясню почему, если смотреть с такой точки зрения, как этнографическое мероприятие, всё-таки большему числу людей в городе это будет не очень зрелищно. Поэтому мы это делаем немножко дозировано. В прошлом году мы вставили это как элемент. Люди смотрели, а в этом году уже не захотят то же самое увидеть. То есть, мы здесь связаны рамками, в первую очередь, театрализованного представления. Как-то несколько лет назад мы проводили на Яна Купалье. Такое вот оно было. Проводили в поле, всё как надо. Сидели люди на постилках, прямо на лугу, на траве, и костёр там был. Это было сложно сделать. Там мы играли в «Яшчура». Природа, этнография – всё это там было, играли там в «Яшчура». Венками там на коленках хлопцы с девками обменивались. Всё это было очень красиво и хорошо. А потом нам сказали: «Ну, вот что вы сделали в поле. Это никто не видел. А вот всё равно делаете на сцене, делайте театрализацию». Понимаете, это надо добавлять, но добавлять, чтобы не отвлечь уже совсем.

Знаете, у нас есть такой проект называется «Святкуем па-беларуску», он, в принципе, проводится для старших школьников, то есть это 9-11 классы. Как правило, мы стараемся это подогнать под крещение, когда заканчивается цикл рождественских праздников, святки когда заканчиваются. В этом году делали. Выбираем обычно в какой-то деревне, собирается вся молодёжь с района, свозят там, в силу своих возможностей, там, человек до 50 у нас могут собраться в одном клубе. Суть в том. Что мы там обязательно играем в Яшура, это всегда так интересно. Но, обязательно, 3-4 человека должны быть тех детей, тех же гутских детей или наших девчонок молодых, которые знают принцип игры, для того чтобы они ту же самую песню пели, чтобы было кому петь, чтобы было кому задавать тон. Играют с удовольствием. Они там и гадают, могут и гадания эти святочные устраивать, и с блинами гадали. Эти мальцы как пошли с этими блинами, я говорю: «Господи, надо идти искать!», ночь на дворе, ушли куда-то за деревню с этим блином гадать. Там, значит, берётся блин. Мальчики берут блин и они молчком должны с этим блином уйти за деревню. Молчком встретить девушку, спросить, как её зовут, ну или бабушку, смотря кто там вам встретится, я ж не знаю, и потом молчком опять же они возвращаются, никому не рассказывают, как её зовут, съедают этот блин. Так будут невесту звать. Они как ушли - мы уже хотели в розыск подавать. Нет и нет, нет и нет. 20 минут и 30 минут, а мальцев нет, все разбежались. Бабушки по улице не ходят или девушки не ходят, спросить не у кого. Конечно, у каждого свой блин и каждый

должен встретить свою. У меня младшая дочка гадала, тоже мы так смеялись, на Рождество гадала, забор же обнимала, когда считаешь плашки, будешь ли ты в паре или не будешь. Она обняла, и начала громко кричать: «Ура! Ура! У меня чётное количество, я буду в паре!». Ну, мы, конечно, все поржали, потому что сейчас современные заборы с двух сторон плашками идут, поэтому, с какой стороны не крути, оно всё равно чётное получается. Её, как ни обними, они все равно по две идут. Ей об этом никто не сказал, но она была очень счастлива.

Это будет зависеть от вас и от того, как семья это будет подавать. Ну, я говорю, вы можете, что угодно там делать, хоть танцы с бубнами устраивать, но всё равно молодёжь, школьники, им надо всё равно дорасти до этого. Хоть как ты можешь плясать, но если он упёрся в гаджет, он будет в нём сидеть, что ты ни делай, ты не заинтересуешь его. 21 век, всё равно часть людей останется, которым это будет интересно, которые в это будут вникать, которые, может, ещё детям своим будут это рассказывать. А поголовно так вы этого не привьёте, такого не бывает, это жизнь.

Записана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1974г. н.

* * *

Чаму я вырашыла займацца этнаграфіяй... Таму што мне гэтае цікава было заўсёды, лёс так склаўся, што я была ў Комі, жыла 10 гадоў. І мне таксама было цікава, вось, мы там хадзілі глядзелі пабудовы, там цікавыя такія, ну там руска-паўднёвы стыль, таксама расказывалі там пра іх абрады цікавыя, гульні, да мне было заўсёды цікава. Ну можа таму што маі бацькі з вёскі, таксама мне нешта распавядалі, маці асабліва, яна с Расіі, а бацька беларус мой. І тады мне было заўсёды цікава... І з задавальненнем ездзіла на вёску да сваіх родзічаў, у меня там цётка на вёсцы жыла. На мяжы с Пастаўскім раёнам, на Глыбоччыне. Мы з ёй размаўлялі многа. А ў дзяцінстве я таксама хадзіла на танцы вясковыя, далёка... Танчылі мы да 4 гадзін раніцы, я гаварю, пеўні спявалі - толькі вярталіся. Да... Так гэта мне вельмі душу грэе, гэтыя ўспаміны. І там Купалле было, самі рабілі Купалле без усякіх там культработнікаў, самі Купалле рабілі. Кола гэта пускалі з горкі, у мяне аж сэрца так, замінала, як мне гэта ўсё спадабалася! Песні... Таксама, я помню вяселле ў маёй цёткі, там таксама пелі, нават спявалі, спявалі жанчыны, гурт... Усё гэта па традыцыі беларускай, кожная, як опера кажуць, як Раманаў казаў, гэта опера. Як пачынаецца вяселле, як прадаўжаецца, і як а можа маладую адпраўляюць - усё гэта яны спявалі, я гэта ўсё памятаю. Як мой бацька танчыў на лаўках, на лавах, трэба было зламаць лавы. Таму што так трэба рабіць, каб ведалі, куды яны аддаюць, што такая радня магутная, што могуць лавы нават паламаць! Гэта прыемна для мяне, паразмаўляць у гэтым сэнсе, калі гэта датычыцца да маіх адчуванняў! (*смяецца*) Гэта да, гэты нейкі такі іншы паварот! Ну так вось, бацька гэты мой, лавы гэтыя лупіў, таксама памятаю. Помню, як мама не дазваляла, цягнула яго с гэтай лавы. А ён казаў: “Гэта наша традыцыя, трэбы лупіць лавы!” (*смяецца*) Вось, да... Як у мяне вяселле было, асабістае, так мяне таксама хавалі... Хаваў брат мяне дваюрадны, такі быў любіцель гісторыі таксама. Пэўна, у нас ёсць нешта ёсць такое, у радні... Ён там цікавіўся радаслоўнай і гісторыяй роду, і пісаў ён. Я, так сказаць, з дзяцінства люблю гуляць. З дзяцінства гулялі мы ўсе з вамі. І я арганізоўвала заўсёды, у мяне такое ёсць... Было, таксама, выпрабаванне такое цікавае, што да цябе датычыцца. Ну гэта я ў інтэрнэце прахадзіла такой апрос. Так ведаецца, як трапна аказалася - у мяне гульні, вось, што мяне цікавіць. І так атрымалася дажэ ў тым апросніку, нейкі такі апроснік быў цікавы... Ну і я там розныя такія адказы рабіла і зусім да гульні не датычыліся, а выйшлі гульні (*смяецца*). Так што, нешта прымеркавана, можа, так лёсам. Ну і так вывучала, тады вывучала, арганізоўвала святы такія, гульні калектыў, мы там адапціравалі старое на новы лад, мне заўсёды было цікава на беларускай мове, менавіта. Менавіта на народных традыцыях, таму што гэта ідзе ну вот гэта сувязь часоў, гэта ідзе

вельмі здаўна. Я так адчуваю, як яно так да мяне і перашло (*смяецца*). Калі так, ну а этнаграфіяй пачала ўжо займацца, як у культуру я трапіла. У мяне педагогічная адукацыя, але мне заўсёды было цікава, вот я калі была педагогам, я заўсёды гэтыя святы арганізоўвала, і мне гэта было цікава і мне, так сказаць, перамагло. Я, вось, развіталася з адукацыяй, пайшла ў культуру, тут так сябе знайшла. Вот тут ужо адпрацавала 30 год, потым я пайшла ў школу і там гурток вяла, “Вясёлка” гурток. Мы там ставілі, таксама, гульніёвыя праграмы тэатралізаваныя.

Вывучала святы каляндарнага цыклу, можна сказаць усе патрохі. Ну самае распаўсюджанае на Пастаўшчыне, еслі казаць - гэта Каляды. І самы багаты пласт - Каляды. Таму што астатнія так, трэба было працаваць, а менш святкаваць... А на Каляды быў час, і ў гэтыя вячоркі рабілі, ладзілі вячоркі. І я гэта памятаю, таксама, у нейкіх гульнях удзельнічала яшчэ, хаця старэйшыя людзі больш памятаюць, я ж апрошвала старэйшых, якія ўжо пайшлі з жыцця. Пра Каляды многа матэрыяла, астатнія так, па-ціху да па-малу. Купалле тожа было не дрэнна, таксама было распаўсюджана. Меня таксама цікавіла гэтае свята, таму што гэта магічны сэнс такі... Хачу вам сказаць, што я нават са сваім другім мужам, я 2 разы была замужам, з другім мужам я пазнаёмілася, менавіта на Купалле. Ужо ў дарослым стане, 35 год (*смяецца*). Вось і Купалле, да... Звадзіла пары і раней, думаю і потым. І яшчэ мая сяброўка была, пазнаёмілася на Купалле і мы ўчатырох, заўсёды гэта свята адзначалі доўгі час.

Раней, канешне, вогнішча палілі, тады хлопцы гэтыя калёсы запальвалі, скідывалі з горкі, сімвал сонца на зямлі, каб яно гарэла, было неўміручым. Карагоды, песні канешне вадзілі. І гулялі ў нас, як я ўжо капалася, вывучала - гулялі ў гульню “Яшчар”. Самы даўнейшы варыянт гэтага - летні. А потым ўжо стаў Калядны. Мы, як падрыхтавалі гісторыка-культурную каштоўнасць, так гэта мы ўжо калядны варыянт, таму што было лягчэй сабраць звесткі ад носьбітаў. Сабралі і рэканструіравалі Калядны, сам рэч, ён таксама, вельмі цікавая сутнасць у гэтага “Яшчара”. З цікавасцю я яго вывучала, артыкул ёсць у Наваполацку, у ўніверсітэце я друкавала.

“Яшчар” асабліва зацікавіў, таму што, чаму вот цяжка сказаць чаму. Можа таму што, мяне ў моладзі больш гульні цікавілі, таму што там цікавыя моманты ёсць у сталяванні адносін хлопцаў і дзяўчат. Заўсёды гэта мяне цікавіла, такая вот сутнасць. Ну вось, пэўна, “Яшчарам” і зацікавілася. Таму што гэта вельмі такі старадаўні абрад, які не толькі, як даўней капаліся, ён яшчэ ідзе з далёкіх істокаў, вытокаў, калі гэта Дэміург які мог быць “Яшчар”, яму пакланяліся і баяліся яго. І баяліся, і яму самае дарагое аддавалі, як усякаму Боству і гэта вот такая вот гісторыя, такая даўняя, самая даўняя, так мяне зацікавіла. Адкуль жа гэта ўсё пайшло... Чытала жа этнографаў многа і ніхто ж дасканалы не скажа, што прататып гэтага ці маланка, ці то рака, ці то паслед дзіця, які нарадзіўся, ніхто ж гэтага не скажа... Ёсць такія варыянты і такія. І так вот яно, у гэтым мысленні дакладным перайшло ўжо ў міфалогію. Ад дакладнага да міфічнага... Да выяўленняў, да метафарычных, такі вот цікавы шлях, мне было цікава. З задавальненнем вывучала. І прышлі мы да Каляд, да гульні моладзі... З Маслоўскай мы гэта рабілі, была ў нас такая... Вот, мы з ёй дамовіліся і рэканструіравалі. Ну і там, на Гуце, былі добрыя дзеткі, цяпер не ведаю. Ну, аднаўляюць яны, так паказваюць калі не калі, а тыды мы гэта рабілі з задавальненнем... Ну і праграма знятая ёсць, дарэчы, вельмі шанавала яе, мне яна цікавай была, гэта дзяўчына. Таксама, яна па беларуску добра гаварыла, прыгожа, вы ж яе ведаеце, прыгожая... Сукенкі... Сама, сама шыла сукенкі, ну такая вось... І мы заснялі з ёй гэту перадачу, пра спадчыну гэты серыял, цяпер ён таксама працягваецца, ёсць жа шмат чаго, гісторыка-культурных каштоўнасцей... Я думаю, што вельмі добрая праца. Вельмі добрая. Мы тут, у мяне сяброўка была дырэктарам музея, таксама цяпер у адпачынку. Яна гаварыла: “Дык вы ж пад прымусам рэканструявалі!” То ёсць навучылі дзяцей. Ну і што? Ну і што? А ўсё роўна яно засталася, яно ёсць, яно працягваецца і парой трэба застаўляць дзіця, каб вучылася граць, і тады будзе ўжо геніяльны музыкант, паэтаму нічога няма страшнага ў гэтым. Што мы зрабілі гэта, навучылі іх, навучылі. Навучылі, дык яны ўжо і

ведаюць, гуляюць. А потым гэтую гульню можна перарабіць на такі лад, на сучасны, такія фанты там задаць, як гульня ў фанты ну выкуп вяноў, ці як на Каляды хустачак. І задаць такія фанты, якія вельмі сучаснымі могуць быць, фанты ніколі не састарэюць.

Ну, напрыклад, я вучыла варажыць дзяцей, як мы варажылі раней. З гэтым воскам, з паперы, цені на сцяне, з тапкам, які будзе, пераступаеш тапкам, хто скараэй замуж пойдзе. Ну так у студэнстве я не збіралася замуж, а калі мы варажылі, аказалася, што я першая выйду, так і сталася, цікава. Магічнае вось гэта праграмаванне.

Гэта ў нас генетычны такой наш код, ён імкнецца гэта рабіць, таму што вы жадаеце зрабіць так, як накрывалі на стол вашы бацькі, так, а можа яшчэ лепш. Але нешта тое, што было вам хочацца працягваць, так і ў нас. Яно гэтае пайшло ў нейкую такую памяць генетычную. І мы гэта жадаем працягваць. Толькі нам трэба яшчэ помніць, ці хто-та нам падкажа, і мы гэта хочам рабіць, так... Дзеці, каго я навучыла... Я думаю, што яны гэта будуць памятаць і будуць рабіць. А чаму? Гэта ў нас ужо ўнутраная такая патрэба.

Матывы ёсць захаваць памяць, таму што мы ўсе, калі жывем, працуем на памяць, на памяць аб нашых продках, аб нашых бацьках, вот, як мне сёння далі кніжачку, я там давала ўспаміны аб бацьках, і, калі мы жывем, мы складаем, ствараем ужо памяць, таксама ствараем памяць. І я лічу, што гэты матыў можа быць, так сказаць, не зусім асэнсаваны, не заўсёды асэнсаваны, але ён ёсць: мы хочам рабіць добра, не хочам рабіць дрэнна, а, калі хочам зрабіць дрэнна, тады мы каемся (*смяецца*).

Цікавяцца, цікавяцца, дзеці асабліва. Ну, дзеці ж яны больш адкрытыя для новай інфармацыі, вось, непасрэднай, непасрэднай такой, калі можна сябе выказаць. Але, а гэта ж культура народная, яна дазваляе сябе паказаць, вось... Ну, і потым, і зносіцца ж цікава таксама, не толькі ж ў гаджэтах сядзець, ім таксама хочацца сустрэцца. Мы чаюванні такія робім, там, гуляем, размаўляем, і гэта дзеці любяць, любяць, прыносяць там усякія стравы салодкія ж, канечне, усякія ласункі. Прыходзяць тады, і не можам мы растацца, так нам цікава. Таму такія матывы... Матыў – гэта памяць, якую мы ствараем кожную хвіліну, сваім існаваннем нават мы ствараем, таму што кожны чалавек – гэта космас, як у вершах.

Самы цікавы быў час для мяне, гэта 90-я гады, “Адраджэнне”, калі гэта ўсё пачалося толькі, “Адраджэнне” і Таццяна ўспамінае з задавальненнем, Іра Пятроўна – мы ўтраіх працавалі ў Цэнтры культуры, раней называўся “РАМЦ” – Метадычны цэнтр, траіх нас толькі было, вось, і мы такую працу рабілі, вось, пачыналі гэты фальклор аднаўляць, таму што не было ж гэтага пры савецкай уладзе, было вельмі слаба, вельмі слаба. Былі тут такія святы, рускія больш. А, як і калі гэта ўсё пачалося: у 1991-м годзе я прыйшла на работу і ў нас ужо фестываль быў... Можна, першы быў у 1990-м годзе, я прыйшла пазней за Таню, вось, фестываль жа ж быў народнай музыкі ў нас, вось, гэта такія музыкі сабраліся, а тады, значыцца мы пачалі хадзіць... Хадзілі пехатой нават, ну, былі маладзейшыя, тады гэта былі гады, пачатак 90-х, мы хадзілі пехатой вакол Паставаў і запісвалі ўсякія рэчы: фальклор запісвалі мы, і як жылі пры Польшчы запісвалі, пры Польшчы нічога добрага не было (*смяецца*), раскажвалі нам, што адну запалку трэба было дзяліць на некалькі... Вось, так што не трэба нам (*смяецца*). Значыцца, успаміналі, усё мы запісвалі, усё, што нам раскажвалі людзі, усё запісвалі. Я пякла, пякла пернікі, з пернікамі хадзілі, частавалі гэтых людзей (*смяецца*), носьбітаў. Ну, пернікі, маці мяне навучыла пячы. Яны ж такія малыя, можна ж зрабіць іх малымі, вось, і, так сказаць, лёгка пячы і лёгка... Па аднаму можна ж, частаваць лягчэй. Ужо, калі спячэш пірог там які, ужо трэба яго дзяліць, трэба ж, каб цябе запрасілі на гарбату, а каб яго, гэтага носьбіта, не застаўляць гарбату гэту рабіць – пернікі аддаць гэтыя і ўсё.

Культработнікі яны ж людзі эмацыянальныя, і, вось, ад эмоцый вельмі шмат чаго залежыць, вось: калі гэта мне падабаецца, калі я адчуваю ўздым, значыцца, я гэта люблю і буду падтрымліваць. І культработнікі гэта робяць, у школах таксама ёсць апантаных настаўніцы, таму, што я рыхтавала матэрыялы ў кнігу «Памяць. Пастаўскі раён», вось, у нас там дыялекты запісаны, настаўнікі ў школах запісвалі, у іх прасіла, яны давалі, таксама і музейчыкі ёсць, вось, музей таксама ёсць у Парыжы, у Парыжы ёсць, там па

гісторыі была выкладчыца добрая Святлана, цяпер не ведаю, ці працуе яна тут, ці ў Варапаева перайшла, вось, таму, што ў нас ж усё мяняецца: школы зачыняюцца і клубы таксама скарачаюцца, вось, таму, што так, ёсць людзі апантаныя, якім гэта падабаецца, яны і падтрымліваюць, а, калі не будзеш падтрымліваць і не будзеш расказваць, перадаваць, дык яно ж... І забудзецца.

А як так трошкі я адчыняла, думаю, ну так жа ж змрочна сядзець у чаторох сценах, я пайшла ў гэты клуб пенсіянераў, і я там святы з імі вырабляю, і вось свята мы рабілі, напрыклад, Масленіцу тую ж, ну, ім так хочацца Масленіцу рабіць, дык я тады гэтых дзяцей з гімназіі запрасіла, ну там трэба ж было ролі нейкія выконваць. Ну, дык вось, з гэтымі дзецьмі мы, вось, і танчылі нашы танцы, мясцовыя, з гэтымі дзецьмі трохі мы там рабілі гэтае свята. Ну, там, канечне ж, вобразы былі вясны, зімы, як гэта заўсёды стандартна, гэта стандартныя такія, а, вось, ім так трэба, каб людзі прыходзілі, такое ўжо, ну, але ж мы там і рабілі нешта ж такое, вось, мясцовае, народнае рабілі з гэтымі дзецьмі. Будзілі мы мядзведзя, выконвалі такі абрад, гэта чушкамі трэба стукаць па зямлі, абуджалі зямлю, вось, вогнішча, канечне ж, спальваюць чучэла зімы вогнішчам, каб яна ўжо не вярнулася, вось, і танчылі мы танцы такія, нашы: падыспанку танчылі, кракавяк, так, як у нас танчылі. І я іх не вучыла, я спытала, хто вось навучыў, яны казалі, вось у Цэнтры дзяцей і моладзі, так што там таксама трохі нешта ёсць. Вось, так падтрымліваецца (*смяецца*) народная культура, хто што можа, хто як.

Глобальная пагроза, каб гаджэты не замянялі зносін натуральных, гэта пагроза асноўная. Таму, што, менавіта захаванне гульні і там нейкіх традыцый гэта ж абавязкова нам трэба зносіцца, вось, без усякіх пасрэднікаў, таму, што гэта кліпавае мысленне, гэта пагроза. Трэба развіваць, канешне, ну і, людзей апантаных трэба заахвочваць, думаю, што заахвочванне нядрэнным было бы: я на пенсіі на адной сяджу, і каб мне хто даплаціў, ну дык я нешта і вырабляла, вось, таму, што хоць лекі купіш і будзеш крапчэйшы (*смяецца*). Вось, заахвочваць трэба людзей апантаных, заўважаць іх і прапаноўваць, вось, напрыклад, яны ж маглі бы мяне, я апантаны чалавек, я гэта ведаюць у культуры, і, калі я ўжо пайшла на адпачынак, на пенсію, яны ж маглі мне нешта прапанаваць, напрыклад, Людміла Яўгенеўна, вазьміце паўстаўкі, а я хацела, каб яны так зрабілі, паўстаўкі там папрацуйце, вазьміце 0,25 стаўкі – мне гэтага было бы досыць, так. Вазьміце і падтрымайце некія такія... Я можа бы на вёску з'ездзіла, у Юнькі, напрыклад, і там бы нешта вырабляла, а, вось. Канечне ж трэба падтрымліваць людзей, а, так сказаць, таму, што ёсць людзі розныя, і ў культуры людзі розныя (*смяецца*), ёсць людзі абыякавыя, як і паўсюль, ёсць людзі цікаўныя, я сябе адношу да гэтай катэгорыі, вось. І гэта далей, канешне ж развіваць трэба яшчэ, развіваць... Хоць бы гэты комплекс развіваць, можа ж нейкія праекты іншыя прапаноўваць, ну і, канечне ж, падтрымка фінансавая патрэбна, вось, абавязкова. Без фінансаў турыстаў ніяк развіцця не можа быць, вось. Напрыклад, вось, музейчык, музейчык маленькі, а матэрыялаў шмат, і маглі бы мясцовыя ўлады трошкі падумаць аб гэтым, як пашырыць (*смяецца*), вось... Ад турыстаў многае залежыць, ад уладаў, каб яны падтрымлівалі, можа ж яшчэ больш... Не скажу, што не падтрымліваюць, гэта не скажу, але такога вось, такой зацікаўленнасці вялікай, ну, так, скажам, незаўважна. Падтрымліваюць, канешне, фестывалі ж прымаюць нашы ўлады, прымаюць фестываль, таксама ж сродкі патрэбны, выдаткі, вось, і трэба, трэба сказаць, што яно ёсць. Ну, але ж, можа, якія намаганні маглі быць большыя, але ж, можа будзе там гэты наш шпіталь, бальніца, там пераходзіць будзе, там абяцаюць, што будзе музей, можа там, калі, можа... Можа, калі што зменіцца, у праектах ёсць, ёсць, толькі, можа, сродкаў няма. Там яны хочуць, значыцца, бальніцу гэту нешта пабудоваць і аддаць палац, палаца крыло, напрыклад, для музея. Падтрымліваць культуру, гэту гісторыю, вось... Там, у часопісе у нас жа ж друкуюць такія-сякія, калі казаць пра друк. Ну, можа што пашыраць там, калі на ўзроўні раёна дык, можа, не ведаю, можа канал можна зрабіць, такія асаблівыя менавіта вось пра народную культуру, тое, што, вось, зрабілі ўсё ж такія мы гаварылі на канферэнцыі, калі я была ў Мінску, Козенка збіраў тады, ведаеце такога? Козенка – гэта этнахарэограф,

вось, ён працаваў пры Інстытуце праблем культуры, калі называўся, цяпер ён ужо пры Універсітэце культуры, а тады ён называўся “Праблем культуры”, тады, значыцца, вырашылі па-іншаму, там рэарганізацыя была таксама, там у іх скарачэнні пэўныя былі ўсякія, вось, так ён канечне ж такога этна ў нас беларускі такі Мікола гэты найважнейшы этнахарэограф, ён у нас таксама прыязджаў у Паставы, ну і мы там зносіліся з ім у Менску. Дык вось, тады на канферэнцыі мы гаварылі, што нічога не будзе, калі не будзе беларускамоўнага канала пра культуру. І тады вось гэты “Беларусь 3” зрабілі, вось, зрабілі, можа і яго намаганнямі таксама я думаю, вось, і я думаю, што гэта вельмі добра, так на ўзроні раёна таксама ж нешта можна ж зрабіць.

Запісана 04. 07. 2024 у г. Паставы ад жанчыны 1954г. н.

* * *

Пришлось всем заниматься по мере необходимости. И точно также эти цимбалы возникли. Потом ещё, когда на фестивале подводят итоги, говорят, что цимбалы диатонические, поскольку их очаг существует в Поставском районе, они должны развиваться. А раз развиваться, то кто-то их делать должен, потому что они стареют. Вот вы увидите у меня в мастерской, что осталось от цимбал. Что-то под дождь попало, где-то в клубе крыша протекла и залило водой инструменты, которые могли бы ещё служить, но они развалились и утрачены были. Ко всему интерес нужен. Вот как в случае, с тем, говорили же вам, он уже не дееспособен. Он цимбалы даже продал однажды на моих глазах. Мы на фестивале ехали в Витебск. Подошли какие-то люди, заинтересовались, и он им продал им недорого, цимбалы свои, точно такие же. Он и мне хотел продать, но я отказался. Меня они не устроили чем-то. Не чем-то, а могу сказать, чем: ну такого низкого качества, потому что для цимбал надо был соответствующий материал. Дека, например. Вот видите, здесь сучков нет на деке. А там были. Дека делается из ели, причём ель должна быть либо северная, либо карпатская. Наша белорусская ель, она есть, белокорка называется. Местные жители её заготавливали для лодок. В лодке должна быть длинная доска, широкая. Она изгибается в конечном счёте, но в ней сучков должно быть по минимуму, тогда эта лодка будет долго жить и работать. Белокорка – это ель, выросшая в очень плохих условиях: чем хуже, тем лучше. То есть, на болоте где-нибудь, на каменистой почве, на гравии каком-то. Почему вот карпатская есть хорошая. Вот в Карпатах раз 5 бывал в походах. Она растёт вот как вот эти колышки: одна возле другой. Вот буквально так. Там пробраться невозможно. И растёт на горных склонах, где почвы почти нет. Там камень и немножечко осыпи всякой хвойной. И поэтому ей там очень тяжело. Мало того, у неё, обычно же у ёлки всякие веточки начинаются снизу, а тут нет, только на макушке чуть-чуть, потому что всё остальное конкурирует, тут же отмирает. Она стремится ввысь, и тогда вырастает такая ель с очень мелким слоем. Чем у дерева ближе годовые кольца к друг к другу, тем оно считается более пригодным для изготовления инструментов. Вот почему скрипки итальянские такие знаменитые оказались. Они вот именно горные, там горные ручьи. Там даже исследуют, что якобы и вода, и кремний там. То есть, дерево совершенно другого качества. Наша ёлка, которая растёт, она сытая, огромная, толстая будет. У неё годовые кольца очень большие приросты. Поэтому этот слой между колечками – он рыхлый. И он не даёт качественного звучания. Дальше там технологии, как делается резонансное дерево, в частности, на Борисовской фабрике работали с ним. Ствол дерева, в диаметре круг. Из него вырезается только вот эта вот часть. И потом, если речь идёт о скрипке или гитаре, то она даже, вот доска получилось из неё. Доска потом вот так вот разворачивается и склеивается, то есть, внутренними слоями сюда, а наружными – ближе к краю инструмента. Это самый прочный материал, самое прочное дерево. Заболонь называется. Таким образом формируется дека инструмента. Здесь дека сделана из клёна. Явор-клён его называют. Надо, чтобы ближе к корневищу. В настоящих скрипках тоже.

Я вам даже не скажу по древности сколько ему лет. Там не было никаких исходных данных на нём. Прилично, я думаю, что ему лет около 50 лет наверняка, а может и больше. Просто мне пришлось всё заменить здесь. От него осталась эта часть и вирбельбанк. Фортепианные колышки сюда не идут. Здесь другие. А из белорусов никто их не делает. А мне чудом, если будем дальше продолжать разговор, чудом из Германии покупали колышки. Не сразу, а мастер покупал, который делает настоящие цимбалы профессионально, он от них отказался. Кибень некто из Гродно. И они ему не нужны были. Я вышел на него через каких-то знакомых. Он согласился мне их прислать и прислал. Вот сейчас у меня есть набор колышков. В них какая особенность. Вирбель вообще называется по-фортепианному, немецкое слово какое-то. Там есть на нём резьба. Мелкая-мелкая наливка такая на ощупь, на которую накручивается струна. Причём вирбель забивается молотком, а существует он для того, чтобы потом нарезалась такая резьба, и он выкручивает её потом уже, его можно выкрутить. Вот мне попал сейчас инструмент самодельный такой. Где ж кузнец местный, он не мог, не было такого инструмента, чтобы навить. И они делали из этого. И тогда колышек удерживается за счёт трения элементарного. То есть, забивается туда, струна его натягивает, и он с огромным скрипом идёт, натягивается. Здесь нагрузка, если суммарно взять, то она будет очень большая. Если у фортепиано нагрузка струн вся тянет 20 тонн. Ну, здесь тоже сопоставимо. В скрипке около 80 кг натяжка струн. Здесь, точно сейчас не могу сказать, не мерил же ничем, но она очень большая, конечно. Поэтому вот эти рёбра должны быть очень мощными, чтобы инструмент не заломало, не согнуло.

Современные цимбалы все хроматические, то есть они содержат такой ж набор звуков, как фортепиано с ограничением диапазона. У фортепиано 89 звуков примерно, а у цимбал значительно меньше, я не помню сколько в диатонических цимбалах даже. Главное, что там есть все звуки хроматического строя. Все инструменты играют в рамках темперированного строя: там 12 полутонов на октаву. Хроматические цимбалы содержат эти 12 полутонов. В диатонических цимбалах выброшены все лишние звуки: вот эти полутона ненужные. То есть, гамма-мажорный строй тон-тон-полутон, 3 тона и полутона. Вот по этой схеме настраиваются цимбалы. Дальше, сам примарный тон, то есть тот, с которого ты должен начинать, он, как правило, привязан к инструментам с неизменяемым строем – это гармошка. Наши гармошки чаще всего ля-мажорные. Есть другие, но не будешь же с собой возить целую подмышку. У нас и так есть ре-мажорная, и из-за неё приходится всё время возить гармошку. Поэтому чаще всего работаешь с этим строем – ля-мажорным. Ну, и раз ля-мажор, значит и этот инструмент надо настроить в ля-мажоре. То есть, выбрать нижнюю ноту. Это не обязательно будет ля. Это может быть нота из этой тональности. В ля-мажоре три диезы. Ну, ты можешь, значит там, с до-диеза, либо с соль-диеза. Потому будет соль-диез, следующее ля, си, до-диез, ре, ми, фа-диез и так далее. Вот что такое диатонические цимбалы. Тут нет лишних звуков. Там строй своеобразный. Они иногда в этот строй добавляют ещё какой-то звук. В гармошках тоже есть то, о чём я вам рассказывал, и внизу ещё три звука чужих, чтобы расширить возможности. Даже иногда неудобно на ней играть, поточу что, как вам сказать, вы играете какую-то пьесу в середине диапазона, и вдруг вам нужен какой-то звук не из этой тональности, который есть вот здесь вот вверху. Тогда играют большим пальцем, как-то там приспособляются. Вот когда увидите, как играют хорошие гармонисты что-нибудь более-менее сложное, то они как раз пользуются как раз вот этим приёмом. Они находят вот эти три звука. Современные гармошки содержат все звуки, но они тоже вынесены за пределы двух рядов. Там есть два ряда, которые настроены по диатонике, а эти звуки там уже где-то наверху, тогда там надо уже повыпендриваться, извините, чтобы найти эти звуки и вставить их туда, куда необходимо.

В тех цимбалах, две палочки, обшиты кожей. Играют какие-то комбинации нот, либо это двойные ноты, либо одиночные ноты, одиночная мелодия идёт подголоски там. Если он соревнуется с концертмейстером, пианист играет партию, он что-то своё

доигрывает. Вот он играет сольный кусок, но это всё так же, как и на любом другом инструменте, значит, он играет какую-то мелодическую линию или аккордовые вещи. На этих цимбалах играют другими, они называются крюки или крючки. Это напоминает карандаш или твою ручку. Они голые, но чуть изогнуты, звук у них естественно деревянный. Ну, такой. Дерево обшито кожей, а тут, по металлу. Здесь есть такая особенность: левая рука – ведёт мелодию, а правая – подыгрывает, подбивает. Создаёт ритмическую основу. В расчёте на то, что цимбалист может даже один играть, и он создаёт уже тогда резонную мелодию, под которую можно танцевать и всё что угодно.

Это не простой процесс. Цимбалы строятся каждую репетицию практически. Я прихожу летом, знаете, они завываются всё время, потому что повышается влажность всё время. И они как бы разбухают и всё время приходишь – а он, обычно как, инструмент стоит – он садится. Его надо подтягивать. А зимой наоборот – он усыхает, и каждую репетицию немножечко надо подтянуть его. Все струны подтягиваешь буквально каждый раз. Это большая работа. Едут в Минск, берут меня как сопровождающего. Хотя я там, в принципе, уже не нужен был. Цимбалы стоят в газели, в середине дороги цимбалы опрокидываются, а там не так было сделано, как у меня, а под каждой струной такой брусочек маленький. Опрокинулись – все струны легли. Брусочки все. Кучка такая, жменька этих всяких кусочков. Мало того, я же не знаю его строй примальный, а он не знает вообще ничего. Я говорю: «С какой ты ноты начинаешь?». Он мне на гармошке наиграл какую-то ноту. «А следующая?». Ну и потом пришлось уже всю дорогу к Минску, я сидел. А уже нужно было по приезду сразу вот на сцену.

Сейчас как детей готовим – раздаём там какие-нибудь погремушки наши, чтобы они там где-то что-то поучаствовали, постучали, специально просим руководителя музыкальной подготовки, чтобы мы пришли не на пустое место, а немножко приготовил детей. Что-то с ними перед этим разучил, тогда получается такая встреча интересная для них, а мы за это время можем уже вылавливать. Всех родителей знаем. Тут, даже важно не дети, а родители. Почти что так получается. Во-первых, никуда не отнимешь, не денешь генетику. Во-вторых, значит, ребёнка нужно обеспечить, всё-таки его интерес будет устойчивый тогда, если дома будет соответствующий интерес к его занятиям. Если раньше в еврейских семьях шёл додик на скрипку, то вся родня до десятого колена знала, что из него будет большой музыкант. А у нас если ты отдал ребёнка на баян, то отец наверное... Я и такое слышал, что: «Перестань сквалыжить, мне завтра на работу надо рано». Ну, такое имеет место быть. Тут вот издержки нашей природы красивой – вот такие люди, которые, ну, назвать их малокультурными не хочется, это геноцид, но так оно и есть. Потому что для того, чтобы всё это понимать, воспринимать, надо понимать, что это ребёнку необходимо для общего развития.

Понимаете, если про это не говорить, если мастеров и музыкантов этих не поощрять присутственными местами, не звать их куда-то. Понимаете, какой стимул, для этого человека? С ним чуть не небожители разговаривают на равных, пьют с ним вместе эту самогонку, заедают домашними присмаками и так далее. Для него же это очень важно, наверняка поднимает самооценку этого человека. Это, конечно же, важно. Сказать что мне абсолютно безразлично, вот даже ваш приезд, ну как вам сказать, в принципе я уже всё посмотрел в этой жизни. Но если молодым людям, я говорю, хоть что-то западёт в голову, ну это будет уже хорошо. Замечательно, что вы это делаете и если не делать, катастрофа будет. Когда-то Ширма говорил, знаменитый наш: «Сцеражыце наша іскромётнае мастацтва, ад нашэсця гэтых «Чырвоных гитар». Это тогда из Польши в Гродно группа приезжала. Я слушал их, кстати, в Дворце спорта. Огромнейший концерт был, поляки оттянулись там по полной. Красивые гитары были, красивое исполнение, звук, всё прочее.

Запомнилось, в середине концерта, режиссёры хорошо знают такие приёмы. Значит, обрывается концерт такой, гудел там весь Дворец спорта, в таком кружке света – прожектора, был выхвачен поляк. Он продолжает играть на акустической гитаре.

А всего в двух шагах, за туманами война
И гремят бои без нас, но за нами нет вины
Мы в земле прикованы туманом
Воздушные рабочие войны
Туман, туманом, на прошлом, на былом
Далеко, далеко за туманами наш дом
А в землянке фронтовой, нам про детство снятся сны
Видно все мы рано повзрослели
Воздушные, рабочие войны.

И там чуть-чуть про любовь один куплет. Потрясающая песня. Мурашки по коже. Этот поляк вышел, с таким милым, польским акцентом на русском языке, конечно же. Пот эту гитару спел в середине. Фантастика просто. На всю жизнь осталось у меня в памяти. Во-первых, точнейших ход режиссёрский, когда в половине концерта вставка такая делается. Я потом наблюдал, во многих случаях слушал. Там это было сделано здорово.

Любимый инструмент, наверное, баян всё таки. Я на нём больше всего умею играть. Ну, я с удовольствием слушаю скрипку. Сейчас я был на концерте в Молодечно. Я вам уже хвалился, что ребята меня помнят, взяли меня с собой. Приехал в Новополоцк, уехали в Молодечно. Послушали такой потрясающий концерт, он там тоже, играл на баяне. Он играет это всё очень здорово. И играет на шестиугольной гармошке, типа концертино называют. Они играют такую испанскую, чаще латиноамериканская музыка. Чем интересен этот инструмент, ну вот обаяние такое, все нюансы, все тонкости вот они здесь в огромных корпусах, а там вот это всё в ладонях. Звук такой мерцающий, пульсирующий, очень красивый.

Такие цимбалы делают еще на Пинцине. Кто-то делал цимбалы, там даже они, ну не серийно, но какой-то мастер. Ну а здесь была группа мастеров, Новик такой знаменитый был. Ещё один был из деревни, около Груздово, Пожарцы там были такие. Я знал даже лично этих дядек, которые делали цимбалы. Ну тогда мне это не интересно было. Не надо было, вот. Потом уже когда пришлось, вот пришлось. Смотри, что изучать, самое важное здесь – набор материала. Позже про колки отдельно рассказал, что без них всё очень сложно начинать эту работу. Струны. В России единственный завод – Раменская, Подмосковье это, делает струнную проволоку. Никакая другая проволока, стальная самая, не идёт. Дальше, к неё калибровка должна быть 06 , 05 миллиметра. Мне удалось выйти при помощи своих знакомых там и так далее, на этот завод. Пришлось купить там, через какие-то почты, прислали мне струны. Вот эти струны тоже менять нужно. (указывает на цимбалы) Вот такие. Дальше, сами вот эти вот, я про ёлку так долго рассказывал. Но в Карпаты так просто сейчас не попадёшь, что бы ехать специально, тоже мне нет смысла. Но я обхожусь тем, что разбираю старые инструменты. Вот например, в пианино есть большая дека. Задняя дека, там правда пружины приклеены, ты их сбиваешь. Но вот, я говорю, если мы попадём в мастерскую, значит там увидите всё это. С этой деки. Фортепианной, можно выкроить тогда даже до двух цимбал. Вот я заготовки себе сделал. Клён, это то, что растёт у нас здесь, я давно деревом занимаюсь, у нас это и есть. На промышленных цимбалах ставят фанеру внизу, но это не от хорошей жизни. Страдивари не ставил же фанеру на скрипку. Они тяжелее будут тогда немножко. Есть варианты, цимбалы, обычные, здесь только самый нижний диапазон из двух струн состоит. Всё остальное 3-х струнное. Эти цимбалы, как вы видите, по 4 струны на один звук. Он даёт большее богатство звучания, потому-что струны никогда не строятся, даже фортепианные струны никогда не строятся точно в унисон, идеально, по физике. Они чуть делается какая-то разбежка, вот как аккордеон играет. В баяне строй сводиться к 0, практически стремится, а аккордеонный строй, даёт ну... В музыке, это называется центами, то есть разбежку. Полутон, тот знаменитый, делиться при надстройке на 100 центов. 100 центов. И 10 центов это уже, величина, которая позволяет определить аккордеонный звук. То есть 10 центов. 3-4 цента, любой из вас, определит, что инструмент

расстроен. Настолько человеческое ухо – выдающийся инструмент. Даже не будучи музыкантом, вы услышите разбежку, как её ликвидировать, это уже другой вопрос. Это уже надо знать, куда там тянуть. А вот что касается вот этой остроты восприятия, слух, у подавляющего большинства людей позволяет идентифицировать вот этот звук. Мало того, во время исполнения, вот почему так ценится. Самый ценный инструмент – человеческий голос. Инструменты безладовые, у которых нету, нету фиксированной величины. Как фортепиано, например, у баяна. Там все... Вводный звук стремится разрешиться в тонику. Так же? И вот этот вводный звук, интонируется скрипачом и скажем, вокалистом, с тенденцией к повышению. Значит, чуть-чуть, как бы завышая этот тон и бемоль играет с тенденцией к повышению. Это делает музыку вокальную и скрипичную. Более выразительную. Так звучат эти инструменты и так они звучат в восприятии, проходят в душу. Духовики точно так же. Хорошие духовики они интонируют, не смотря на то. Что клапан фиксируют какой-то звук, но при помощи амбушюра, это называется – напряжение губ, он может подтягивать интервал. Вот они так и делают. Духовая музыка всегда звучит фальшиво, потому что играют незрелые музыканты и не очень то умелые.

Во-первых, существует целая группа мастеров, которая, сейчас это уже не фабрика, которая была там при фабрике «Пионер». Они разбились с нами на осколки. Кто-то в паре работает, кто-то один работает, как Кибень, тот же самый с Гродно. Ну, мне известны, по крайней мере, эти люди. Они делают инструменты уже либо под заказ, либо, видимо, с кем-то из торгующих организаций. Единственная беда, знаете в чём – это очень дорого. Цимбалы стали стоить 4000 рублей. На мой взгляд – мастеру цена 4000, может быть и нормально. Особенно если он один, должен найти всё. Собрать все инструменты, вот эти расходники, струны. Но плюс к этому, ещё и знать много чего нужно. Для того, что бы такую вещь сделать, надо много что б чего было в мастерской. Поэтому, конечно же, всё это стало, вот таким, едва ли не самодеятельным. Ну, за что боролись, на то и напоролись – шли к тому, что бы всё было частное, вот в чьих-то руках. Единственная беда и основная беда в том, что стало очень дорого и малодоступно для детей. Например, с баянами такая история: только вот в школе и во всём Воропаево, только я занимаюсь их ремонтом и в Поставах, мало кто занимается. Сложнее, сюда везут. С цимбалами, такая же история. Они стали не доступными просто, для массового. Вот раньше же, огромное число детей занималось же в музыкальной школе, ну инструменты были не очень высокого качества, но их было много, были в доступе и были достаточно дешёвые. То теперь, баян, который я могу показать вам в школе вот, по результатам того конкурса, рассказывал. Нам в школу прилетел такой инструмент, он изготовлен в Москве, «Юпитер» у него индекс. Сделан из итальянских составляющих. Баянчик очень компактный, отзывчивый, выборный ряд у него есть. Ну, так он стоил, уже тогда, 3000 рублей, а потом они когда поняли, что их как-то ещё берут, задрали цену так, что теперь он стоит как легковой автомобиль. Баян из этой же линейки, следующий, стоит 8000-9000 тысяч рублей. Ну, кто из детей купит такой баян? Даже из самых богатых родителей купит такой баян? Тем более, этот баян это как ваши кроссовки. Вот, подросли, через год вы уже сестричке отдадите или выбросите, потому что они вам непригодны будут. Так и инструмент тоже, в этом году он ещё пригоден, а на следующий год ему и диапазон другой нужен и побогаче. Желательно его перепродать, а начинаешь перепродавать – потерял стоимость.

Я не претендую на композитора, хотя в армии пришлось сочинить марш для полка. Консерваторию, закончивши, приказали, сказали что марш нужно сочинить, да такой, я в артиллерии служил. Сочинил. А так, мне таких претензий не было. А, ещё было что, сюита, в которой не хватало несколько частей, мы нигде не рыпались, не могли найти ни в интернете, нигде. На конкурс надо было детей везти. Значит, сел и сочинил. Ну, дети знали, сами дети мне сказали, что сюита «Колобок» и не хватало персонажа. Деда не было, бабы не было и ещё кого-то, а зайца не было. Вот мне пришлось сочинить это всё, ну и я там даже не писал что сочинил, а того автора оставил, который сочинил основную

часть сюиты. Был случай, когда на конкурс надо было девочку везти, на республиканский конкурс, кстати. Отсутствовала страница сонаты и я взял и написал её просто. По той музыке, которая там существовала, дописал. Мог там что-то сочинять, но есть масса людей, которые делают это лучше меня. Я её, музыку, с удовольствием играю. А для таких цимбал, ну, не думаю, что пишут. Скорее всего, берут старые польки какие-то и их редактируют. Я точно так же делаю. Вот все мои польки, которые я там написал, это редакции каких-то полек. Дописывал к ним какие-то связки, что-то такое, на свой вкус уже. Но это тоже композиторская работа такая. Я думаю, именно так это всё происходит: на основе какого-то материала фольклорного, который существует и его подрабатываешь к своим обстоятельствам, которые тебе нужны. Какие-то сюиты, соединение полек, какие-то соединения частей. Есть часть у нас последняя – соединение полек, называется – «Гарэзливия музыки» - это полька, построена на мотивах Витебских полек. Писал её, эту композицию, Сирота. Коля Сирота – это мой старший по консерватории, знакомый. Моего друга ближайшего товарищ. Ну, этот Коля написал эти польки. Кстати, материалы эти давал не я, а мой знакомый хороший. Он написал эту сюиту и она мне потом попала в руки, эта сюита, но мне она не пригодилась. Но я из неё повывтаскивал необходимые фрагменты, переработал их и значит, получил композицию. На мой взгляд, она очень интересная. Когда-то нам придётся, на каком-то фестивале играть, на конкурсе каком-то тоже, но она эксклюзивная, никто её не играл.

У них есть немножко другой набор всяких переборов, мотивное строение. Какие-нибудь польки Припятские, в них другой набор всякого рода соединений мотивов. Они отличаются, по вкусу, вот. Польки есть такие, ну, знаменитые – «Хорошки», которые играли польку с подсечками ритмическими, это тоже не характерное для нашей местности. Здесь такие особенности есть, в этих польках. Ну и тем более, узнаваемые и если она вставлена в композицию, то там сразу слышны принадлежность её. Такая есть Ухаха полька знаменитая, играет её ансамбль и она там расставлена, потому что была. Естественно, кто-то в общем, зритель, может и не узнать этого, а уж специалисты, кто знает этот материал фольклорный, тот обязательно, сразу услышит, что это полька мясечковая, что называется.

Потому что, если не заниматься – похоронят, ещё немножко и всё пропадёт, полностью пропадёт. Помните, как говорилось - «Шеф, всё пропало». Потому надо, что бы хоть какая-то искра была. Пусть то гремит по своему, а этот ручеек должен быть. Наверняка у людей будет к этому интерес. Я смотрю, мой директор, молодой, собирает каски. Времени войны, всякие артефакты и всё прочее собирает. Вот у меня в столе, тоже, лежит отвёртка. Папа вернулся из, при авиации служил и отвёртка из Мессершмитта. Дорожу ей, очень сохранил лак, всё это, немецкое. Там ещё и ящик, такой, немецкий. А отвёртка, сохранилась. И вот он собирает всё это, ну то есть, интерес у человека есть к этому, он копается, составами чистит эти каски. Нашёл в интернете, сейчас же легко найти, сподвижников. Что-то ему пересылают, какие-то клинки. Поп, мой знакомый, здесь есть, с которым я всегда дружбу вёл. Обращается ко мне что бы, осколок от сабли Австрийского офицера, который в 1812 году, во время Французского нашествия, проходил Наполеон и здесь бои были. Он нашёл осколок сабли, обломок, вычистил её. Я её под дубовую панель, заправил, под стекло – артефакт. Сын, когда увидел, говорит – «Выкинь ты её за забор». Я говорю, ты с уважением отнесись к человеку, который нашёл её. Это ж сабля, когда-то пришла сюда, кто-то ей размахивал, кто-то её сломал. Вот, есть люди такие. Так и будет со всем, кто-то должен этим заниматься. Надо, что бы так, как вы, увидели вот это, услышали, то, о чём я говорил. Может, запомнится, что-то вы дополните, наверняка, своими годами в учёбе в институте, если у вас будут такие же руководители, которые вас сюда привезли, заботливые. Значит, вы будете, наверняка кто-то вас на что-то ещё сподвигнет и потом, что-то из этого получится обязательно, если долго мучиться...

Записана 05. 07. 2024 у г.п. Варапаева ад мужчыны 1947 г. н.

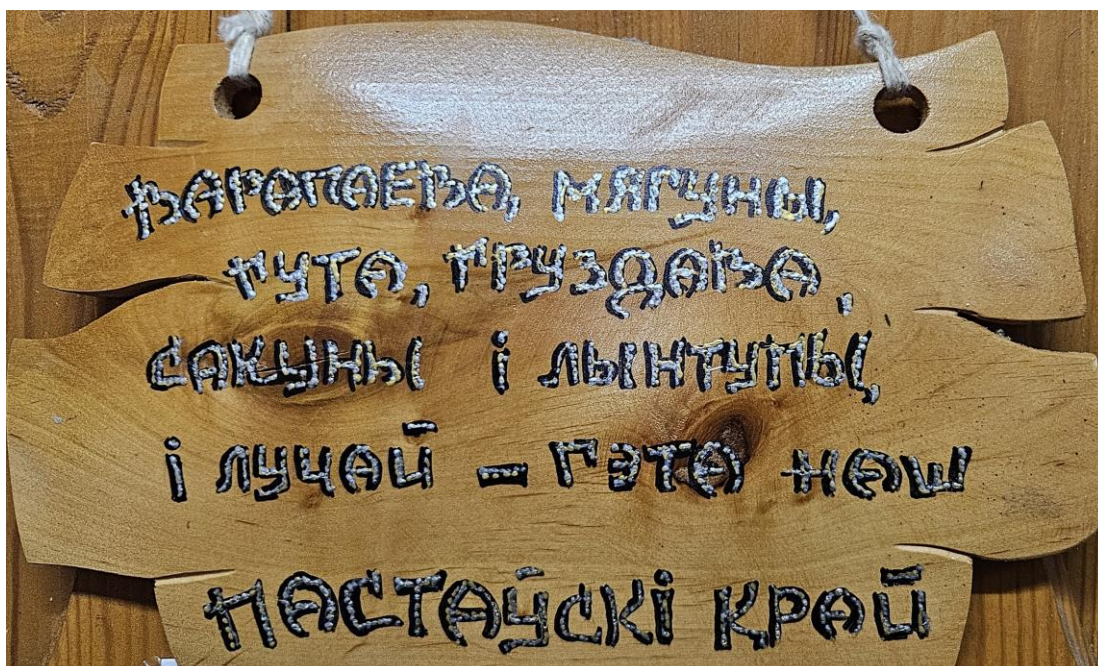
Бабушка говорила, что она продавала на рынке, вытинанку эту резала. Ну, видимо, заказывали. Если кто-то умирал, то заказывали для оформления труны нябожчыка. Оно все, что было сделано сейчас из текстиля, все делалось из бумаги. Вот эти все оконтовочки гроба, покров вот этот. Наверное это, я не знаю, это то, что мне говорила бабушка. Мне тоже интересно, но я не знаю. Если бы фотографии старые найти, надо смотреть на старые фотографии. Раньше ж фотографировали похороны. И вот там бумажные цветы делали. Просто вот на стол красивые, бумажные, как сейчас искусственные, так делали бумажные. На кладбище тоже бумажные цветы делали. Она тоже это делала. На иконы делали бумажные цветы. Вот эта вот икона кстати – это икона сестры моей бабушки (*показывает икону в своем кабинете*).

Ну есть еще там у меня иконы. Мне отдали их выбросить, ей сто лет. Ей сто лет, там сзади написана дата, у меня где-то фотография есть, я когда реконструкцию делала, я фотографировала. Это вот икона моей прабабушки. В общем, бабушкиной сестры. А это то, чем я сейчас занимаюсь. Сетка, вышивка по сетке. Бабушка ещё моя плела сетки, делала вышивку по сетке. Это лён натуральный. Это вот такая, мне подарили. Это не моей бабушки, это здесь в Поставах, она пришла и сказала: «Я вот тебе вот дарю». Это вот у меня такая есть. Вот это вязанная сетка, тоже сетка, это вышитый ковёр – это моей бабушки. Это на бричку. Такая штука очень редкая. Это вот вышивка по сетке, это вот я на Славянском базаре в прошлом году делала – первое место мы заняли.

Мне бабушка говорила, что: «Вы должны лепей жыць, чым мы. Вот мы живем цяжка, а вы павінны жыць лепей. А дзеці вашы яшчэ лепей». И поэтому вот это всё не приветствовалось. Покупались новые, это всё. Ну я как бы, я поэтому и тяну, потому что мне это нравилось: с детства приезжала, мне.. но оно в шкафу лежало. Никогда на стены не вешалось. На стенах всегда новые ковры государственные. Вот эти, которые надо было доставать. На полу дорожки тканые такие, ну, государственные. Ничего такого не было. Всё было... ну было, но оно всё лежало. И вот когда они дом продавали, мне много чего досталось из этих вещей.

Вытинанки вообще не было, и это был забытый вид ремесла. Его возрождали практически с нуля. Ну вот эти мастера, которые занялись этим. Информации было ноль, только вот на уровне кружковой работы вот такой вот в РЦДмах, там ещё где-то работа с бумагой. Поэтому, ну, по крупицам, по крупицам, оно вот так вот собиралась, семьи расспрашивали: что да как? Мы когда собирали эту информацию, ну, буквально все: вот почему? А что? а как? А где? Ну, думаю, что как оно продолжалось потихонечку тоненькой ниточкой так и будет. Ну, открытки же сейчас модны, популярны в этой теме. Это книжная графика. Вытинанка она популярна, как и любое другое ремесло, потихонечку будет развиваться. Может быть, даже оно более будет популярно даже чем там, ну, тканое, хотя, сложно сказать, у нас покупают и тканые изделия, но все же спросом потребительским.

Записана 02. 07. 2024 у г.п. Варапаева ад жанчыны 1973 г. н.

“ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА ПАСТАЎШЧЫНЫ”

Навуковае выданне

АЛЮНІНА Ірына Уладзіміраўна

МІХАЙЛЕЦ Міхаіл Анатольевіч